

Игорь Квентор

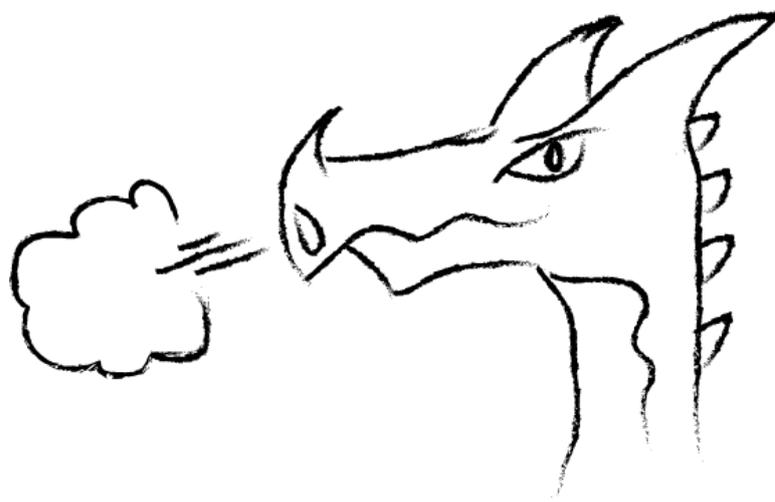
Три приятеля

Игорь Квентор
Три приятеля (сказка).

В книге описаны похождения трех приятелей: хиппи Гаши Туманова, разведчика в отставке Эдика Гонзалеса, шамана из племени ирокезов по имени Прыткий Мокасин и их друга Змея Горыныча. Книга написана в жанре юмористической сказки для взрослых. В ней так же затронута тема астральных путешествий и осознанных сновидений.

© Игорь Квентор, 2004 г.

*Посвящается моей маме,
которая с детства
привила мне любовь
к путешествиям.*

Часть первая. Начало пути

ГЛАВА 1

Жили – были три приятеля. Старый хиппи Гаша Туманов, бывший шпион-резидент Эдик Гонзалес и индеец из племени ирокезов по прозвищу Прыткий Мокасин. Обитали они в небольшой избушке на краю заброшенной деревни. Кроме них в деревне доживали свой век еще три с половиной старухи и один старый и тощий Змей Горыныч.

Бабульки целыми днями мусолили семечки и матерно поругивали Горыныча, от чего он всегда был злой и насупленный. Мужики иногда заступались за Змея, но старух было не переубедить. Все им казалось, что Змей хочет их похитить и надругаться над каждой по очереди.

Как-то ранним, погожим утром, когда на дворе было начало весны и мухи только-только народились, трое приятелей уселись на лавку у плетня и забили первую Трубку Мира. Сей нехитрый ритуал был нарушен воплями старух и тревожным хлопаньем крыльев Горыныча на пустыре.

— Опять старухи Змейку мутузят, — огорчился Гаша.

— Клянусь своими сапогами, — вскричал Эдик, — я их на ремни порежу, вот прям щас!

— Плохие, однако, ремни выйдут, — заметил Прыткий Мокасин задумчиво, но для дела также улюлюкнул разок сурово.

— Надо Змея выручать, — сказал Эдик и решительно побежал на пустырь.

Гаша не любил драться, особенно со старыми женщинами. Да и Мокасин тоже не спешил. Однако забористый испанский мат Эдика и утробный рык пернатого призывно звали в бой. Гаша на всякий случай снял очки, а индеец протер томагавк.

На пустыре в клубах пыли бились не на жизнь, а на совсем. Причем старухи явно теснили Змея с Гонзалесом, сидящем у него на спине, и прикладывали обоих то кочергой, то ухватом.

— Падлы-ы! Los tontos! Суки поганые! Los agujeros centenario! — свирепо кричал Эдик, все сильнее краснея лицом.

Индеец хыкнул что-то свое индейское и кинулся врукопашную. Томагавк он благоразумно припрятал за скамейкой, чтобы не отняли.

Гаша попытался по старой хипповской традиции уговорить бойцов заключить перемирие, но это было бесполезно.

Бабки вошли в раж и все метили в причинное место крылатому, но попадало больше Гонзалесу. От этого Эдик перешел на совсем уж какой-то мексиканский диалект, и разобрать его вопли было весьма сложно.

Конец битве, как всегда, положил урядник из соседней деревни. Он еще издали увидел столбы пыли и притарахтел на старом «Иже», чтобы вмешаться, значит, как и положено по

службе. Для пущей убедительности он прихватил фуражку и ПМ с накрученной на ствол пластиковой бутылкой, чтобы круче выглядело. Это он увидел в каком-то кино.

Урядника старухи почему-то любили, хотя с виду он был ничем не примечателен, да и неказист. Видимо фуражка и штаны с лампасами внушали им некое уважение и обладали особой притягательной силой.

— Всем стоять, бояться! Че за разборки на моей территории?

Урядника звали Толиком, и говорить он старался веско, как в крутых боевиках.

— Слышь, Толян, не гони волну, — ответила самая старшая из бабок, — мы тут, чиста канкретна, оттопыриваемся.

Она тоже любила смотреть фильмы про бандитов и неплохо насобачилась выражаться по-ихнему.

Эдик злобно тарацил правый глаз на Толика, а левый был подбит и выглядел, как у китайца с будунница. Эдик молчал, как и положено шпиону-резиденту, но мысленно пожелал уряднику сдохнуть, как паршивой el perro.

Змей тяжело дышал и тоже молчал, тихонько проклиная вредных старух, урядника с пистолетом, и Эдика, который здорово намял старую спину, да и всех остальных тоже. Но он привык жить рядом с людьми и не мог покинуть деревню.

А индеец под шумок тихо растворился в ближайших кустах. Не хватало еще, чтобы его замели с холодным оружием.

Гаша был только рад своевременному появлению Толика и принес уже трубку, чтобы мирно раскурить на всех. Однако старухи потащили Толика в свои хоромы, намекая на «выпить-закусить», Змей упорхнул в будку, а Эдик что-то бредил по-испански, и подходить к нему сейчас было опасно.

Вечером, сидя на лавке, трое приятелей бурно обсуждали утреннюю стычку с подлыми старухами и решали, как быть дальше.

— Да удавить их всех вместе с урядником, — горячился Эдик, — у меня и струнка подходящая есть и шашка наточена!

— Однако плохо это, и скальпы у них ничего не стоят, — отозвался индеец, нахмутив иссиня-черную бровь.

— Братцы, а давайте махнем стопом на юг к морю? Там сейчас хорошо-о-о, — мечтательно произнёс Гаша и потянулся, захрустев суставами.

— Ага, — злобно ухмыльнулся Эдик, — Так нас троих и взяли стопом, ищи дурака. А про Змея ты подумал? Неужели оставим этим подлым ratas на растерзание? Они же из него холодец сварят!

— Да-а, Горыныча жалко. Дык елы-палы, давайте на нем и полетим! — пришла в голову Гаши блестящая идея.

— Ну да, так он тебе и согласится таскать на спине троих придурков, — засомневался Эдик, — Он же старый.

— А мы ему наплетем что-нибудь про варанов и других его родственников, да и кости пусть погреет на солнышке!

— Дурак ты, пипл, вараны в пустыне живут, а свои кости Змей может и не донести до югов то.

— А мы с остановками, да с привалами полетим. Может, Горыныч себе Горыновну какую-нибудь найдет в тех краях. Он хоть и старый, да видный еще мужик.

— Ну, это ты загнул. То, что у него видно может и не работает вовсе.

— Работает, — с обидой в голосе отозвался Змей. Он уже давно прислушивался к разговору, лежа за плетнем и, вообще-то, был не против улететь из деревни, но один боялся это сделать.

— Вот и ладушки, — обрадовался Гаша, — Завтра же и отправимся!

— Пойду пошаманю маленько. Надо с духами пообщаться, — насупился Мокасин и побрел в лес, на ходу раскрашивая лицо мелом и свеклой.

* * *

Всю ночь в лесу не утихал грохот бубна и невнятные завывания индейца.

— Ты смотри, как Мокасин разгулялся со своими духами, — заворчал Эдик, зябко кутаясь в короткое пончо, — Наверное, уже обо всем добазарились и водку без нас трескают.

— Что ты, брат, духи водку не пьют, — отозвался Гаша сонно.

— Ага, они ее нюхают. Ну и фиг с ними, пусть хоть ужрутя, а я с ними бухать не стану. С духами вообще лучше не связываться. Темный народ, да и пугать они горазды.

— Это точно, особенно по обкурке.

— Ладно, спать давай, а то завтра дел куча, — поспешил закончить разговор Эдик, пока Гаша не пристал опять со своим Кастанедой и его кактусами.

Очень не любил Гонзалес этот пустой треп об нагуале и непонятных союзниках. Это все равно, что пытаться папуасу рассказывать о Бабке Яге, Кощее и разномастных Иванах-дурачках. Каждому — свое, справедливо полагал Эдик и всегда уходил от разговоров на эту тему.

Гаша же наоборот считал, что вполне осведомлен в данном вопросе и весьма усердно практиковал осознанное сновидение, хотя чаще всего просто вырубался, аки труп. Что сильно озадачивало его всякий раз по утру, но ничего поделаться с этим он не мог. В глубине души он сильно подозревал, что Гонзалес знает гораздо больше, чем говорит. Но до сих пор ему никак не удавалось застать его врасплох. Ведь Эдик был шпион-профессионал.

* * *

Утро выдалось такое же солнечное и по-весеннему радостное, как и вчера. Индеец сидел за столом и весьма бодро попивал матэ с сахаром вприкуску, будто и не гудел всю ночь напролет.

— Во дает краснокожий! — уважительно воскликнул Эдик, — У меня вот лично с будуна рожа аж синяя и опухшая донельзя, а этот сыяет себе, как медный пятак и хоть бы хны! Научи Чингачгук Ирокезыч, как это тебе удается?

— Чингачгук мне не брат. А насчет остального я и сам не знаю, как оно получается.

— Лукавишь нерусский! Ну да ладно, плесни-ка и мне чаю.

Гаша тщетно силился вспомнить, что ему сегодня снилось, но перед внутренним взором мелькали неясные обрывки и что-то смутно знакомое. Наконец ему надоело бороться с самим собой, и он открыл глаза.

Дикий вопль огласил все закоулки глухой деревни, и даже Горыныч подскочил в своей конуре, больно ударившись головой о потолок.

И таки было от чего орать! Индеец развесил по всей избе свои шаманские наряды на просушку, и древняя маска со страшной рожей оказалась в аккурат над физиономией Гаши.

Приятели снаружи просто покатались со смеху, роняя посуду и расплескивая чай по рубахам и штанам.

— Что, хиппоза, осознал чего-то или союзник одолел? — утирая слезы, подначивал Эдик.

— А-а, суки позорные, чтоб вы сдохли!

— Ну, это ты со зла-а-а. На-ко, выпей чайку и успокойся.

Индеец на всякий случай снял маску с веревки и убрал в мешок, что-то тихо при этом приговаривая и поплеывая в сторону.

Гаша еще некоторое время испугано озирался по сторонам, матерясь и не замечая, что пьет из пустого стакана.

Тут в избу вежливо постучали, и в дверях появилась голова Змея. Гаша хотел, было, снова закричать, но вовремя опомнился и только икнул очень громко.

— А, Горыныч, давай заруливай к нам! — обрадовался гостю Эдик, — Лихо мы вчера старухам навешали, правда?

— Скорее они нам, — поморщился Змей, не желая вспоминать об этом. — Я пришел узнать насчет путешествия на юг. Это правда или вы вчера просто так трепались?

— Ты за кого это нас тут считаешь? — возмутился Эдик, — Мы чисто за базар отвечаем! Если решили, что едем, значит, так тому и быть. Эй, Мокасин друг, что духи тебе поведали?

— Таможня дает добро. Им теперь вообще все по барабану. Я там в лесу такой сейшен забабал, что им на все лето впечатлений хватит.

— Вот и ништяк! Сейчас позавтракаем, соберем чемоданы и айда.

— Только это, на спине я вас не потащу, — предупредил Змей. — У меня в ней почти что радикулит назрел. Вот соорудите что-нибудь типа корзины, как на воздушном шаре, тогда другое дело.

— Ну ты блин озадачил, пернатый друг, — в замешательстве произнес Эдик и с силой потер сизый подбородок, потом в затылке, а потом снова в подбородке.

— Дык, елы-палы, у нас в сарае здоровенный кусок брезента валяется без дела! — радостно воскликнул Гаша, — Из него чего хошь можно соорудить!

— Не валяется, а лежит, — веско поправил Мокасин.

— Ну, коли так, то хоп ништяк!

Основу решили сделать из веток и жердей, разобрал старый плетень.

Мокасин лихо орудовал томагавком и внутренне радовался, что именно оружие, доставшееся ему от вождя ирокезов, хоть иногда используется в деле.

Эдик, как разведчик-профессионал, взял на себя руководство по постройке корзины. Он давал умные советы и сам их выполнял, так как строить пришлось в основном ему.

Гаша собирал шмотки, провизию и книги. Много книг. Он взял все тома Кастанеды, хотя знал их почти наизусть, затем целую кучу всего по теории и практике дзэн и еще множество всяких брошюрок, вырезок из газет и журналов и прочей макулатуры. Набралось два увесистых чемодана.

Эдик, не отвлекаясь от постройке корзины и даже не оборачиваясь, покрутил пальцем у виска и сказал, что Гаша может хоть съесть оба этих чемодана, но в корзину он их не допустит, так как рассчитана она только на трех человек и минимум жратвы.

Гаша часто-часто заморгал, и на глаза его навернулись горькие слезы.

— Как же я без них буду практиковать? — с тоской в голосе заныл пипл, пытаясь разжалобить сурового Эдика.

— Да как хочешь! Хоть пупок на лбу нарисуй! Хочешь я тебе на стенке корзины точку черную сделаю? Медитировать на нее будешь. Пойдет?

— Не хочу черную.

— Ну, тогда красную. Хочешь красную?

— А рисуй че хошь, мне уже по барабану, — вздохнул Гаша и пошел вытряхивать свои чемоданы.

К обеду корзина была почти готова. Осталось только привязать крепкие канаты и совершить пробный полет вокруг деревни. Да вот с канатами как раз и вышла осечка. Не было канатов, хоть ты тресни.

Эдик подумывал о том, чтобы тиснуть у старух веревки, на которых те сушили свое terrible у епорте исподнее, но его терзали сомнения в их прочности. Да и по шее огрести снова не хотелось. Не то, чтобы он боялся, но сейчас было просто не до этого.

За хорошим канатом нужно было ехать в соседний поселок. Там у местных рыбаков можно найти все, что пожелаешь. Эдик решил не доверять ответственное дело кому попало и сам отправился туда на велике.

Вскоре во дворе появился Толик. Он был обязан знать, что и где без него творится нехорошего. Излишняя активность приятелей была весьма-а-а подозрительной.

— Че за ботва? А это че еще за ящик? Уж не контрабанду ли возить собираетесь?

— Да какая контра, начальник, это мы за грибами будем ходить летом, — хотел отмазаться Гаша.

— Ага, я че ваще на барана похож? — сказал Толик и сделал взгляд еще подозрительнее.

— Бледнолицый брат правду говорит, — гордо ответил Мокасин. — Я знаю такие места, где грибы размером с таз и их там очень много, хау!

— Че вы мне тут втираете, а? — разозлился урядник. — Я вам щас такие грибочки устрою, простым поносом не отделаетесь! А ну колитесь, зачем ящик и где ваш третий подельник?

— А ордер у тебя, например, имеется? — вдруг осмелел Гаша. Ему смертельно надоел этот вредный мент. К тому же Толик был сегодня почему-то безоружен. Видимо забыл пистоль у старух. А может, и вовсе где-то выронил.

— What the fuck is this?! — хотел было заорать Толик, но забыл, как правильно это произносится и только выразительно икнул и поворачивал глазами. Без пистоля было стремно возбухать, и он примирительно предложил закурить, если есть у кого.

Гаше не хотелось угощать мента папиросой, но плохой мир лучше хорошей войны, и он решил не жадничать.

Мокасин хранил суровое молчание.

Поняв, что ничего ему тут не обломится, Толик решил ретироваться и прийти попозже, но уже при оружии. Вот тогда они живо все расколятся и даже будут умолять допросить их еще по разу. Он шел позади сараев и с упоением придумывал разные и заковыристые способы мести, поглядывая по сторонам: не сверкнёт ли где вороненая сталь его табельного оружия.

ГЛАВА 2

В рыбацьем поселке царило оживление и витало тяжкое амбре из смеси запахов рыбы и самих рыбаков, нещадно смоливших самосад и подолгу не видевших баню.

Эдик считал себя натурой утонченной, и у него жестоко сводило ноздри от подобных ароматов. Но он также был настоящим разведчиком. Поэтому, не смотря ни на что, упрямо пилил на велосипеде в гору, где находилась контора.

Заведовала тут всем дородная и потомственная рыбачка Клава. Вернее Клавдия Петровна Репкина. И хотя ей было порядком за пятьдесят, выглядела она, как и её фамилия, крепкой и ядреной.

Зная, что на халяву тут ничего не обломится, Эдик решил действовать обходным путем. Он взъерошил свои испанские кудри, расстегнул до пупа рубаху, обнажив не менее кудрявую грудь, и с понтами подкатил к необъятному, как и его хозяйка, столу.

— Buenos días, senora! Как удивительно видеть в таком суровом месте столь прекрасную и нежную фиалку!

— Че? Ты куда это меня сейчас послал?

— Что вы, что вы! — поспешил поправиться Эдик. Он хоть и был когда-то ловеласом, но быстро понял, что тут его приемы не прокатят.

— Я лишь хотел сказать, что меня восхищает ваше мужество. Вы очень смелая женщина, раз находитесь среди этих грубых и скверно пахнущих мужчин.

— Насчет этого ты прав, — вздохнула Клава, — Мужики тут — одна сволочь. Того и гляди, чего-нибудь сопрут, да пропьют. Ну, а ты кто такой и чего тут шарисься? Может, тоже спереть чего надумал или ты шпиен какой?

Внутри Эдика что-то екнуло и сжалось.

« — Неужели раскусила?» — подумал он, прикидывая в какое окно лучше выпрыгнуть.

— Да ну, что вы! Какой из меня шпион. Я же ж из соседней деревни буду, — стал втирать Эдик, с трудом вспоминая исконно деревенские словечки и присказки. Но в голову лезли исключительно матюки и прочие гадости.

— Ладно врать-то. Говори уж, зачем пожаловал.

Чем-то этот цыганистый малый понравился Клаве, да и не шибало от него портянками и махрой.

— Да вот видите ли, уважаемая Клавдия Петровна, не найти в нашей деревне нормального каната крепкого.

— А на кой ляд тебе этот канат понадобился? Может, удавить кого хочешь или сам сподобился?

— Скажете тоже, удавить! Я мужчина серьезный и честный. Между прочим, не женат.

— Есть у меня канат приличный, а чем расплачиваться будешь?

— Да вы знаете, сегодня я не при деньгах, но вот на будущей неделе вполне смогу с вами расплатиться, — соврал Эдик, не моргнув глазом.

— Ври больше, — усмехнулась Клава, — Вот ежели отработаешь, тогда и получишь что хошь. Тем более, если ты не женат. Пойдем-ка в закуточек.

Эдик плелся за широкой кормой Клавы и никак не мог догнать, что она имела в виду, когда вспомнила о его семейном положении. Но когда дверь на складе с шумом захлопнулась, а Клава лихо скинула необъятный халат, у Эдика волосы, все что есть, встали дыбом, и его прошиб холодный пот. Перед ним было не просто страждущее тело. Это тело могло поглотить его целиком, без остатку. Эдик тут же дал себе слово, что если останется жив, то в будущем будет расплачиваться исключительно деньгами.

Прошло немногим более трех часов, когда из сарайчика вышла тень, туго обвязанная толстым канатом. В этой странной фигуре с трудом угадывалась личность Гонзалеса. Эдик что-то невнятно бормотал по-испански. Отчетливо было слышно только два слова: «Esto imposible».

Он с трудом оторвал от сарайчика свой велик и пошел обратно в деревню пешком. Внезапно его осенила догадка, почему местные мужики предпочитают подолгу не мыться. Это ведь защитная реакция! Для большинства из них подобная встреча в сарайчике могла стать последней.

Отойдя подальше в лес, Эдик устало прислонился к древней сосне и выпал из этого мира.

Ему чудилось, будто тело стало легким-легким, и он воспарил над верхушками деревьев. Небо было необычного белесо-голубого оттенка. В глазах немного двоилось, но вскоре стало видно лучше. Сзади раздался оглушительный рев, и что-то сильно щелкнуло в обоих ушах. Затем стало тихо-тихо.

— Вот и кердык мне настал, — подумал Эдик и оглянулся в поисках какой-нибудь нечисти. Ангелы за ним вряд ли придут.

Но кругом царила все такая же белесая масть, и никто не спешил его жарить на сковороде.

— Неужели прав был Гаши, когда болтал про свои астральные полеты? И я сейчас торчу где-то без собственного тела? Во прикол! А ведь приятно-то как! Скажи кому, не поверят.

Он попытался себя оглядеть, но увидел лишь неясную тень. Внизу тоже было ни фига не видать. Такое же марево.

Эдик решил немного тут повисеть и отдохнуть между делом. Время совсем не ощущалось, и лень было вообще о чем-то думать.

Мимо неслышно проплыла чья-то тень.

— Эй, кто тут? — хотел крикнуть Эдик, но язык его не послушался, да и не было у него теперь языка.

Однако тень услышала его и бесшумно приблизилась.

Ничего страннее Эдик в своей жизни еще не видел, хотя как разведчик повидал не мало. Существо было похоже, скорее, на большой мешок, но с глазами. Два вполне обычных глаза, где-то посередине.

— Ты кто такой будешь, Глазастый? — подумал Эдик.

— А как ты считаешь? — подумал в ответ мешок.

— Ну, на рогатого с вилами и сковородой ты явно не похож.

— А, ты про этих. Так их видят только те, кто в них верит.

— Ты хочешь сказать, что я верю в мешки с глазами?

— Сам ты мешок. Это ты так меня видишь. А вообще я сам по себе. В меня необязательно верить. Впрочем, как и в тебя. Ты ведь тоже существуешь не от того, что в тебя кто-то верит.

— Ну, замутил ты, Глазастый. Можно так тебя называть? — спросил Эдик.

— Называй, как хочешь.

— А я Эдуардо Гонзалес, чисто конкретный испанец. Можно просто Эдик.

Мешок пожал плечами. Ему было не особенно интересно, как зовут этого чудака. Он иногда видел таких в данной проекции, но откуда они приходили было не ясно. Кто-то называл их людьми и еще говорили, что в таком виде они уже мертвые. Но этот был явно живой и как-то странно искрился.

— Ты уже мертвый или нет? — спросил мешок.

— Ты че, опух? Какой же я мертвый, если с тобой сейчас болтаю?

— Да тут все кому не лень болтают. Разве ты не слышишь?

Эдик прислушался. Краем своих призрачных ушей он все время слышал некий писк. Но стоило ему обратить на это внимание, как мир опять взорвался у него в голове и продолжал греметь по нарастающей. Вдруг Эдик почувствовал щелчок по лбу, и сразу резко все прекратилось.

— Э, да ты в первый раз тут что ли? — спросил мешок с глазами.

— Да уж как-то не приходилось бывать раньше, — сказал Эдик, потирая свой призрачный лоб. Шишка на нем набухла совсем не призрачная.

— Тогда один тут лучше не шлейся.

— Да знаешь ли ты, что я самый крутой в здешней округе шпион-разведчик по прозвищу «Холодный ум – стальные яйца»! — выпалил Эдик и тут же осекся. Какой же он, нафиг, разведчик, если вот так первому встречному мешку с глазами открылся. И причем тут стальные яйца? Что-то неправильное было в этом странном месте.

— А тут всегда так, — сказал мешок, — Нужно следить за своими мыслями, а то ничего ни от кого не скроешь.

« — С этим парнем нужно быть осторожнее», — подумал Эдик и сразу понял, что тот тоже его услышал.

— Да ты не волнуйся, — успокоил его мешок, — Мне твои секреты не интересны. Просто если снова здесь проявишься, то зови меня, а один не суйся никуда. Этот мир вовсе не такой простой, как кажется на первый взгляд.

— А как же я тебя тут найду?

— Я же говорю, позови меня и все. Можешь крикнуть «Глазастый», и я прилечу. А сейчас ты снова будешь в своем мире. Я вижу, что ты мерцаешь.

Эдик и сам почувствовал, что куда-то плывет и в глазах становится все темнее. Очнулся он, лежа физиономией в прошлогодних листьях. На лбу ощущалась вполне явственно нехилая шишка. Велик валялся рядом.

— Вот это я навернулся рогом обо что-то, — поморщился Эдик, потирая репу. — И какая сволочь меня всего связала этим дурацким канатом?

Постепенно в памяти всплыло странное место с говорящим мешком, поход в поселок и огромная Клава. От последней мысли его всего передернуло, и тело покрылось мурашками. Голова немного кружилась, но опыт подсказывал, что сотрясения нет.

Размотавшись и запихав канат в рюкзак, Эдик сел на велик и потихоньку поехал до дому. Своим корешам он решил не рассказывать все подробности поездки. Особенно про нездешний мир. Если Гаша об этом услышит, его чего доброго кондратий хватит от зависти. А про шишку можно наплести чего угодно.

— Скажу, что с местными подрался. Четверых уделал, как сасоного, а вот пятый успел, таки сука, зацепить веслом. Его я тоже уделал. Точно! Так и скажу.

В деревню Эдик прибыл только к вечеру.

Гаша с кислой рожей смолил трубку, а индеец куда-то пропал.

На копне старого сена лежал Змей и мечтательно смотрел в небо. Он уже весь был там, на юге. Змей никогда не видел моря и прикидывал, насколько оно может быть больше местного пруда. Он не заметил, как во двор заехал Эдик, отсвечивая лбом.

— Ты, наверное, в Москву за веревками ездил, — съехидничал Гаша, но заметив рог, засмеялся. — Да у тебя же мозг растет! Смотри, как извилину выперло.

— Смейся, смейся, диссидент недобитый, — огрызнулся Эдик. Он сходил в дом и приложил к пылающей голове медную кружку. Сразу полегчало. Он уселся рядом с Гашей на скамейке и тоже припал к трубке.

— Какой же я диссидент? — обиделся Гаша, — Я теперь даже не хиппи, а натуральный толтек.

— Ты теперь натуральный торчок, — передразнил Эдик и сам засмеялся удачной шутке, но тут же поморщился от боли. Гаша перестал обижаться и участливо спросил:

— Что, Эдик, били?

— Кого били, меня били?! Да я там их всех положил! Они на меня с веслами да баграми, а я лишь голыми руками. Н-на!!! Ты тоже н-на!! Получи, падло! Получи!!!

— А чего дрались-то?

— Как чего? Я же у них канат хотел тайно экспроприировать, да они суки заметили. Человек десять точно положил. А еще была... э-э-э, вернее был там один такой здоровый-прездоровый мужик. Трое не обхватят. Вот с ним пришлось повозиться. Я ее, э-э-э, то есть его и так и эдак. Видишь, какой я бледный? Запарился конкретно, но все-таки уделал, блин.

— Кру-уто! Ну а канат-то достал?

— А то. Вон в рюкзаке целая бухта.

— Да-а. Жаль, что сегодня не получилось полететь. Змей вон вообще уже плющится весь в мечтах. Даже зеленее стал немного.

— А Чингачгук куда делся?

— А он, понимаешь, хлопнул три кружки матэ и сказал, что сегодня точно никуда не полетим. А потом встал и в лес умотался. Ты же его знаешь. Небось, опять шаманит.

— Ладно, спешить не будем. Времени у нас полно, юг никуда не убежит. Завтра опробуем нашу конструкцию.

* * *

А тем временем индеец затаился в дупле огромного дерева и слушал плеер с индейскими песнями. Сам он пел довольно коряво, хотя для шаманства вполне сносно. Этой ночью он не собирался шаманить. Но никто не знал, что с ними может случиться вдали от дома. Даже духи не все ведают. Поэтому он решил побыть сегодня один и, на всякий случай, попрощаться с лесом.

В полночь он слез с дерева. На небольшой полянке Мокасин сплясал пару магических танцев, сохраняя полное безмолвие. Подумал немного и еще отмочил несколько ужимок и диких прыжков.

Но что-то все не перло. Может полянка не путевая? А может бусы не те надел? Нет, все фигня. Это внутри него что-то сжалось и не отпускало. Видимо, за много лет он отвык быть кочевником. Не ощущалось в душе легкого ветерка свободы. Не было и желания что-то менять.

— И нафига куда-то переться, да еще дракона с собой тащить? — думал он. — Ведь и здесь летом лафа. Тепло и сытно. Захотел — за грибами сбегал, захотел ягод — пожалуйста. Всего навалом. А главное все свое и до боли родное. Ну, какого лешего им приспичил этот юг? Ладно бы знакомый какой там обитал, или баксов были полные карманы. А на халяву кому мы там нужны? Как-то все это неуклюже получается. Это Гаше все до фени. Он ведь старый хиппарь. Да и Гонзалес тертый калач. А я, хоть и Мокасин, но человек сугубо домашний. Не плющит меня такая перспектива. Но я ведь еще и шаман. К тому же индейского роду-племени. Не могу я перед корешами сопли размазывать. Уважать перестанут. Ладно, доживем до завтра, а там посмотрим.

С такими невеселыми мыслями он перебирал свои бусы и читал заклинания. Настроение никак не хотело улучшаться. Пришлось возвращаться домой ни с чем. Он немного попрыгал на месте для разгону и припустил рысцой, надеясь при помощи бега разогнать хандру.

* * *

Змей решил заночевать у приятелей во дворе и храпел так, что в доме звенела посуда. Это здорово мешало Гаше сосредоточиться на своих снах, и он сильно обламывался. Но прогнать Змея он не решался, так как спросонья тот мог пыхнуть чем-нибудь горячим.

А Гонзалес спал как мертвый труп, без сновидений и прочего ментального мусора. За прошедший день на него столько потрясений сразу навалилось, что этим олухам и в страшном сне не привидится. Не каждый день бывает такой свирепый секс, да еще мешки с глазами глючатся. Если Эдик и выжил, то только благодаря своей шпионской выучке и многолетнему диверсионному опыту.

Не спал в эту ночь и Толик. Он остался в доме у бабки Мани, которая любезно выделила ему комнатку. Были выходные, и Толик решил тут немного задержаться. Терзали его смутные сомнения в отношении этих подозрительных бичей на окраине деревни. Что-то они явно затевают противозаконное. Хорошо, что пистолет свой нашел у этой бабки Мани. Толик подозревал, что это она сама припрятала оружие, пока он тут обедал. Видимо хотела, чтобы он снова к ней зашел. Хитрая, зараза. Ничего, завтра он всех тут выведет на чистую воду. Всем, блин, допрос с пристрастием устроит по самое некуда!

Он достал из внутреннего кармана масленку и принялся с любовью надраивать и смазывать пистолет. Пустую двухлитровую бутылку из-под лимонада тоже приготовил. Если навернуть на дуло, то будет очень круто. Бандерас отдыхает!

— Может на пулях еще кресты понадрезать? — подумал Толик, но решил не искушать судьбу. ПМ и так стреляет, куда ни попадя. Ненароком можно и самому себе в лоб запульнуть.

Приведя оружие в должный вид, он понял, что сегодня ему уже не заснуть. Нервное возбуждение и жажда мести толкала его на геройские поступки. Он решил не спать всю ночь и копить злость.

А пока, между делом, стоило сбегать на разведку и, на всякий случай, присмотреть пути отхода. Вдруг патрон, падла, заклинит или еще что. Подмоги не будет. Настоящие герои подмогой никогда не пользуются. Во всяком случае, в кино. Вот только как по-тихому слинять из дома бабки Мани? Она, ведьма, хоть и старая, да все стерва видит. Небось, и сейчас только делает вид, что спит. Придется наплести ей чего-нибудь.

— Матрена Степановна, — тихо позвал он в темноту бабкиной комнаты, — Я это, того, пойду воздухом подышу. Заодно рейд дежурный справлю.

Бабка продолжала косить под спящую и ничего не ответила.

— Ну и хрен с вами, уважаемая, — подумал Толик и решительно нырнул в темноту ночи.

А ночь выдалась безлунная и такая темная, что можно было ходить с закрытыми глазами. Все равно ничего не видно. Толик уже пожалел, было, что так неосмотрительно ломанулся в разведку. Однако через некоторое время глаза пообвыкли немного, и он стал различать тени деревьев и домов.

Стараясь не наступить на что-нибудь живое или скользкое, он стал тихо пробираться вдоль домов на окраину деревни. Когда до дома злоумышленников оставалось совсем немного, Толик вдруг заметил, как со стороны леса быстро приближается светящаяся точка.

— Че за ботва? — подумал он и спрятался за кустом акации.

Точка росла в размерах и, вскоре, превратилась в страшную, светящуюся рожу. При этом двигалась она совершенно бесшумно, отчего было еще страшнее. Что-то подобное Толик уже видел в кино, но то было по ящику, а тут взаправду. Волосы под фуражкой тихо зашевелились, а рука никак не могла совладать с заевшей застежкой кобуры.

С ужасом Толик понял, что рожа несется прямо на него. Нижнюю часть тела его словно парализовало, и о том, чтобы хотя бы отползти в сторону, не было и речи. Мозг начало клинить. Откуда-то пришла дурацкая мысль: какой сейчас пот, которым он весь покрылся — холодный или горячий? Рот сам по себе открылся и оттуда, сначала сдавленно, а потом все громче и истеричнее, вырвался крик, постепенно переходя в тонкий визг.

Сознание покинуло Толика в тот момент, когда зловещая рожа, сверкнув в отблеске фосфора индейскими ягодицами, перепрыгнула куст и умчалась дальше.

Мокасин потому и был Прыткий, что с детства любил бегать и прыгать. Вот и сейчас он совершал бег Силы, чтобы развеять хандру и вернуть себе невозмутимость. Толика он даже и не заметил, как, впрочем, и куста. До слуха лишь донеслось некое повизгивание, на которое не стоило отвлекаться, иначе останешься без ног.

Во дворе он резко остановился и сделал несколько глубоких вдохов-выдохов, чтобы успокоить дыхание.

На стожке сена, раскинув лапы, громко храпел Горыныч и в промежутках между храпом пускал ветры. Индеец поморщился и пихнул пернатого в бок. Тот недовольно заворочался, замолкнув на время. Однако вскоре затарахтел ещё громче и забористее.

Индеец махнул рукой и завалился в свой вигвам. Отключился он сразу и во сне продолжал шаманить вокруг костра со своими предками, пытаясь, то у одного, то у другого выяснить расклад предстоящего путешествия.

На рассвете сильно побледневший и осунувшийся Толик с трудом добрался до своего «Ижа» и, не оглядываясь, двинул к себе домой. На лбу образовалась широкая прядка седых волос.

Он ехал и думал о превратностях судьбы и о том, как в его ситуации поступил бы Бандерас, а еще лучше Шварцнеггер. Пожалуй, в местных условиях их всех бы хватил кондратий.

Эта мысль немного успокоила Толика, и он злорадно представил себе как Бандерас со Шварцем дружно кладут в штаны порцию за порцией, оглашая округу матюками по-английски.

ГЛАВА 3

Яркое солнце вставало над деревней, предвещая ясный и теплый весенний день. Петухи, из тех, что еще не съели, дружно протрубили подъем.

Бабки стали подтягиваться к месту постоянной тусовки. Всех волновал вопрос: что за шум был сегодня ночью и куда подевался Толик? Бабка Маня долго хранила молчание, боясь выдать Толика, если тот еще в разведке. Но так как мотоцикла не было, то все решили, что он уехал по делам в управу. Тогда она поведала подругам о ночной вылазке урядника и о том, как она, не дождавшись его, уснула.

— Наверное, повез ценные сведенья в штаб, — прошамкала она с видом знатока.

Подруги согласно закивали и привычно взяли за семечки и важный треп. На повестке дня стоял вопрос о том, как ловчее известить Змея и настрочить из него чемоданов, которые потом можно будет продать взаменсто крокодиловых.

Тем временем на другом конце деревни шли последние приготовления к пробному полету. Эдик не стал дожидаться, когда все продрыхнется. Он уже успел сделать легкую утреннюю пробежку и окунуться в дождевую бочку. Потом растолкал Змея и стал прилаживать к нему сбрую. Змей сонно тер глаза и ворчал по привычке.

— Че, блин, пожар что ли? Куда в такую рань, да еще и без обеда?

— Ничего, ничего. Все окейно! На пустой желудок лететь легче, — подзадоривал его Эдик.

— Ага, с дерева башкой вниз. Я, между прочим, как транспортное средство имею право на заправку.

— Спокуха, пернатый, сейчас махнем пару кружков и заправимся чем пожелаешь.

— Блинов хочу с квашеной капустой.

— А может ананасив с кулебяками?

— Всякое дерьмо не жрем-с.

— Ладно, будут тебе блины с капустой.

— С квашеной?

— А то как же! С ею самой.

— Уболтал, мачитос. Держись крепче.

Змей взял небольшой разгон и лихо заложил крутой вираж над избушкой. Предвкушение новых приключений придавало сил и будоражило кровь, разгоняя ее по старому телу. Почувствовав себя лет на двести моложе, Змей громко рыкнул и выпустил дымную струю пламени. Настроение Змея передалось и Гонзалесу. Он потемнел лицом и крепко вцепился в канаты, чтобы не упасть на дно корзины.

— Никак гроза надвигается? — всполошилась бабка Маня и мелко-мелко перекрестилась раз десять.

— Что ты, — ответила другая, — Рано еще, да и небо ясное.

— А можа чиво с космосу бухнулось, — предположила третья, — Там, говорят, мнооога всякаго добра шляитси.

— Может и из космосу, да.

А Змей, набрав приличную высоту, закладывал новый вираж по широкой дуге, чтобы за один раз облететь всю деревню.

Эдик ликовал и, пытаясь перекрыть свист ветра в ушах, от души матерился, перемежая русские и испанские крепкие выражения.

Змей тоже радовался полету и периодически выдавал порции огня с приличным грохотом. Его зоркий глаз сразу засек, как вредные старухи грозились с земли кулаками и что-то кричали. Он повернул голову и выразительно посмотрел на Эдика. Гонзалес понял его без лишних слов. Он вскочил на край корзины, обмотавшись на всякий случай куском каната, и командирским голосом закричал:

— Экипа-а-аж! К бомбометанию товсь!

— И-и-есть!!! — прорычал Змей и злорадно оскалился, заходя в крутое пике.

Ветер загудел в туго натянутых канатах. Лицо Эдика потемнело еще больше. Он был готов умереть в этом последнем бою и жалел, что нет настоящих боеприпасов. Земля стремительно приближалась. В животе Змея что-то сильно заурчало. Эдик тут же понял, что Змей вовсе не шутит.

— Готов! — отрывисто рыкнул Змей и надулся.

— Огонь!!! — завопил Эдик, — Сделай их, Дракоша! Мочи козлов!!! Karamba! Banzay!!!

Раздался оглушительный взрыв и к земле полетела здоровенная и неумолимо зловонная навозная бомба. В воздухе ее расплющило в огромный блин, который накрыл и старух, и мешок семечек в придачу.

— Есть попадание! — вскричал Эдик радостно, и его захлестнула волна упругого воздуха, срывая дыхание. Змей удовлетворенно рыкнул и взял курс домой. Следовало быстро сматываться из деревни, пока старухи не прочухались.

К дому они подлетели, громко смеясь и смакуя детали битвы. Индеец с Гашей уже выволокли шмотки на крыльцо и не спеша покуривали трубку. Эдик возбужденно скакал по двору и в красках рассказывал приятелям о воздушном бое, и как Змей лихо отбомбился. Горыныч засмутился, однако заметил, что кто-то обещал его дозаправить.

— Конечно, mio amigo, испанец держит слово! — воскликнул Эдик и кинулся на кухню жарить в темпе блины.

Недоумевающего Гашу он отправил в погреб за капустой. Мокасин затаился у калитки и следил, не появится ли противник. На лице его была походная раскраска, не особенно

подходящая для боя. Это немного раздражало, но он надеялся, что старухи не еще скоро оклемаются. Пара часов в запасе у них была.

Эдик сдержал слово и напек столько блинов, что до пупа накормил всю братию и даже двух беспризорных котов из соседнего дома. Экономить на продуктах не стоило, так как с собой всего не увезти, а без них тут все равно все растащат.

Тем более капуста — стратегический продукт. Если возникнет прецедент, то Змею будет чем отбомбиться. Небольшой бочонок они решили взять с собой. Гаше пришлось выбросить из корзины последний чемодан с книгами, который он пытался протащить на борт контрабандой в обход зоркого глаза Эдика.

После столь серьезной заправки двигаться не хотелось, а тем более летать. Решили совсем немного покомарить и повалились в кучу на развороченном Змеем стожке сена.

Индеец снова заступил на пост и одним глазом спал, а другим зорко следил за дорогой. На душе было тревожно. Иногда будто темная туча закрывала собою все вокруг, и там в темноте мелькали темные силуэты и злобно так посмеивались. В такие моменты у Мокасина появлялись сомнения правильно ли он истолковал знаки Духов.

Эдик с Гашей лежали рядышком на пузе и прокладывали будущий маршрут по секретной карте, которую Эдик выкопал на заднем дворе. Вначале ему не хотелось доставать ее. Все-таки вещь шпионская и нешуточная. При потере рекомендовалось тут же самозастрелиться.

Гаша во все глаза уставился на пестрый документ, щедро усеянный красными флажками и звездочками. У Гонзалеса даже возникло подозрение, что тот хочет запомнить карту наизусть. На всякий случай он, как бы между делом, заметил, что по шпионским правилам должен теперь Гашу немедленно ликвидировать. Тот со страхом отшатнулся и беспомощно захлопал ресницами. Эдик понял, что переборщил и примирительно похлопал хиппаря по плечу.

— Не бойсь, волосатый, своих пиплов не мочим.

— Ну и шутки у тебя, мистер шпиен.

— Да ладно не парься. Смотри сюда. В крупные города нам соваться нельзя. Змей — объект слишком приметный. Привалы будем устраивать только в небольших деревнях или на хуторах. Обзывать будем чисто туристами, если спросит кто.

— Дык елы-палы, мы ж и есть туристы! Или я чего-то не догоняю? — спросил Гаша.

— Конечно туристы, а кто же еще. Ты только шпиеном меня не вздумай назвать при посторонних. Не люблю я этого, ох не люблю, — ответил Эдик и выразительно посмотрел на Гашу.

— Хоп ништяк, базару нет, — поспешил заверить его тот.

— Ну, то-то же. Ладно, слушай дальше. Змей хоть и храбрится, но все же не молодой. Поэтому в день мы сможем делать не более двухсот верст. Если нигде не задерживаться, то за десять дней управимся.

— Десять дней!? Ты че, очумел? Эдак ведь и лето кончится, пока мы туда доберемся!

— Не преувеличивай. Во-первых, лето еще даже не началось. Во-вторых, Змея нужно беречь. А в-третьих, какой же ты пипл, если не любишь путешествовать?

— Да я люблю, люблю, только уж больно хочется к морю побыстрее.

— Короче todo, отставить треп. Первой остановкой будет вот эта деревня Ключевка на границе Московской и Тульской губерний. Есть возражения?

— Да пофиг!

— Ну, тогда еще часик сон-тренаж и в путь.

Тем временем в стане врага царило смятение и полный разгром. Больше всех повезло бабке Мане. Навоз целиком накрыл ее участок, и в глубине души она даже была рада столь неожиданному подарку. Эк ее грядки самостийно удобрились! Однако вероломное нападение с воздуха так всех потрясло, что поначалу даже материться не хотелось. Старухи выли и скрежетали последними зубами.

Тут бабка Маня встрепенулась и зычно свистнула.

— Айда, подруги, отомстим подлым варварам! Оружие к бою!

Бабки нехотя потянулись в сарай за вилами и баграми.

Постепенно воодушевление бабки Мани передалось остальным, и точильный камень зашуршал громче.

Умываться старухи не стали. Черно-зеленые пятна навоза служили отличной маскировкой. Физиономии были подстать «зеленым беретам».

Бабка Маня, стоя перед зеркалом, обмоталась ремнями и теперь пристегивала колюще-режущее оружие и кульки с крысиным ядом на манер Шварцнеггера из фильма «Коммандос». Эффектно шелкая пуговицами и крючками от бюстгальтеров, она вполголоса напевала:

— Смело-о-о мы в бой пойдем за власть советов...

Закончив приготовления, отряд построился в одну шеренгу и огородами потрюхал на окраину деревни. Напасть решили с тылу, чисто по-партизански в натуре. Шагать по размокшим грядкам было тяжело, и пришлось даже пару раз сделать привал. Наконец старухи подошли к сараю на вражеской территории и затаились в кустах.

Мужики дрыхли посреди двора, и вроде бы ни о чем не подозревали.

Но тут раздался пронзительный свист и улюлюкание. Это индеец вовремя услышал крадущихся старух и с воплями выскочил из укрытия. Бабки тоже свирепо взвыли и ломанулись через кусты, не замечая острых колючек и скрипящих суставов.

И не известно, чем бы все это закончилось, если бы Змей не догадался выпустить заряд черного дыма, отрезавшего старух от мужиков. За несколько секунд парни побросали шмотки и провизию в корзину и стали запрыгивать туда сами.

Змей уже начал короткий разбег, когда из-за дымной стены полетели багры и кульки с ядом. Били не прицельно, но это пока.

Эдик, однако, чуть замешкался. Испанская кровь не позволяла ему показывать спину врагу. Но сейчас другого выбора не было. Он побежал за корзиной и ухватился за край, когда Змей уже оторвался от земли.

Рядом что-то просвистело и со звоном воткнулось в корзину сбоку. Эдик посмотрел вниз. Внутри у него как-то неприятно похолодело: в паре дюймов от его правой ягодицы торчали вилы, хищно поблескивая гранями на солнце. Испанец ловко забрался внутрь корзины и прислонился к стене. Хоть какое, но все же укрытие.

— Фу-у. Ну свезло, так свезло-о! Еще чуть-чуть и меня можно было бы в гербарий отправлять. Это ж надо! В живого человека вилами бросать! *Las canalla sapos!*

Однако других снарядов не последовало.

Змей очень быстро набирал высоту, оставляя позади деревню, старух с дико вытаращенными и слезящимися глазами, родную и столь же ненавистную конуру и беспросветное однообразное житье в постоянной грызне с бабками. Он гордо рассекал воздух сильными крыльями и, несмотря на возраст, забирал все выше и выше.

Ветер тонко свистел в натянутых канатах. Тащить корзину Змею оказалось вовсе не тяжело. Эдик хитро рассчитал конструкцию, и пассажиры практически не мешали свободно лететь. На лицах путешественников сиял восторг и сопли радости.

И только два беспризорных кота, развалившись на лавке и периодически икая от обжорства, лениво провожали взглядом удаляющуюся за горизонт точку.

— Как ты думаешь, долетят или нет?

— Дык елы-палы, без проблем! У той птички видал, какие крылья? На таких куда хошь улетишь.

— Да уж не воробей это точно. Может, с ними надо было махнуть?

— Ты че, опупел? Там из нас живо шашлыков нажарят. Там же ж на юге одно зверье отдыхает!

— И не говори, своя кухня ближе к телу.

— Я щас, кажись, лопну. Пойду срыгну.

— Ага, давай.

ГЛАВА 4

Шел третий час полета. Змей раскинул крылья и планировал на воздушных потоках покруче горного орла. Мимо пролетали обалдевшие голуби и вернувшиеся с юга утки.

Вожак одной стаи никак не хотел уступать дорогу. На лапе у него была золотая гайка от сумасшедшего энтомолога, и он считал себя «чиста канкретным» гусем. Стая, летевшая за ним, была измотана полётом и неслась по инерции, как огромный утюг.

Змей легко качнул крылом и обошел одуревших уток справа. Вожак надулся от собственной важности и слегка снизил темп. И тут же получил пинка от летящего сзади заместителя. В стае не зевай! Власть быстро меняется.

Экипаж корзины разморило на солнце. Гашу жестоко тошнило. Он периодически подползал к люку в полу и блевал, обливаясь потом и соплями.

Эдик, как и подобает настоящему разведчику, имел иммунитет к морской болезни. Он посматривал иногда в превосходный армейский бинокль с цейсовскими стеклами и сверялся с картой. Змей четко держал курс.

А индеец просто дремал в углу корзины и ничего не замечал вокруг. Сказалось напряжение последних дней, и он решил просто отоспаться.

Во сне он купался в лесном озере и наслаждался прохладой и свежестью воды. Но вдруг картина резко изменилась, стало сумрачно. Он увидел, как из леса на берег вышла баба с камнем на шее и, недолго думая, плюхнулась в озеро.

« — Ни фига себе корки! » — подумал Мокасин и ломанулся, было, к ней, чтобы спасти.

Но тут из лесу вышла еще одна фигура и тоже в воду. За ней еще одна, и еще, и еще.

« — Может, сектанты какие? » — подумал индеец.

Вдруг кто-то потянул его за ногу, и Прыткий Мокасин чуть не выпрыгнул из корзины, дико вскрикнув и ударившись головой о брюхо Змея.

— Что такое, мой краснокожий брат? — с усмешкой спросил Эдик. — Команчи голые приснились?

— Сам не пойму, но что-то жуткое. Может я того, перешаманил маленько?

— Может и так. Да ты не стремайся. Скоро привал сделаем, пообедаем увесисто, и все кошмары как рукой снимет.

Змей почувствовал, что кто-то пихнул его в живот и обернулся.

— Меня кто-нибудь звал?

— Не, Горыныч, это Мокасину что-то во сне причудилось. А ты давай снижайся понемногу. Будем место для посадки присматривать.

За массивным холмом на берегу широкой речки показалась небольшая деревенька. Домов на тридцать. В стороне раскинулся огромный луг, на котором паслось стадо коров. Решили приземлиться на том лугу, чтобы не пугать местных жителей. Да и по шпионским правилам так было положено.

Сделав эффектный вираж, Змей остановился у самой кромки воды. Коровы все, как по команде, перестали жевать и уставились на путешественников.

Кроме коров на них изумленно смотрели еще две пары глаз. Одни помоложе, а другие постарше. Молодые принадлежали пастуху Гришке, а старые деду Анисиму, местному старожилу. Оба они сидели под елкой на краю поляны, затаив дыхание и не смея пошевелиться. Первым очухался Гришка, и лицо его расплылось от радости.

— Слышь, дед, а ведь это те парни из рекламы пива! И Змей у них почти как живой.

— Окстись, пацан, я хоть и стар годами, да ешшо не слепой пока. Вишь, сколь голов у Змея?

— Одна.

— А в рекламе сколь было?

— Три!

— То-то и оно, что три. Это, скажу я тебе, называется птердактиль. Уж я-то знаю. Много таких повидал на своем веку.

Гришка вскочил и, раскинув руки, побежал знакомиться. Эдик выступил вперед, так как имел большой опыт общения со всевозможными аборигенами.

— Здорово, мужики-и! — кричал Гришка, на ходу приглаживая непослушные вихры.

— Здорово, земля! — в тон ему ответил Эдик и первым протянул руку.

Гришка засмутился, обтер ладони об штаны и аккуратно подержался за руку испанца.

— Приветствую тебя, о бледнолицый брат, — с достоинством произнес Мокасин.

— Хай, пипл, — через силу выдавил Гаша.

— Ух, ты-ы! Вы че, прям из Москвы к нам? — спросил Гришка, с любопытством разглядывая необычных гостей.

— Что ты, друг! Какая там Москва. Мы простые парни. Вот гуляем по России – матушке. К вам в гости решили зарулить.

— Так это, милости просим к нашему шалашу, — сказал Гришка и смущенно оглянулся на деда. Тот издали с прищуром смотрел на пришлых из под ладошки. Что-то народец какой-то разнокалиберный.

Парни пошли знакомиться с дедом, а Змей спустился к реке и с шумом стал пить воду. В душе он ликовал, что не подвел мужиков и вполне сносно преодолел немалый кусок пути. Надо признать, что вначале он немного боялся. Однако оказалось, что есть еще порох в карманах, и летать он не разучился.

Напившись воды, он развернулся и прямо перед носом увидел довольно крупного быка.

Тот стоял на задних ногах, уперев передние в бока, и явно был не доволен появлением пришельцев. Правый глаз постепенно наливался красным. Шмыгая носом и лениво жуя соломинку, бык отвязно произнес:

— Ну и че мы тут потеряли, а? Между прочим, я тут всегда пью и никто более.

Змей вежливо улыбнулся, обнажив клыки, каждый из которых был в два раза больше рогов этого малого, и выпустил пару струй черного дыма. Бык попятился и уже вполне миролюбиво промычал:

— Да ладно, ладно. Извини. Это я малость обознался. Думал, опять соседский бычара пришел моих телок переманивать.

Змей спрятал клыки и кивнул.

— Горыныч, Змей, — представился он и протянул лапу. Бык ухватился двумя копытами за огромный коготь и потряс немного.

— Очень приятно! Борис. Глава стада. Из далека будете?

— Да не-е. Из соседней губернии. Вот на юг решили слетать. Кости погреть.

— Счастливые, — позавидовал Борька. — А мне вот никак отпуска не дают. Все стадо на мне. Работа ответственная, сам понимаешь. За этими дурами глаз да глаз нужен.

Коровы тем временем подошли ближе к берегу и с любопытством разглядывали диковинного Змея. Самая смелая спросила, виляя хвостом и немного жеманясь:

— Простите, а вы настоящий дракон?

— Настоящий, — ответил Змей, улыбаясь.

— Ой, а вы нас не утащите в свою пещеру?

— Что ты, детка, я вегетарианец.

— Веге... Что? — спросила смелая корова, а подружки кокетливо захихикали.

— Вегетарианец. Я мясо вообще не ем.

— Ой, а мы тоже мясо не едим. Значит мы тоже эти, вегерианцы? Какой же вы, однако, образованный! — восхищенно произнесла корова и с укором посмотрела на Борьку.

Тот выразительно покрутил копытом у виска, глядя на Змея и показывая, какие они дуры. Мол, о чем с ними можно еще говорить.

— Не слушай ты их, Горыныч, — сказал Борька, привычно переходя на «ты» по деревенскому обычаю. — Пойдем-ка лучше я тебе местные окрестности покажу, да с братом Мишкой познакомлю. Ты, кстати, жрать хочешь?

— Да не отказался бы.

— Слушай, а правда, чем вы драконы питаетесь?

— Овощи, фрукты, молоко. Да всем, кроме мяса. Капусту люблю квашенную.

— Дак это ж зашибись! Молока у нас навалом. А лучше нашего турнепса ничего не сыщешь. У нас его с осени столько наквашено, хоть заешься! У меня есть личная силосная яма. Все самое отборное. Айда покажу!

Бык со Змеем, не торопясь, двинули в сторону фермы.

И только смелая корова с грустью и каким-то щемящим чувством в груди провожала томным взглядом залетного красавца, понимая, что это и есть любовь с первого взгляда. Глаза ее затуманились и повлажнели. Подружки снова отправились на луг, а она еще долго стояла на берегу реки и смотрела вдаль, погруженная в свои мечты...

* * *

Дед Анисим со знанием дела осматривал корзину и особенно упряжь. Нахваливал удачную конструкцию. Однако с удивлением заметил:

— А где же удила?

— Какие удила, дед! Это ведь огнедышащий Змей. У него любая железка в три секунды расплавится. Да и ни к чему нашему Горынычу удила. Он и так знает куда лететь. А если надо, так и у меня спросит, — ответил Эдик

— Дак это что же, он у вас говорящий что ли?

— А ты думал! Он еще и храпит, как мужик, и бомбардирский боевой опыт имеет, — с серьезным видом сказал Эдик.

— Ну, паря, повезло вам со Змеем. С таким и в разведку смело можно идти.

— Э-э, какая разведка, дед? Мы люди мирные, — засуетился Эдик, оглядываясь по сторонам, не услышал ли кто.

— Сам же сказал, что бомбы взрываете.

— Что ты, какие бомбы? Это мы так, кое-кого очень вредного обгадили на лету, только и всего. Мы за мир во всем мире. Гаша, подтверди.

— All you need is a love, — вспомнил Гаша слова из старой песни.

— Yea, brother! Peace! — воскликнул дед и вскинул кулак. — Языками маненько владеем-с.

— А у вас вот, к примеру, чем народ в деревне развлекается? — поспешил сменить тему Гонзалес.

— Дак это, знамо чем, самогоном балуется.

Гришка при слове самогон весь всполошился и засиял счастливой улыбкой.

— Так я это, того, ща телок загоню, да сбегаю? — полувопросительно, полуутвердительно выпалил он, косясь на деда:

— Конечно сбегай. Хороших людей угостить положено. У нас ведь, ребятки, не бодяга какая, натуральный продукт из местного турнепсу.

Гришка стал спешно сгонять коров.

Самую смелую было не узнать. Она стояла на берегу реки в каком-то трансе и смотрела куда-то вверх деревьев на том берегу.

Гришка проследил за ее взглядом, но ничего необычного не увидел и пожал плечами. Он позвал корову по имени. Та очень медленно повернула голову и посмотрела на Гришку долгим, пронзительным взглядом, от чего пастух попятился задом и почему-то смутился.

— Слышь, Ляля, домой пора. Пойдем, друже, дома помечтаешь.

Смелая корова, словно во сне, медленно поплелась за пастухом. Подружки шептались и сочувственно посматривали на нее. Им тоже понравился красавец Змей, но они не осмелились бы подойти к нему даже на десять шагов и, тем более, заговорить.

Стадо постепенно удалялось и вскоре скрылось за поворотом.

Вечерело. Индеец ушел в лес. Эдик со знанием дела устанавливал палатку, а Гаша лежал под кустом, и плющило его конкретно. По молодости он довольно много путешествовал стопом, но на машинах его никогда так не укачивало. А тут вот что-то расколбасило. Курить совсем не хотелось, а при мысли о еде выворачивало наизнанку. Дед Анисим смотрел на страдальца и качал головой.

— Потерпи, сынок. Сейчас Гришка вернется, мы тебя быстро вылечим. Наш самогон лучше любого лекарства!

— Ой не знаю, дедушка. В меня сейчас ничего не влезет.

— Не бойсь, патлатый, поправим в лучшем виде! А вот скажите-ка парни, не встречаются ли в вашей губернии пришельцы какие-нибудь или другие какие гниды?

— Гуманоиды, дед, — поправил его Эдик.

— А, один хрен нехристи, — проворчал дед Анисим и сплюнул в сторону. — А ведь со мной, сынки, цельная история приключилась из-за энтих иродов. Хотите поведаю? Тока не смейтесь и не думайте, что я чего-то выдумываю. Вот все как было, так и расскажу.

— А давай, дед, рассказывай.

ГЛАВА 5.

История деда Анисима, рассказанная им самим, в которой каждое слово — правда.

Это случилось, когда я был еще простым пастухом, как сейчас Гришка. Вот на этом самом лугу. Деревня тогда значилась в передовиках. Коров не то, что сейчас. Голов семьсот было, а то и больше. Намотаешься, бывало, за день так, что к вечеру ноги гудят, как ветер в печи зимой.

Однажды, в начале лета, я сидел у реки и смотрел на воду. Люблю, знаете ли, смотреть, как она течет, отражая кусочки неба и солнца. Смотрю я, смотрю и, вроде бы как, заснул. А вроде и вижу все, как наяву.

Гляжу, из-за деревьев с шумом и каким-то тоненьким свистом, как в телевизоре, поднимается в небо плоска. Типа блюдца, но только здоровенная. Метров двадцать будет в обхвате.

Ну, я струхнул малость, а убежать не могу. Сапоги будто приклеились к земле. Из них я тоже выбраться не могу. Во, думаю, попал ты, Анисим, как кур в ошип. Наверное, это вражеская разведка. Сейчас будут меня пытаться всякими нехорошими способами. Стою, как дурак, и даже материться не могу, язык не слушается.

Смотрю, плоска вражеская приземляется шагах в тридцати от меня. А оттуда, мама дорогая, выходят ну чисто синяки подзаборные! Морды у всех опухшие и сизые, носы в прыщах, пасть от уха до уха, а сами тощие, как бухенвальдцы. Ничего себе, думаю, шпионы! Таких соплей перешибешь запросто. Однако чем-то таким они на меня воздействуют, что я ни пошевелиться, ни послать их не могу.

Подходят, значит, они ко мне втроем. Один в руках трубочку такую держит и на меня направляет. Все, думаю, кранты тебе, пастух Аниська, сейчас замочат и как звать не спросят, гады. Но что-то не стреляют. Поиздеваться хотят напоследок, сволочи. Тут до меня доходит, что этой-то трубочкой они меня и держат в прилипших к земле сапогах и не дают слова вымолвить.

Долго они меня разглядывали. Мне аж скучно стало. Вдруг в моей башке что-то так «дзынннь!» и голос прорезался. Писклявый такой и мерзкий:

— Если ты нас слышишь, помаши руками.

Опа! Ни фига ж себе! Да они по-нашему лопочут. Тока я че-та не заметил, чтобы хоть один из них пасть открыл. И голос, будто в голове моей прозвучал. Ах, ты ж, думаю, падла шпионская издеваться надумал! А сам чую, что руки легче стали, и я вроде шевелить ими могу немного. Ну, я и показал им пару неприличных жестов. Тут этот с трубкой и говорит:

— Мы не причиним вам зла.

Ага, думаю, я чуть не обделался уже, а он: «не причиним вам зла». Моя б воля, я бы их всех тут положил, да видно гипнотизируют меня крепко.

— Какого хрена приперлись? — спрашиваю вежливо.

— Мы разведывательная команда, прилетели на вашу планету в поисках необходимого нам лекарства.

— Ну, так я и думал, шпионы вы гадские.

(В этом месте Гонзалесу стало не по себе. Дед-то вовсе не простачок. Надо с ним быть поосторожнее.)

Хотел их еще матом обложить, но будто забыл все матюки.

— От меня, — говорю им, — ни шиша не добьетесь. Я родину не продаю!

— А этого и не потребуется. Нам помощь ваша нужна.

И тут что-то в трубке у этого малого щелкнуло и цвет ее как-то изменился. А у меня вдруг такая жалость к ним возникла, будто к детям неразумным. Тело мое отпустило, но драться с ними уже не хотелось.

— Ну ладно, говорю, раз родину продавать не надо, спрашивайте.

И поведали они мне удивительную историю.

Оказывается, их планета очень похожа на нашу за одним большим исключением. За всю свою миллионлетнюю историю население их планеты никогда не изобретало алкоголь! В том смысле, чтобы для употребления во внутрь. Саму формулу спирта они, конечно же, знают и по их разумению это чистый яд.

А не так давно мимо их планеты пролетел странный астероид и своим хвостом задел таки, падла, атмосферу. А состоял он исключительно из спиртяги, причем бодяжной донельзя. И вот теперь все их население мучается от жестокого и безысходного похмелья. А как с ним бороться они не знают. По их разведанным у нас на Земле это вовсе не проблема.

— Конечно, говорю, ноу проблем! Сейчас я вам все обстоятельно продемонстрирую. Тока для начала нужно в деревню сбегать.

Поверили они мне на слово и отпустили. Я человек честный. Сказал, вернусь, значит так и будет. Хотя и стремно все же было.

Ну, ворочаюсь я эдак через часик и тащу цельный джентльменский боеприпас: бутыль самогону, котелок щей и банку рассолу. А самогон-то холодненький, прямо из погреба.

Вот, говорю, братья неразумные, зрите! Это есть самогон — лучшее лекарство от зверской похмельюги. Но надо знать меру.

Наливаю, значит, каждому по сто грамм. Они носы воротят, морщатся. Пей, говорю! Ну, через силу они заглотили лечебную порцию. Сидят. Друг на друга смотрят.

Вижу, захорошело им. Морды чуть порозовели. Но все еще худо. Так, думаю, микстура правильная, но дозировку надо увеличить. Наливаю еще по одной. Они уже более охотливо опрокинули по стаканчику.

Все, говорю, хватит. А иначе будет тока пьянка и полное безобразие. Ну, они парни умные оказались. Все правильно поняли. Дал я им, затем, щей похлебать. Гляжу, повеселели иноземцы. Совсем розовые стали. Сидят, улыбаются до ушей.

— А это, спрашивают, что за раствор? — и на банку показывают.

— Это, говорю, самая необходимая вещь, когда с будунница тока-тока очухаешься и не можешь сообразить, жив ты или уже помер. И во рту такое творится, что в сортире даже лучше пахнет. А трубы горят синим-пресиним пламенем. Вот тогда этот раствор необходим, как воздух. Употреблять его можно в неограниченных количествах.

Потом я им подробно обрисовал все рецепты. Особенно обстоятельно посвятил в секреты самогонварения. Чтобы не напутали чего и не отравились ненароком. Они так обрадовались, что нашли именно меня. Называли их спасителем и прочее, и прочее, и так далее. Засмущали в конец. Я же человек скромный.

— Ежели возникнут вопросы, говорю, прилетайте. Завсегда поможем!

Тут они решили меня наградить за свое спасение и спрашивают:

— Чего, уважаемый Анисим Степанович, за спасение наше счастливое желаете?

— А не знаю, — говорю, — чего и хотеть-то.

— Давай, мы тебя самым здоровым сделаем?

А надо признать, что кроме похмелья на их планете давно все болезни победили. Ну, думаю, здоровье мне не повредит. А другого чего просить стремно. Потом от интересующихся товарищей в шляпах не отвертишься.

— А давай, говорю, делайте меня самым здоровым, коли не жалко!

— Для хорошего человека, уважаемый Анисим Степанович, нам ничего не жалко.

Пульнули они, значит, в меня из своей трубки чем-то фиолетовым и улетели. А я с тех пор так ничем и не болел. Вот уже годков тридцать как. Даже соплей не бывает. Вот такая история. Хотите — верьте, хотите — нет.

— Так это ж союзники были, дед Анисим, — осенила Гашу догадка.

— Какие-такие союзники? Окстись! С союзниками мы в Отечественную вместе фрицев мочили. Так я тех помню. Обычные мериканцы. А эти, я ж говорю, на площадке прилетели. Гумноиды, во!

Гаша не стал спорить, да и не хотелось. Его всё ещё конкретно мутило, и было грустно. Эдик молчал, находясь в глубоких раздумьях. Что ж за группа такая, и к какой разведке принадлежит? В инопланетян мало верилось. Хотя дед и говорит, что были приезжие на необычном летательном аппарате. Но ведь и они прилетели не на кукурузнике. Наверное, ему всё же башку сильно напекло в тот день. Да и на воду долго смотрел, а это штука коварная. Запросто может крышу снести.

Со стороны дороги донеслись голоса, и вскоре показались местные аборигены на телеге. Вместе с Гришкой познакомиться с путешественниками приехали два его кореша. Васька Дрын — тощий и длинный, как жердь и Колька Синяк — местный производитель самогона. Телега скрипела и звенела стеклянно на ухабах.

После традиционных: «Вася — Петя», всей толпой быстро разгрузили провиант и чинно уселись у костра. Эдик уважительно посмотрел на солидный ряд бутылей, заткнутых

бумажными пробками, и приблизительно прикинул количество продукта на одну персону. Выходило, мягко говоря, много. Даже чересчур. Но ни один мускул не дрогнул на его лице. Гаша, напротив, с ужасом взирал на сие богатство, и его лихорадило при одной мысли, что от пьянки не отвертеться. От вида слегка мутноватой жидкости тошнило ещё больше. Заметив такое дело, дед Анисим без лишних слов налил в жестяную кружку солидную порцию и со всей строгостью сказал:

— Прими микстуру.

— Не могу я, пиплы, обратно полезет.

— Не успеет, — с той же неумолимостью произнёс дед. — Пей, говорю!

Покорно взяв увесистый фужер и выдохнув весь воздух, Гаша запрокинул голову и стал вливать в себя огненную воду, с трудом делая судорожные глотки. Тем временем дед кивнул Кольке и тот проворно наплескал ещё порцию в другую кружку. Только Гаша отнял прибор от лица и уже собирался начать блевать, как дед сунул ему под нос вторую порцию и командным голосом крикнул:

— Пей! Живо!

Гаша не успел опомниться, как следующий поток огненной жидкости полетел вслед за первым, обжигая внутренности. На миг Гаше показалось, что перед ним стоит сам Дон Хуан и со всей решимостью заставляет проглотить его кактус пейот.

Приём сработал на удивление чётко. Едва возникшие позывы безудержной рвоты, как отрезало. Всё тело заволочло приятным оцепенением, и Гаша смог, наконец, расслабиться. Он в изнеможении прислонился спиной к дереву и, впервые за весь день на лице его появилась счастливая улыбка.

— Ну, вот и порядок, — довольно крякнул дед. — А то «не могу, да не хочу». Как пацан слабонервный.

— А я всегда говорил, что дед у нас кого хошь на ноги поставит. Вот ведь и пришельцев отпоил, да в люди вывел! — потирая руки, выпалил Гришка и осёкся: не сболтнул ли чего лишнего. Он с опаской взглянул на Анисима, но тот внимательно наблюдал за Гашей, примеряясь продолжить процедуры или погодить. Пожалуй, пока хватит, решил он.

— Ну, вот теперь можно и выпить. Наливай, братва!

И, сначала культурно, а потом всё больше разгоняясь и переходя в крутую попойку, понеслась нешуточная гульба со всеми вытекающими. Гашу больше не трогали, и он мирно отключился. Правда перед этим уже сам заглотил целую кружку самогона и так, сидя у дерева, заснул. Дед заботливо укрыл его попоной с телеги.

Эдик травил свои шпионские байки, пропуская, по возможности, детали и выдавая себя за профессионального путешественника. Мужики с интересом слушали, периодически рассказывая свои приколы и байки про деревенский быт и чудеса. Инопланетяне деда Анисима были так себе. Тут и без них столько всего удивительного случилось, что всего и не перечить.

Одни русалки местные чего стоили! А Леший со своей кодлой! Да и в лесу местном имелось несколько гиблых мест, куда боялись заходить, несмотря на обилие грибов и ягод.

Говорили, что люди и животные там исчезали неведь куда, а иногда даже возвращались обратно, только через несколько десятков лет, хотя на вид совершенно не менялись, будто только вчера пропали.

Эдик пил наравне со всеми, но старался из реальности не выпадать. Где-то ближе к полуночи пьянка была в самом разгаре, когда он вдруг вспомнил про Змея.

— Други дорогие, а кто-нибудь не видел нашего Горыныча? А?

— Дак это, его с Борькой на ферму понесло, — ответил Гришка. — Я когда бурёнок загонял, видел, как они вдвоём к яме силосной порыли.

— Что за Борька? Кто такой?

— Да бычара наш местный. У нас их двое братанов. Борька, да Мишка. Они эти, как их, произ...проез...дители. Короче коров удовлетворяют и стадное поголовье наращивают.

— Наверное, закорешились. Вот и шляются где-то по ферме. Да ты не бойсь. Там его никто не тронет, — заметил дед.

— Горыныч у нас Змей боевой, — гордо заявил Эдик и рассказал про их последнюю битву со старухами в деревне. Мужики слушали и диву давались.

— Да неужто у вас такие бабки суровые? — удивлялись парни.

— Что ты, таких ещё поискать! — отвечал Эдик. — Они ж у нас все шибко кручёные. Насмотрелись боевиков разных. По ящику-то пару дюжин программ показывают. Не то, что у вас тут. Вот и натыркались не по-нашему бакланить, пальцы гнут и всё такое.

— А зачем пальцы-то гнуть? — недоумевал Гришка.

— Ну, это чтобы круче выглядеть.

Гришка согнул все пальцы вроде граблей и спросил:

— Так что ли?

— Ну, почти. Важно уметь правильные фигуры из них составлять.

Дед слушал и усмехался. По его мнению, лучше хорошего полена ничего нету. Хоть ты на ногах пальцы сгинай в разные стороны. А поленом приложил поперёк спины и будь здоров.

Вдруг со стороны реки раздался громкий всплеск. Мужики затихли и стали прислушиваться. Всплеск повторился громче прежнего.

— Оба-на! — вскрикнул Гришка, и от неожиданности Эдик вздрогнул. — Это ж русалки бесятсь. Айда их ловить! — и ни на кого не глядя, ломанулся к реке.

Колька тоже сорвался с места и побежал за ним. Следом, сильно раскачиваясь и громко топоча здоровенными сапогами, увязался Васька-Дрын. Дед махнул рукой и остался у костра. Эдик сильно подозревал, что местные хотят его подколоть и поэтому подошёл к реке не торопясь и снисходительно улыбаясь. Каково же было его изумление, когда он на самом деле увидел на камне посреди реки голую девку, которая приветливо махала ему рукой.

— Чё за дела? — пробормотал он. — Вроде не так много выпили, а уже глючит по полной программе.

Он протёр глаза, посмотрел по сторонам, но девка не исчезала. Мужики зазывали её в гости, предлагали выпить в тёплой компании. Та не соглашалась и только смеялась заразительно, глядя сверкающими зелёными глазами на испанца. Такие знойные мужики ей ещё не попадались. Она томно улыбнулась, плавно поводя широким хвостом, и Эдик почувствовал, что сейчас растает. Мужики ещё немного поглумились, покричали о большой и светлой любви, а потом сплюнули и потянулись обратно к костру. Эдик сказал, что скоро к ним присоединиться, а пока хочет поближе познакомиться с этой красоткой.

— Ты тока в воду не лезь, — предупредил его Гришка. — А то живо на дно утащит.

« — Ну, это мы ещё посмотрим, кто кого и куда утащит!» — подумал Эдик и со всей галантностью обратился к прекрасной нимфе.

— Buenos noches, senorita! Con su permiso, Eduardo Gonzales. A vuestras servicios!

Русалка промолчала и только игриво поманила пальчиком. Кровь в жилах Эдика забурлила, и он с готовностью разделся, оставшись в ярко-красных плавках. Сложив ладони лодочкой, он смело сиганул в воду. Холода он не ощущал, так как был давно приучен стойко переносить все невзгоды и тяготы разведческой службы. Быстро преодолев расстояние от берега до камня, он горячо обнял красотку и зашептал что-то по-испански.

Русалка даже опомниться не успела. Все её вялые попытки утопить Эдика не увенчались ни чем. В тающем сознании пронеслась, было, нелепая мысль, что наконец-то она станет женщиной. Эдик прикинул, что вода не его стихия и потащил обмякшую русалку в прибрежные кусты. Его немного лихорадило от необычности происходящего, но местный самогон разжигал страсть не хуже кактусовой водки, и в эту ночь он был неотразим. Мужики, видя такое дело, тихо завидовали, но сами бы на такое никогда не решились.

— Силён мужик, ничего не скажешь, — восхищался Гришка.

— Они, цыгане, все такие, безбашенные, — лениво произнёс Колька.

— Сам ты цыган, — возразил ему дед Анисим авторитетно. — Это ж чистокровный гишпанец из самой Андалусии.

— Это там, что ли мужики с быками мочатся? — поинтересовался Васька.

— Они самые. Коррида называется. По-нашему быково-мочилово.

— Н-да. Крутые ребята. Ничего не скажешь. И до баб, видно, охочие-е. Эвона как хвостатую ублажил!

— Ну, вздрогнули, мужики...

И банкет на воздухе продолжился с новой силой, постепенно переходя в настоящую оргию с пьяными песнями и прыжками через костёр. Гаша сквозь сон иногда открывал мутные глаза и видел странную картину. Ему мерещилась знойная пустыня Соноры, пляшущие у костра индейцы, Дон Хуан, периодически поправлявший на нём попону, хвостатые женщины и

полоумный Союзник, косящий под его друга Гонзалеса. Картины наплывали одна на другую и перемешивались в сумасшедшем калейдоскопе. Потом он долго летал во сне верхом на огромной, белой птице, похожей на чайку. При этом он никак не мог вспомнить нечто важное. И, когда, наконец, вспомнил, то его озарило понимание того, что он находится во сне. Счастье захлестнуло его искрящейся волной. Хотелось громко заорать или взорваться.

— Получилось! — ликовал Гаша. — У меня, наконец-то получилось! Ура-а! Пиплы-ы!

Внезапно большая, белая Чайка стала буро-зелёной и голосом Змея сказала:

— Кончай орать, пипл, а то дальше сам полетишь.

От неожиданности Гаша выпал из сновидения и открыл глаза. Перед ним стоял дед Анисим и буравил хмельным взглядом. Его снова поразило сходство деда с мексиканским магом и ему стало жутко. Дед примерился и уверенно произнёс:

— Пациент будет жить!

И, прежде чем Гаша успел опомниться, дед влил в него полную кружку «микстуры». Веки тут же налились свинцом, и Гаша провалился в глубокий сон без сновидений и прочего бреда до самого утра. Сам дед тоже забрался под попону и быстро заснул, зная наперёд, что утром у него ничего не заболит.

А мужики ещё долго колобродили, оглашая окрестности нестройным хоровым пением. Потом, уже в сильном подпитии, ломанулись на ферму искать Змея и нашли его в тёплой компании двух братьёв-быков, причём тоже конкретно «навеселе». Оказывается, отборный турнепсовый силос из личной Борькиной ямы был весьма сильно забродившим, по вкусу напоминая хорошо квашеную капусту. Это сильно обрадовало Змея, а Борька весь сиял от счастья, что так здорово получилось с угощением. Эдик убедился, что Змей в надёжных копытах и спокойно порулил с новыми корешами в экспресс-тур по значным Клюевским местам.

Борька, Мишка и Змей сидели на задницах у силосной ямы, оперевшись спинами о стену фермы, и тоже травили байки. Братья хвастались своими боевыми подвигами в битвах с соседскими быками, а Змей тащился и слушал их в пол-уха. Ему было очень хорошо и спокойно. Давно он так не отдыхал душой и даже не мог поверить, что ещё вчера его донимали злобные старухи, и жизнь казалась серой и конченной. Разговор зашёл о полётах. Борька всхлипнул и мечтательно так произнёс:

— Эх, везёт же тебе, Горыныч. Ты, вот, летать можешь. А мне не видать неба как своей задницы.

— Это почему?

— Так мы же ж быки! Быки летать не могут, — рассудительно произнёс Мишка.

— Я про то и говорю, — сказал Борька и досадно сплюнул жвачку.

— Кто сказал «не могут»? — медленно произнёс Змей. — Это мы сейчас проверим. А ну пошли.

Троица двинула на вершину широкого холма перед фермой. Впереди шёл Змей, разминая крылья, за ним в арьергарде топали братья, недоумённо переглядываясь и пожимая плечами. Остановились на самой верхушке.

— Ну, кто первый полетать рискнёт? — молвил Змей ухмыляясь.

— Как же без крыльев летать-то? — не поняли братья.

— Без крыльев не полетишь, это факт, — сказал Змей. — Но я могу прокатить.

— Чё, правда? — обомлел Борька. — Неужели сможешь? Ты, правда, не шутишь? — спросил он с надеждой.

— Никто не шутит. Кто первый полетит?

— Я! Я полечу! — воскликнул Борька и умоляюще посмотрел на брата. Тот покачал головой, сомневаясь в успехе столь невиданного предприятия. Ладно, забродившего турнепсу нажрались, но чтобы летать — это уже слишком.

— Только не дрыгайся в воздухе, а то не удержу, — предупредил Змей.

— Хорошо, хорошо! — заверил Борька, хотя его уже трясло от возбуждения.

— Ты стой тут наверху, а я сделаю круг и подхвачу тебя на лету. Будь готов. Как только оторвёшься от земли, хватайся крепче передними копытами за мои ноги. Понял?

— Ага!

Змей прочистил горло, стрельнув пару раз огненными зарядами, чем ещё больше удивил братьев. Затем коротко разбежался и ухнул с обрыва вниз. Через несколько секунд, со свистом рассекая воздух, он сделал в воздухе эффектную «бочку» и заложил вираж по широкой дуге.

Борька весь напрягся и со страхом смотрел, как огромная тень на фоне ночного неба неумолимо приближается. Он крепко зажмурился. Мощная сила рванула его с места и понесла вверх. Дыхание резко перехватило, и к горлу подкатил комок. Борька лихорадочно ухватился за ноги Змея и открыл глаза. Стало по-настоящему страшно! Земля была далеко внизу. Брат Мишка выглядел теперь как муравей, а ферма стала похожа на коробок спичек. Голова немного кружилась, но эйфория полёта захватывала всё сильнее и сильнее. Змей легко нёс Борьку, выделявая сложные фигуры, и сам наслаждался ночным воздухом и свистом ветра.

— Джеронимо-о-о!!! А-а-а! Зашибися!!! А-а-а-а!!! — орал Борька, пролетая низко над фермой.

Коровы в стойлах качали головами, наблюдая в щели на потолке, как летает их Борька. Даже собаки перестали брехать, видя такую странную картину.

Приземлились с шиком, подняв клубы пыли. Борька кубарем прокатился несколько метров по инерции и затих. Орать больше не хотелось. Из глаз лились слёзы радости и сожаления. Радости — понятно от чего, а жаль было самого себя. Жалел Борька, что не родился он птицей или, на худой конец, просто комариком. Тот хоть и вредный, падла, однако тоже летать умеет. Ну почему такая несправедливость, а? Мишка от полётов отказался. Да и Змей порядком устал. Всё таки Борька — не поросёнок какой. Бугай тот ещё.

Прятели распрощались. Горыныч улетел к своим на луг. Борька с Мишкой вернулись на ферму, по пути бурно обсуждая детали полёта. Со Змеем договорились встретиться перед их отъездом. Борька настоял на том, чтобы Горыныч обязательно зарулил к ним на ферму и взял с собою отборнейшего силосу, сколько сможет унести. На том и расстались.

ГЛАВА 6.

Индеец долго шёл лесом и ни о чём не думал. После продолжительного зависания в воздухе было приятно снова ступить по земле босиком. С местными аборигенами гудеть не хотелось. Он всё ещё не мог решить: правильно ли они поступили, уехав из родной деревни, или нет. Не было того душевного равновесия, которое всегда означало правильность бытия.

Местные духи не приставали, видя в нём опытного шамана, и держались на расстоянии. Индейцу не хотелось с ними общаться. Свои, хоть и пообещали удачный поход, но всё как-то туманно, с ужимками и недомолвками. Ссылались на то, что луна не полная, и хреново видать все подробности их предстоящего путешествия. Хотя и уверяли, что всё будет ништяк.

В воздухе запахло сыростью, и вскоре за деревьями показалось крупное лесное озеро. Тропинки все давно закончились. Мокасин аккуратно ступал по болотистым кочкам. Сразу было видно, что местные жители обходили это озеро стороной. Вода в озере совершенно чёрная и неподвижная, навевала безысходную тоску и печаль. Индеец уселся на крупной кочке и стал вспоминать свою далёкую родину и то, как его занесло в эти края.

Родился он, как и положено чистокровному индейцу, в самых, что ни на есть, Соединённых Штатах Америки. Правда, в резервации. Где-то на юге Айдахо. Детство и юность провёл в пределах этой самой резервации, никуда особенно не выезжая. Разве что, в соседний городок за провизией и прочими хозяйственными мелочами. Друзей у него не было, так как родители с самого детства отдали его в обучение старому шаману. А у шаманов друзей не бывает.

Старик относился к маленькому Мокасину, как к родному внуку. Особенно не баловал, но и не зверствовал излишне. Перед своим последним путешествием в страну Духов он тайно вручил ему старинный томагавк вождя ирокезов, про который никто не знал, кроме шаманов его линии. Теперь он по наследству перешел к Прыткому Мокасину. Напоследок старый шаман просил, по возможности, людей не мочить, да и живность всякую тоже, а использовать топор только в крайних случаях. Потому как силы колдовской в нём не меряно. С тем и отъехал.

Мокасин был парень не промах и топорик сразу притырил основательно, а то ведь сопрут запросто. А затем потекли весьма хлопотливые шаманские будни. То лечи кого, то погоду предсказывай, то яду дай, то наоборот — противоядия. Дурдом! Да ещё и в город соседний приходилось ездить на стареньком «Форде» и проверять, чтобы управляющий делами резервации не привёз какую-нибудь просроченную тухлятину.

Однажды летом Мокасин, как всегда, собирался в город. Солнце жарило нещадно, но это было в порядке вещей. Другое сильно озадачивало Мокасина: любимый набор вороних костей сложился в какой-то странный рисунок. Снова и снова бросал он кости, однако всегда выпадало одно и тоже: почти прямая стрела направлением на северо-восток. Городок же находился на западе, и за провизией нужно было ехать туда в любом случае.

« — Будь, что будет», — решил молодой шаман и погнал свой грузовичок в город.

Неприятности начались уже в пути. Сначала какая-то падла оставила кривой и не хилый гвоздь на дороге. Колесо смачно пшикнуло и тут же умерло. Пришлось ставить запаску, набитую соломой. Ехать стало совсем «весело». Машину трясло так, будто колёса квадратные.

Потом по пути попалась усохшая бабулька из местных. Напросилась в попутчики. И так проела уши своей болтовнёй, что Мокасин уже хотел насрать на неё какую-нибудь порчу покрепче, но сдержался. В городе он вытряхнул её возле церкви и погромыхал в сторону продуктовой лавки.

Однако доехать ему так и не удалось. На Мейнстрит у полицейской управы его лениво остановил помощник шерифа Салли Телласс. Не понравилось Салли, как едет эта колымага. Увидев индейца, он потемнел лицом и злорадно усмехнулся. Салли узнал молодого шамана из резервации и решил покуражиться.

— А вот и краснорожие пожиратели мухоморов пожаловали. Что, приятель, все поганки в округе смели? Ничего не оставили?

— А вам, бледнолицым, мухоморы противопоказаны, — невозмутимо ответил Мокасин.

— Это почему же? — недоумённо спросил Салли и наморщил низкий лоб.

— Мозг вытечет через уши. Хотя тебе это не грозит.

— Не понял я что-то. Почему это не грозит? — ещё сильнее наморщил лоб помощник, и, на всякий случай, длинно сплюнул.

— Да ведь в заднице мозга нет. Это ведь твоя задница сейчас говорит?

Салли оглянулся на свой зад, потом посмотрел на индейца, потом снова на зад и опять ничего не понял.

— Сдаётся мне, приятель, что ты пытаешься издеваться над помощником шерифа, — растягивая слова, краем рта промямлил Салли. — Давай-ка, дружок, я тебя для начала арестую и в камеру запру. А потом ты мне ещё раз расскажешь про мою задницу. Тогда и посмотрим у кого зубов больше.

В каталажку индейцу было никак нельзя. По одной простой, но веской причине: для него это могло закончиться очень и очень плачевно. Для белого, да ещё законника индеец был хуже бродячей собаки. И если не замочат сразу, то уж покалечат основательно, а это практически то же самое. В резервации калеки долго не живут.

Мокасин лихорадочно соображал. Просто убежать не получится. Салли достал оружие и, помахивая наручниками, медленно приближался.

« — Была ни была», — подумал индеец и выхватил горсть вороньих костей.

— Смотри, бледнолицый, это кости чёрного ворона! — зловеще крикнул Мокасин. — Они нужны для самого чёрного колдовства! Всех, кого они коснутся, тут же умрут в страшных муках. Лови!!!

Индеец кинул кости в лицо Салли и громко прокричал по-вороньи три раза. Весьма, кстати, похоже.

Эффект превзошёл все ожидания. Мокасин хотел лишь напугать помощника и выиграть немного времени, чтобы смыться на своём грузовике. Но получилось всё гораздо хуже. Лицо Салли посерело, ноги подкосились, будто кто-то резко ударил его под коленки, и он стал медленно оседать на пыльную дорогу. Штаны быстро намокли и наполнились ещё кое-чем, весьма обильно. По всему телу побежали судороги. Глаза с ужасом и какой-то детской растерянностью смотрели на страшного индейца: «Как же так? Почему так?». Пистолет выпал из посиневшей руки. И только наручники нелепо повисли на большом левом пальце, мерно покачиваясь.

Это не было колдовством, и Мокасин прекрасно это понимал. Но ведь люди кругом слишком суеверные. Никто не поверит, что помощник шерифа умер от сердечного приступа. Бледнолицые боятся индейцев. Особенно, если этот индеец — шаман. Он не хотел, чтобы всё вышло вот так, глупо и страшно.

Однако пора было сматываться. Вот уже чьи-то крики послышались и топот ног. Он вскочил в свой грузовичок и помчался, не разбирая дороги, подальше из этого города. Но и в резервацию ему ходу не было. Он гнал машину в пустыню, выжимая из стонущего и скрежещущего грузовика последние силы, пока у того не отвалилось кривое колесо с набивкой из соломы.

Машина резко подпрыгнула вверх, как раненая птица в предсмертном рывке, и со страшным грохотом рухнула в глубокую яму. Индеец по инерции пролетел с десятков метров и скатился на спине по склону песчаного бархана, чудом ничего не сломав. Чуток отдышавшись, Мокасин вскочил на ноги и побежал.

Бежал он долго и размеренно, как умеют бегать только индейцы. На бегу он обдумывал своё положение и пришёл к неутешительному выводу: в этом штате ему не спастись. У местного шерифа давние дружеские связи с губернатором. Его будут искать повсюду и, в конце концов, найдут. И теперь уж точно — секир-башка. Надо сматываться куда-нибудь подальше. Но куда?

И тут припомнилось странное утреннее гадание. Северо-восток! Вот куда нужно бежать. Эх, жаль, кости гадальные остались там в городе, рядом с мёртвым Салли. Сейчас бы не помешало уточнить нужное направление. И почему он не послушался интуиции и попёрся в этот злополучный город? Говорил же старый шаман: всегда слушай свой внутренний голос. Хотя, быть может, именно так и должно было всё случиться. Ведь жизнь в резервации была скучна и однообразна. А так хотелось посмотреть мир. Побывать где-нибудь ещё, кроме этих пыльных и жарких мест. И уж совсем не предполагал Мокасин, что нелёгкая занесёт его не куда-нибудь, а в далёкую и удивительную страну Россию. Тогда он даже не знал про такую.

Однако прежде беготня по различным штатам Америки затянулась ещё на несколько лет. Он, как мог, скрывался от властей, иногда применяя свои шаманские штучки, а иногда не гнушаясь помощью контрабандистов и других тёмных личностей. Приходилось идти вместе с ними на преступления и опять прятаться.

От них он и узнал о загадочной России. Направление — на северо-восток. Может это оно и есть? Но как попасть туда? Ведь это так невысказанно далеко. Но что такое расстояния для вездесущих проныр-контрабандистов? Каким-то запутанным образом они переправили его на Дальний Восток. А оттуда индеец без документов и знания языка умудрился добраться почти до столицы этой огромной страны и осел в Московской губернии.

Пока добирался, познакомился с цыганами и некоторое время колесил с ними. Это чем-то напоминало его племя, хотя народ этот ещё более шептливый и суетливый. Хотелось уединения, и он отстал от табора вместе с другим цыганом по имени Васька Тойго. Вдвоём они фестивалили по рязанским лесам. Иногда воровали, иногда шабашили. Но однажды, в один не самый лучший день, Ваську подстрелили из ружья пьяные охотники. Просто так, ради забавы.

Мокасин в тот день ушёл в ближайшее село разузнать насчёт какой-нибудь новой шабашки. А когда вернулся, нашёл Ваську с простреленной грудью и несколько стреляных гильз. Охотники после убийства сразу протрезвели и, испугавшись, быстро смотались по домам. Искать их теперь было бесполезно, да и кто поверит индейцу без документов.

Мокасин похоронил Ваську по своим обычаям и провёл шаманский обряд погребения. Душа Васьки легко освободилась, так как и при жизни он не обременял себя земными привязанностями и легко делился всем, что имел. Поблагодарив обалдевшего индейца, он полетел искать своих соплеменников, чтобы проститься и окончательно раствориться в Брахмаджняне.

Мокасин оставил себе паспорт Васьки. На юношеской фотке он был почти похож на молодого индейца. С тех пор Прыткий Мокасин официально стал Василием Тойго и поселился уединённо в небольшой деревеньке в Подмосковье. Там же он познакомился с волосатым Гашей, который сильно зависал на Кастанеде и жаждал откровений со стороны индейца.

Однако оказалось, что шаман шаману — рознь. Гаша не втыкался в расклады Мокасина, а тот не мог уразуметь, чего пипл хочет. Но жили они мирно.

Затем к ним присоединились Эдик и Змей. Сначала все считали, что это Эдик привёз диковинного зверя, который, к тому же, свободно говорил по-русски и мог преспокойно послать куда следует, ежели что. Но Змей всегда уверял, что он сугубо местный, только долго спал в заколдованной пещере где-то на севере страны. На том и порешили. И вот уже почти десять лет они обитают в этих краях вместе.

Воспоминания, как обрывки тумана, проплывали перед глазами индейца. Мокасин смотрел в тёмную воду озера и, в который уже раз, удивлялся, какими извилистыми путями ведёт его Дух.

Внезапно он услышал очень низкий и глухой вздох. Любой другой бы на его месте тут же наложил полные штаны, если не хуже. Мокасин сразу понял, что голос не принадлежит человеку.

— Кто ты?

— Я Дух Озера, — прошелестел голос в прибрежной траве.

— Приветствую Тебя, о Дух Озера, от имени своего племени и да будет мир среди Духов и людей! Но я слышу грусть в твоём голосе.

— Это правда, — мрачно ответил Дух. — Радоваться особенно не чему. Ведь ко мне люди приходят лишь за тем, чтобы утопиться. Это так скучно. Надеюсь, ты не собираешься сделать тоже самое?

— Увы, нет.

— Почему, увы?

— Потому, что я шаман. Мне топиться не положено. Да ты и сам говоришь, что это скучно.

— И всё же, почему? Тебе наскучила твоя жизнь?

— Не знаю, Дух. Я несколько растерян и не знаю, как сложится моя жизнь дальше.

— А разве интересно знать, что тебя ожидает? Ведь это ещё скучнее, чем топиться.

Индеец подумал немного и произнёс:

— Видишь ли, я стал плохо понимать своих Духов леса. Они что-то говорят мне наперебой. Вроде бы я всё слышу, но в душе остаётся сумбур и непонятки.

— Сумбур не в душе твоей, а в голове. Ты стал много думать, как обычный человек. А это неизбежно порождает горы бесполезных мыслей. От этого многие сходят с ума. Вспомни, чему учил тебя старый шаман. Пусти свои мысли по текучей воде. Пусть они уплывут, как осенние листья. Но не дай воде забрать тебя целиком.

— Я понял тебя. Но скажи, почему твой голос стал печален?

— Это просто. Банальная история. Пришла, понимаешь, осенью одна деревенская баба топиться. Всё как полагается: верёвка, булдыган на шею и все дела. Я не стал её разубеждать. Да она и не услышала бы. Смотрю я на неё и тошно мне. Ну, кому приятно в себе утопленников коллекционировать? Ладно, хоть со временем в ил и торф превращаются. Короче, плюхнулась эта особа в омут, а я расслабился, да забыл вовремя корягу подводную отодвинуть. И эта дура, таки, зацепилась своим булыжником за коряжину. Да так крепко! Я сколько не плескал водой, ну никак мне её на дно не отправить. Так и висит посреди воды. Ни туда, ни сюда. А по ночам её душа болтается вокруг озера и спать не даёт, зараза. Во, гляди! Она самая!

Среди деревьев показалась призрачная женская фигура. Мокасин сразу узнал её. Это она была в его сне. Фигура безучастно прошла мимо и вдруг тоненько, но противно завывла. От её голоса сводило челюсть. Будто целиком зажевал лимон. Если бы тут водились волки, то им бы стало плохо.

— Не, ну ты видал? Вот стерва! Меня вообще не слушает. Я её и так, и эдак уговаривал — ни в какую. Может, поможешь, а?

— Попробую, — ответил индеец и, не раздумывая, нырнул в чёрную воду. На ошупь он нашёл эту злополучную корягу, а на ней запутавшуюся верёвку. Ножом он перерезал её и выбрался на берег.

Утопленница сначала всплыла на поверхность, явив собой весьма печальное зрелище. Но вскоре вода снова поглотила её и теперь уже окончательно. Над озером пронёсся вздох облегчения. Призрачная фигура замолчала и долго смотрела на разбегающиеся по воде круги. Затем она повернулась к индейцу и улыбнулась. Мокасин почувствовал волну благодарности от этой заблудшей души. Ему стало вдруг так хорошо. Давно он не ощущал этого чувства нужности и полезности кому-то. Призрак помахал рукой и весело зашлёпал по болотным лужицам на запад.

— Ну, брат, спас ты меня! — зашумел Дух Озера, вздымая приличные волны. — За это я научу тебя, как стопроцентно вызывать самый настоящий дождь. По-настоящему, без всяких наколок. Встань у кромки воды.

Индеец подошёл ближе. Из воды появилось небольшое облачко и окружило Мокалина. Оно было прохладным и приятным, как грибной дождик. Облачко впиталось в индейца, и он теперь просто знал, как вызвать дождь. При этом он чувствовал, что зарядился не только свежей прохладой. Его наполняло какое-то чувство умиротворения и одновременно решительной бодрости. Сумбур в голове растаял без следа. Всё стало ясным и простым. И он вспомнил, как однажды старый шаман сказал ему:

— Радость не в цели путешествия, а в самом пути.

И это было правдой! Индеец молча поклонился озеру и, подняв руку, сказал:

— Хау!

— И тебе того же! — весело ответил Дух Озера, шумно плеская волнами. — Прощай!

Мокалин бодро шагал обратно к месту стоянки. На лице сияла довольная улыбка. Местные Духи, всё также прячась за деревьями, недоумевали:

— И где этот индеец успел мухоморов наглотаться? Эвон как прётся! Ведь грибов-то ещё нет.

« — Эх вы, сирые, — думал в ответ Мокалин. — И где вам убогим знать, как это здорово — вдыхать полной грудью чистый и прохладный ночной воздух, ощущать босыми ногами покалывание еловых иголок и просто радоваться тому, что ещё живёшь. Что можешь чувствовать и любить. Любить просто так, весь этот огромный Мир. Да никакие мухоморы с этим не сравнятся! ».

ГЛАВА 7.

Яркое, весеннее солнце взошло над Клюевкой, щедро одаривая светом и теплом всё живое и не совсем живое. Не совсем живым был пипл Гаши, которого наутро мутило ещё хуже, чем вчера. И это понятно. Ведь кроме самогона он ничего не ел. Дед сокрушённо качал головой и ругал себя за то, что упустил этот важный ингредиент в своих процедурах. Через силу влили в пипла ещё одну кружку самогона. Это должно было слегка облегчить страдания, но не надолго.

Эдик, хоть и куролесил всю ночь, однако чувствовал себя бодрячком. Его ночные собутыльники где-то потерялись. Скорее всего, у тех необъятных баб, которых они нашли в местной избе терпимости. Эдику хватило приключений с русалкой, и он вежливо отказался от услуг местных «бабочек». Они почему-то обиделись. Хотя это и понятно — не каждый день к ним в деревню заруливают такие знойные иностранцы. Пришлось, мягко говоря, быстро сматываться от их навязчивых притязаний и некоторое время прятаться на огородах. На рассвете он вернулся на стоянку, обнаружив там подыхающего Гаши и сияющего улыбкой индейца.

Дед уехал на телеге за провиантом, а Змей мирно дрых возле корзины. Эдик достал свою секретную карту, наметив следующую остановку. Это было небольшое село Невдолбичи на

окраине Липецкой губернии. Пора было собирать шмотки и запрягать Змея. Вместе с индейцем они приладили корзину к сонному Горынычу и стали дожидаться деда.

Вскоре по дороге загромычала телега и появился Анисим. Он притаранил кастрюлю щей, бочонок рассола и мешок картошки. Последняя являлась, по его разумению, универсальным продуктом, совершенно необходимым в дальней дороге. Отдельно в телеге лежала внушительная бутылка известно чего, аккуратно завернутая в чистую мешковину. Это было от души.

Мужики искренне поблагодарили деда, обещали на обратном пути обязательно снова к нему заехать. Дед пустил скупую слезу и отвернулся. Змей уже вполне проснулся и разминал потихоньку крылья. Гашу погрузили сразу возле люка. Болело на этот раз не только всё тело, но даже и волосы ломило. Он тихо стонал и периодически проваливался куда-то в темноту.

Эдик показал индейцу направление по карте. Сам он собирался конкретно отоспаться в полёте. Мокасин кивнул, заступив на место рулевого. Змей легко оторвался от земли и стал медленно набирать высоту. Вдруг он вспомнил, что обещал заскочить к братьям на ферму. Индеец снова кивнул согласно, и они развернулись в сторону деревни.

Дед Анисим стоял возле лошади и махал рукой, приложив другую ладошку козырьком ко лбу. В глазах мешались слёзы. Он смахивал их и снова смотрел на удаляющихся путников. Жаль, так мало погостили.

— Хорошие ребята. Да-а-а. Ну так ить! Надо! Да-а-а.

Возле фермы толклись коровы. На пастбище их сегодня гнал малолетний пацан — сын Гришки пастуха. Сам Гришка спал мёртвым трупом на сеновале и был не в состоянии руководить процессом.

Быки ждали возле силосной ямы и даже прикатили откуда-то пустой бочонок. Змея они встретили, как родного. Борька в порыве чувств ухватил Змея за лапу и от души потряс.

— Здорово, дружбан! Какие дела!

— Здорово, братаны! Вот, летим дальше.

— Счастливые. Ну, желаем удачи и всё такое!

Мокасин с Эдиком начерпали ядрёного турнепсового силосу, зажимая носы и стараясь глубоко не вдыхать. Продукт явно высшего качества, но уж больно крепок. Для настоящих коровьих парней.

Быки распрощались со Змеем и утопали вслед за остальным стадом. Больше путешественникам ловить тут было нечего, и они с лёгким сердцем устремились ввысь, оставляя за собой тонкий шлейф турнепсового амбре.

К полудню поднялся довольно приличный ветерок. Корзину ощутимо раскачивало. Это приятно убаюкивало, и Эдик, не стесняясь, громко храпел. На пипла качка действовала совершенно противоположно. Он уже не мог лежать на полу возле люка и блевал, стоя у края корзины и опасно свешиваясь вниз.

Внезапно корзину качнуло сильнее прежнего, и Гаша, не удержавшись, полетел вниз.

Мокасин в первый момент сильно удивился когда, оглянувшись назад, не увидел пипла. Спрятаться тут было негде. Чё за дела? И тут раздался запоздалый крик снизу. Индеец всё сразу понял и скомандовал:

— Змей, тормози! Человек за бортом!!!

Гаша летел вниз, обгоняя свой собственный завтрак. Лететь было страшно, и к тошноте прибавилась икота.

— Вот, блин, почти как птица лечу в свободном полёте, а радости — ноль. Ну что за облом такой, а? — думал он невесело, прикидывая: где мягче разбиться: на травке или на песочке?

Змей тоже заметил стремительно уменьшающегося Гашу и ринулся за ним в погоню. Высота была приличной, поэтому Гаша не успел разрешить свою дилемму. Змей ловко ухватил его за штаны и забросил назад, в корзину.

Выходить из крутого пике было тяжело, но необходимо. Было бы грустно так быстро закончить путешествие, не пролетев и половины пути. В спине заныл, развивающийся потихоньку, ревматизм. Змей закричал, сжал зубы до свирепого скрежета, но достойно справился с этой фигурой высшего пилотажа и вышел на горизонтальный полёт.

Гаша сидел в уголке корзины в полной прострации и ритмично икал. Индеец на всякий случай привязал его верёвкой к толстой жерди и стал высматривать место для срочной посадки. Дальше лететь было нельзя. Так можно и человека угробить. Да и Змею нужно было передохнуть после такого экстремального пилотажа.

Под ними сейчас виднелась довольно приличная река, кое-где имеющая широкие разливы с островками. Мокасин посмотрел карту. Ага, речка Проня. А вон и островок подходящий. Индеец показал Змею на этот остров. Тот понимающе кивнул. Приземлились несколько жестковато, отчего Гонзалес, мирно спавший на дне корзины, кубарем выкатился из оной и сразу вскочил в боевой стойке.

— Стоять всем! Замочу гадов!

Но, увидев, что никто им не угрожает, протёр глаза и с удивлением спросил.

— Что такое? Уже прилетели?

— Почти, — ответил Мокасин и рассказал о воздушных пируэтах и вынужденной посадке.

Эдик нахмурил лоб и стал сверяться по карте. Выходило, что пролетели они за сегодня всего лишь треть от намеченного на день. Это, конечно, маловато, но не смертельно. Особенно торопиться было некуда. Надо как-то приводить в чувство пипла. Индеец решил поискать знакомые травки и углубился в лесок. Эдик достал припас, пытаясь покормить Гашу щами деда Анисима. Но это было бесполезно. Гаша сжал зубы и лишь отрывисто икал.

Вскоре из леса послышался тонкий свист. Это был индеец. Он явно что-то нашёл. Эдик оставил пипла под присмотром Змея и скрылся среди деревьев. Мокасин стоял у большой сосны и внимательно за чем-то наблюдал. Эдик подошёл ближе, стараясь ступать тихо и незаметно. Мокасин молча указал в глубину леса.

Эдик открыл от удивления рот. Не очень, правда, широко. На миг ему показалось, что он всё ещё спит. Посреди круглой поляны стояла натуральная избушка на самых, что ни на есть, натуральных курьих ногах. Ноги иногда переминались и почёсывали одна другую. Было прикольно. И странно. Внезапно кто-то положил им на плечи тяжёлые руки и по-хозяйски произнёс:

— Здорово, сынки. Каким ветром сюда занесло?

Парни не испугались. Только Эдик сильно побледнел, а Мокасин ещё сильнее удивился: кто это сумел подкрасться к нему сзади, а он и не почувствовал? Перехитрить шамана совсем не просто. Они медленно обернулись и обомлели.

— Ну, ни хрена себе! — вырвалось у Эдика и он тут же извинился. Перед ними стояла дама. Правда, весьма своеобразная, но всё-таки дама. Это была настоящая баба Яга.

— Конечно настоящая! — уверенно произнесла она, прочитав их мысли. — Только не Яга, а Марфа Кузьминишна. Но во всём остальном самая настоящая. Можете потрогать.

Эдик почему-то смутился. Тётка была, конечно, в годах, но выглядела вполне сносно. Принадлежность к колдовскому роду выдавала лишь метёлка, вовсе неуместная в лесу, и разноцветные глаза. Один был совершенно чёрный, а второй — самого обычного василькового цвета.

— Что, парни, языки проглотили?

Эдик опомнился первым. Всё же дамы были его стихией. Он вежливо расшаркался и произнёс приветственную речь, по привычке сдобрив её испанскими оборотами. Бабку это нисколько не впечатлило, и она повторила свой вопрос:

— Ну, так чего тут забыли? Только не говорите, что заблудились. По вашим хитрым физиономиям вижу, что это не так.

— Правда ваша, мадам. Мы, знаете ли, путешественники. А на ваш островок залетели сугубо по аварийным причинам. С товарищем нашим худо. Морская болезнь у него и даже алкогольные микстуры не помогают. Только ещё хуже стало.

— Ну, от этой гадости кому хошь плохо сделается. И где этот ваш товарищ?

— А на берегу, вместе со Змеем.

— Какой ещё Змей? Уж не Горыныч ли?

— Он самый. А откуда вы его, простите, знаете?

— Да вот бабка моя, тоже потомственная колдунья, рассказывала мне как-то про одного Змея. Только тот в пещере далёкой был конкретно заколдован. Никак ей не удавалось его расколдовать. Так и оставила его там. Как же у вас это получилось?

— Да он сам к нам прибился. Сказал, что колдовство то временное было. Вот и кончилось. Теперь он свободный Змей.

— Ладно, топайте на берег, а я сейчас кое-чего прихвачу, да приду, посмотрю вашего страдальца.

Бабка пошла к избушке пешком, не желая летать на метёлке при посторонних. Индеец восхищённо смотрел ей в след и чувствовал, что шаманить она тоже умеет крепко. Вообще-то с такой надо держать ухо востро. Женщины-шаманы — шибко хитрый народ. На всякий случай он переломил четыре рыбьих кости и, поплевав на них, кинул на четыре стороны. Не ахти, какой приёмчик, но всё спокойнее. На берегу Змей широко раздувал ноздри и тревожно принюхивался.

— Что там, в лесу? — спросил он.

— Ты не поверишь, Горыныч, но встретили мы там натуральную бабку Ягу. Марфой Кузьминичной кличут. И что самое интересное: она тебя знает!

— Этого-то я и боялся, — сокрушённо выдохнул Змей и весь как-то сник.

— Что такое, Горыныч? Ты чего это, а?

— Крандец мне, парни. Кончилась моя свободная житуха. И нафига я попёрся с вами? — с тоской в голосе произнёс Змей.

— Да объясни ж, наконец, в чём заморочка?

— Давным-давно меня заколдовала именно бабка Яга. Я в той пещере целых триста лет простоял, как статуя. Триста лет!!! Вы можете себе представить, что это такое, когда триста долгих лет по тебе безнаказанно прыгают блохи и кусаются, падлы. А ты не можешь даже пошевелиться! Я чуть не сдох от злости.

— Но, Горыныч, это ж так давно было. Та Яга уже в пыль превратилась. А эта, вроде бы, вполне современная ведьма. Говорит, что бабка её расколдовать тебя пыталась, да только не вышло что-то. Ты не бойсь. Мы тебя в обиду не дадим.

Индеец подошёл к Змею и что-то прошептал в самое ухо. Тот недоверчиво посмотрел на него и покачал головой. Однако сделал, как сказал Мокасин: задвинул одну лапу за другую и тихо стал постукивать ею по земле. Рот крепко сжал, а взгляд сделал рассеянным. Индеец до кучи прошептал несколько заклинаний и сунул под каждое крыло по амулету.

Вскоре из лесу показалась Марфа-Яга. Шла она пешком, чтобы не тратить зря метёлкину силу. В руках несла дымящийся котелок и что-то тихо в него шептала. Пахло из котелка очень даже приятно и сытно. Ни на кого не глядя, бабка подошла к скрюченному Гаши и пристально посмотрев ему в глаза, требовательно приказала:

— Ешь!

— Не могу, — простонал Гаши, пытаясь разглядеть слезящимися глазами женщину. В затуманенном мозгу вяло пронеслось: « — Во, опять Дон Хуан нарисовался. Под ведьму косит. Пожалуй, своим Союзникам сдаст, если я не соглашусь сожрать эту отраву».

— А, давай сюда своё варево. Хуже не станет. Хуже уже некуда. Дальше лишь понос и смерть.

Парни решили тоже перекусить и сели возле корзины на молодой травке. Змей всё постукивал лапой и недоверчиво косился на бабку. Та, чтобы не смущать его, подошла к мужикам и спросила:

— А, может, погадать кто желает? Судьбу там узнать, то, сё, сколь проживёшь, когда помрёшь, где зарюют, а?

— Мне гадать категорически нельзя, — сказал Эдик. — Иначе мне придётся тут же тебя застрелить. Агент я тайный. Ясно тебе?

— Конечно, ясно! Чего ж тут не ясно. Ну, а ты, пришелец из далёких земель, не желаешь ли Судьбу узнать?

Индеец был слегка удивлён её проницательностью и с интересом согласился. Бабка походила вокруг него, посмотрела и так, и эдак. Понюхала воздух. Пару раз крепко зажмурилась, и на лице её отразилось недоумение.

— Что-то не догоняю я, приятель. Коллега ты мне, что ли?

— Да вот, шаманим помаленьку.

— То-то я смотрю тёмный ты какой-то! И как это я сразу не просекла. А чего ж меня побеспокоили? Чего сам товарища не лечишь?

— Так ведь грибов-то ещё нет. Какое же лечение без грибов?

— Ну, рецепты всякие бывают. Можно и без мухоморов. Вот, к примеру...

Эдик понял, что сейчас начнётся чисто профессиональный диспут, и ему тут делать нечего. Он подошёл к Гаше и поинтересовался, как дела. Тот, отдуваясь, лихо налегал на супчик.

— Ну, как лекарство? Помогает?

— Ты не поверишь, братуха! Сначала давился дико, а потом полегчало немного. Потом ещё, и ещё. С каждой ложкой всё лучше и лучше!

— Ну-ну. Ты только не вздумай у бабки спросить, из чего это сварено. А то опять заплющит тебя по-новой. Тогда уже ничего не поможет.

— Да нормальное харчо. А о чём это Мокасин с ней треплется? Руками, вон, машет?

— Дык спорят, наверное, чьи мухоморы круче.

А индеец и не спорил вовсе. Он сразу просёк, что колдунья эта авторитетная и даже ему, опытному шаману, есть чему у неё поучиться. Он увлечённо рассказывал, как помог Озёрному Духу, и как тот наделил его умением вызывать дождь. Бабка с интересом слушала, иногда тихо посмеиваясь. Удивил её этот заморский шаман своими познаниями. Она слышала, что тамошние колдуны только скакать дико умеют, да воют по-волчьи. А так — дурачье сплошное. Оказывается не все. Вот этот малый, вроде, ничего. Может в помощники его взять? Да ведь не захочет. Птица вольная.

Подобрела бабка Марфа. Попросила обождать её немного и ушла к избушке. Через некоторое время вернулась с небольшой корзинкой, накрытой чистой тряпицей. Она отдала корзинку индейцу и тихо проговорила тайные рецепты нескольких полезных снадобий. Содержимое велела никому не показывать. Индеец дал честное индейское слово, что сохранит тайну.

Гашу снова загрузили в корзину. Перед этим бабка его осмотрела и решительно произнесла диагноз:

— Жить будет. Если только неделю не будет пить спиртное и даже пиво. Трубку тоже неделю не курить. Иначе кранты. Полная деградация с превращением в гадскую слизь.

Гаша чуть не подавился слюной. Вот попал, блин! Выпивка — фигня. От одной мысли об этом в животе вновь зарождались рвотные позывы. А вот трубку курить он любил. Целую неделю без курева! Сдохнуть можно! Придётся терпеть.

Мужики поблагодарили бабку Марфу и лихо отчалили. Змей вздохнул свободней, когда река с островом скрылась из виду. Гаша наконец-то заснул тихим, спокойным сном выздоравливающего человека. Эдик заступил на вахту, а Мокасин с благоговением перебирал волшебные ингредиенты в корзинке, отвернувшись в угол. Эдик только посмеивался и качал головой.

Бабка Марфа долго смотрела им в след и добродушно улыбалась. Нормальные мужики. Немного беспугные, но вполне нормальные.

— Скатертью дорога, — сказала она и бросила волшебную, попутную веточку.

ГЛАВА 8.

В село с ласкающим слух названием Невдолбичи прилетели к ночи. Остановились в пустой ферме, где даже навозом уже давно не пахло. До села было с километр. Решили сегодня больше не искать приключений на одно место и повалились спать. Индеец на всякий случай прочитал крепкое заклинание и повесил на створку ворот охранный амулет. Если что, разбудит. Однако ночь была тихой и спокойной. Дух в амулете поворчал немного и тоже рубанулся на массу.

— Чё я, самый крайний что ли? — подумал Дух. — Пацаны вон в сумке у шамана дрыхнут, а я тут охраняй их. Да пошли вы! — С тем и уснул.

Наутро ферма наполнилась звоном кузнечиков и гулом внушительной стаи мух. Они обитали здесь ещё со времён тесного и дружеского соседства с коровами. И хотя последнюю корову местные жители слопали уже лет десять назад, мухи продолжали оккупировать данную жилплощадь и были весьма недовольны вторжением чужаков. Однако держались на расстоянии и первыми не нападали.

Дух в амулете получил внятный щелбан и подпрыгнул от неожиданности. На него с явным неодобрением смотрел индеец и качал головой. Дух двумя лапками стал протирать опухшие от сна глазки, а остальными четырьмя развёл в стороны, как бы сильно извиняясь. Индеец погрозил ему кулаком и кинул амулет в сумку.

Эдик бодро скакал, делая утреннюю зарядку. Упражнения выполнял простые, но весьма энергичные. При этом он успевал побоксировать со Змеем и периодически прописывал лёгкого пинка заспавшемуся Гаше. Тот что-то бормотал сквозь сон, вяло отмахиваясь руками. Потом резко вскочил и с воплем ломанулся на улицу. Эдик с индейцем переглянулись, пожав плечами.

— Во глючит мужика! — сказал Эдик. — Ты бы пошаманил над ним, что ли? Так ведь и впрямь какой-нибудь Союзник, или как их там, утащит пипла, да сожрёт нафиг.

— Союзники не едят людей. Они питаются страхами.

— Вот я и говорю, надо заделать Гашу сущим пофигистом. Тогда ему всё по-барабану будет. Глядишь, и сам кому хошь фейс начистит.

— Хау! Я подумаю.

Гаша вернулся, нервно озираясь по сторонам. Индеец с Эдиком сделали вид, что ничего не заметили. Пипл был благодарен им за это. Ему вовсе не хотелось рассказывать про свои сновидения. Если честно, то он и сам не мог толком понять, что его так сильно напугало. Вроде бы снился красивый, пустынный пляж и вдруг «Ой, мама!!! Чё за ботва!? А-а-а!!! Спасите, помогите!». А что это было — не понятно. Вроде как тень. Но страшная-я-я. Жуть.

Эдик, как ни в чём не бывало, бодро произнёс:

— Ну чё, надо бы в село сгонять, провиантом затариться. Есть желающие со мной сходить за компашку?

Индеец решил остаться со Змеем. Не любил он по чужим селениям шататься. Гаша с готовностью подхватил торбу и полез доставать тугрики, когда Эдик решительно остановил его и сказал:

— А бабки тратить ни к чему. На хавчик и заработать можно.

Каким образом это сделать, он пока себе не представлял. Но врождённая интуиция и опыт разведчика подсказывали, что это будет не очень трудно. Гаша согласно кивнул, и они быстрым шагом двинули в сторону села. По пути Эдик решил дать песню. Долго не думали. Хором в две глотки грянули «Походную» и даже с художественным свистом в припевах, который с усердием выдавал Эдик. Гаша пытался ещё добавить битловской интонации, но это плохо получилось. Зато на душе стало легко и даже немножко торжественно.

Эдаким мини-отрядом они быстро дошли до центра села и упёрлись носами в закрытую дверь магазина. На широком транспаранте синего цвета крупными белыми буквами было стильно выведено «ПРОДУКТЫ».

— Сдаётся мне, пипл, что это правильное место. Вот только почему-то закрыто. Какие будут версии? — задумчиво спросил Эдик.

— Может рано ещё? — ответил Гаша и почесал затылок.

— Где же рано? На моих шпи... командирских — десять с четвертью.

— Стучим?

— Давай.

Гаша вежливо стукнул костяшками пальцев ровно три раза. Эдик усмехнулся.

— Ты ещё спроси в дырку: «Не будете ли Вы столь любезны и т.д.».

Он повернулся к двери спиной и со всего маху стал разить её сапогом. Да так энергично, что стёкла опасно зазвенели в окнах. Вскоре в одном из окон появилась недобрая физиономия хозяйки заведения. Она что-то рыкнула и решительно направилась к двери. Эдик отскочил подальше, изготовившись к процессу охмурения.

Дверь со скрипом распахнулась, и на пороге появилась пухленькая женщина небольшого роста и неопределённого возраста. Определить это мешала очаровательная причёска в стиле «Одуванчик» пепельно-фиолетового колера. Женщина приготовилась высказаться в сильных выражениях и уже набрала в грудь побольше воздуха, но тут заметила, что это не местные бичи, и лицо её озарила добродушная улыбка.

— Ой, здрасте! А я, было, решила, что это бездельники мои, наконец-то, соизволили пожаловать на работу. Вы откуда такие живописные будете?

— Мы, мадам, как вы изволили выразиться — живописные, будем из мест далёких. Путешествуем вот в сторону юга. Решили к вам в гости зайти. Продовольствием разжиться, туда-сюда. Позвольте представиться: Гонзалес, Эдуардо де ла Вега, де ла Кортильо.

Гаша с удивлением уставился на испанца. Ничего себе загнул! А сам говорит проще надо быть. Он тоже вежливо кивнул и сказал просто:

— Гаша.

Хозяйку магазина звали Мария Егоровна. Её так поразили манеры этих симпатичных странников, что она даже слегка растерялась.

— Ой, да что же это я? Проходите, гости дорогие. Добро пожаловать в мою лавочку.

Мужики обтёрли обувь об коврик и зашли внутрь, неловко ступая по чистым половицам. Эдик смутился оттого, что так варварски ломился в дверь и напугал такую приятную женщину. Но нужно было держать марку, и он решительно произнёс:

— Уважаемая Мария Егоровна! Вы уж простите нас за такое безобразное вторжение. Я так понял, что вы кого-то ожидали?

— Да уж известно кого! Эти мои грузчики. Такие ироды, что ещё поискать. Я ведь с девяти утра должна открыться, а этих бестолочей все нет и нет. Мне самой не управиться со всем. Силёнок не хватает.

— А не позволите ли нам, дорогая Мария Егоровна, предложить вам нашу всеобъемлющую и посильную помощь взамен небольшого количества самых простых продуктов? Если это, конечно, вас не обременит.

Гаша с изумлением смотрел на рассыпающегося в любезностях Эдика, и ему даже показалось, что у того по подбородку мёд течёт и на прилавок капает.

Хозяйка слегка обомлела. Ей, конечно же, не помешает помощь этих добрых мужичков, однако что это он там задвинул про беременность? Ну да ладно. А расчет продуктами ей даже на руку. Денег всё равно в кассе нет.

— Ой, конечно, конечно! Уж я в долгу не останусь. Спасители вы мои. — всхлипнула хозяйка и даже прослезилась. Бывают же на свете такие мужики! Может и не пьющие даже.

Она ловко подвязала косынку и принялась командовать. Мужики оказались не только любезными, но и довольно расторопными. Пока расставляли по шкафам и полкам вчерашний привоз, подъехала машина с хлебом. Её тоже быстро и ловко разгрузили.

Водила, по обыкновению, завалился спать в своей кабине и был сильно озадачен, когда хозяйка растолкала его в неурочное время и приказала ехать обратно. Всегда машину разгружали часа три, не меньше. Он даже недоверчиво заглянул в кузов. Хлеба не было. Одни пустые ящики. Причём, аккуратно вставленные обратно в стеллажи. Обычно грузчики бросали их вповалку на пол. Трезвые с утра, что ли? Он укатил в центр, всё ещё зевая и тихо матерясь.

Гаша с Эдиком помогли также наколоть дров. Лавка отапливалась обычной печью. Хозяйка не могла нарадоваться своим удивительным помощникам. И где такие мужчины обитают? Чудеса!

Незаметно время подошло к обеду. Хозяйка магазина по-честному снабдила мужиков провизией, да ещё и покормила в небольшом закутке наскоро приготовленной закуской. Её неслыханное предположение подтвердилось — мужики наотрез отказались от выпивки, чем повергли ее, чуть ли не в состояние прострации. Она смотрела на них с умилением и откровенно жалела, что нет у неё таких работающих мужичков.

Гаша с Эдиком поблагодарили хозяйку за доброту и щедрость. Пора было возвращаться на «базу». И тут произошло то, что и должно было произойти. В магазин неспешной походкой зашли местные грузчики в количестве трёх персон. На сильно недобрых физиономиях было выражение, не оставляющее сомнений в их намерениях. Хозяйка испуганно засуетилась, пытаясь неловко встать между мужиками и не допустить битвы. Эдик вежливо подхватил её под локоток и галантно произнёс:

— Дорогая Мария Егоровна, будьте любезны, встаньте за прилавок и ни о чём не беспокойтесь. Мы выйдем на улицу. Не так ли, джентльмены? Я полагаю, мы не станем выяснять ваши претензии в этом славном заведении.

Местные наморщили лбы, пытаясь сообразить, о чём это треплется смуглявый и уж точно поняли, что он их послал. Однако они повернулись и вышли на улицу, погрозив хозяйке кулаком. На всякий случай.

В желудке у Гаши неприятно похолодело. Драться, да ещё с троими, ему совсем не хотелось. Один из местных был на голову выше всех. Он стоял чуть впереди и презрительно сплёвывал сквозь зубы. Не оставалось сомнений, что он у них за главного. Эдик наоборот, сохранял на лице полную невозмутимость. Он понимал, что от Гаши в битве будет мало проку и тихонько сказал ему:

— Пипл, ты давай бери провиант и отходи задами к ферме, а я их задержу.

— Но как же ты один-то, а? Их ведь трое!

— Не дрейфь. Мы им кое-что покажем. Нормально.

Гаша подхватил сумки и стал потихоньку пятиться назад. Местные переглянулись. Вожак их недобро усмехнулся. Припух патлатый-то.

Местные набычились и неумолимой стеной стали наступать на испанца. Эдик вдруг сделал несколько быстрых, непонятных движений и завыл по-кошачьи, приняв боевую стойку.

Мужики остановились и озадаченно уставились на необычного противника. Может псих какой? Чё это мяучит-то, как кошка? А ну? Вожак основательно замахнулся, и кулак его со свистом рассёк пустое место.

Эдик исчез! Чё за дела? И тут дыхание у вожака резко кончилось и почему-то больше не захотело появляться. Он, как в замедленном кино, стал заваливаться на бок, всё сильнее чернея лицом. Его кореша в недоумении оглядывались, но Эдика не было, а их предводитель чего-то корчится, будто стакан уксуса залудил. И тут в воздухе перед ними что-то промелькнуло, с тем же кошачьим визгом, и у парней так же закончился кислород. Они вслед за вожаком рухнули в пыль, судорожно хватая воздух открытыми ртами, как рыбы без воды.

Гаша стоял в сторонке и тихо ошизевал. Он, конечно же, смотрел фильмы с участием Брюса Ли и ему подобными товарищами, но никогда бы не поверил, что так бывает по-настоящему. А всего страннее, что одним из таких супер-героев был его друг Эдик Гонзалес, которого он знает вот уже лет десять. Никогда Эдик ТАКОГО ещё не показывал. Но как же старухи в их деревне? Почему он их ТАК не уделал?

Эдик спокойно спрыгнул с крыши над входом в магазин и, не торопясь, подошёл к вожаку. Наклонившись к самому уху поверженного, он тихо, но очень жёстко произнёс:

— Я, мать вашу, сильно извиняюсь, но если вы хоть даже посмотрите нехорошо на эту милую женщину, я из вас ремней нарежу тупой бритвой, а потом съем живьём. Всё понятно?

Вожак быстро-быстро заморгал, округлившимися от ужаса глазами, и согласно кивнул. Дыхание с трудом возвращалось. Это было что-то запредельное. На обычную драку совсем не похожее, а потому страшное.

— А ещё я хочу, чтобы вы, *sanallas cochinos*, никогда больше не опаздывали на работу. *Comprender?*

— *Si, senor.*

— *Bien!*

Эдик подошёл к офигевшему Гаше и преспокойно предложил, не медля, топать к своим. На сегодня был запланирован очередной перелёт, и не хотелось бы выбиваться из графика. Пипл смотрел на Эдика во все глаза и не мог поверить, что тот настоящий.

— Ну, су-у-упер! Как это ты их, а? Рраз-рраз, и все в осадке! Что это было?

— Тайное японское оружие. Джиу-джитсу называется. Но только никому ни слова!

— Конечно, конечно! Я ж всё понимаю. Секретность и всё такое.

— Вот именно. Пошли.

Мария Егоровна со страхом следила за дракой во дворе магазина, но тоже ничего не поняла. Местные бичи только что стояли на своих двоих, и вот уже землю едят. Будто кто стрельнул по ним с ружья. Ужас какой-то! А эти приезжие сразу исчезли куда-то? Странно всё это. Весьма странно.

Эдик с Гашей шли по дороге на ферму и молчали. Гашу так и распирало любопытство. Гонзалес заметил это и поинтересовался, что так гложет приятеля.

— Эдька, скажи пожалуйста, вот вы со Змеем постоянно бились с нашими старухами. Но почему же ты их сразу не положил? С твоими-то навыками быка свалить — раз сморкнуться.

— Ну и лопух же ты, Гаша. Ведь это женщины! Кто ж против женщин джиу-джитсу применяет? Не по-мужски это.

— Ну, в общем, наверное. Но я думаю, Змей был бы рад их сразу раздавить.

— Это вряд ли. Змей тоже мужик с понятиями.

На ферме всё уже было готово к отлёту. Змей нарубался подаренного силосу и теперь с нетерпением рыл землю. В брюхе бурлил реактивный процесс, стремясь вырваться наружу. В полёте это было весьма удобно и придавало значительное ускорение.

Индеец распахал провиант по корзине и заступил на место рулевого. Ему тоже хотелось быстрее взлететь. Что-то в этом месте было не так. Мухи гудели более настырно. Не стоило ждать, когда они потеряют терпение и набросятся. Мало ли что у них на уме. Змей сложил крылья и вытянулся в струнку головой в небо. Мокасин скомандовал:

— ТРИ, ДВА, ОДИН, ПУСК!!!

Раздался приличный хлопок, и Змей ринулся ввысь подобно ракете.

— Есть отрыв! Пять секунд — полёт нормальный!

Мужики повалились на дно корзины, смеясь и держась за животы. Следом за Змеем клубился чёрный дым вперемешку с пылью и, не успевшими увернуться, мухами. Змей летел и широко улыбался. Знай наших!

ГЛАВА 9.

Следующие два дня летели без приключений и поломок. Ночевали возле реки или озера, подальше от жилья. К концу третьего дня кончились продукты. Нужно было куда-нибудь зарулить и заправиться. На карте присмотрели небольшую деревеньку в Ростовской губернии. До славного города Ростова-на-Дону было уже рукой подать, но, следуя плану, решили держаться левее. Так спокойнее.

Деревня Курякино располагалась вдоль симпатичной речки под названием Быстрая. Она и впрямь была настолько быстрая, что если поглядеться в воду, то отражение убежит прежде, чем ты успеешь его разглядеть. Во как! Тут и тормознулись. Ещё на подлёте заметили высоченный сарай на окраине деревни. За ним на несколько десятков метров тянулась широкая полоса хорошо утоптанной земли. Змей спикировал на эту полосу, как заправский лайнер.

— Убрать шасси! — скомандовал Эдик.

— Может вам ещё и трап подать? — ухмыльнулся Змей.

— Трап нафиг! А вот стюардессу бы не помешало. Есть их у вас?

— Никак нет!

— То-то.

Стали разжигать костёр. Гаша побежал к реке за водой. Из припасов остался только чай, ведро картошки и полбочки квашеного турнепса. Эдик решил сходить к хозяину большого сарая и разжиться провизией, если получится.

Но оказалось, что ходить никуда и не требуется. Хозяин сам нарисовался. Это был шуплый мужичонка, который, прячась за углом, во все глаза смотрел на непрошенных гостей. Мужики его не интересовали. Мужики, как мужики. Но с ними было ЭТО! С настоящими крыльями!!! Сон это или не сон? Он ущипнул себя за нос и поморщился от боли. Нет, не сон вовсе. Но ведь ТАКОГО не бывает! Бог услышал его молитвы и послал ему настоящего Летуна.

Эдик намётанным шпионским глазом заприметил наблюдателя и поманил его пальцем. Мужичок немного растерялся, но убежать было поздно. Он вышел из своего укрытия и подошёл к странникам, с опаской косясь на Змея.

— Здравствуйте, вашим! — приветствовал его Эдик.

— Здорова, здорова. Бить не будете?

— За что ж тебя бить-то? — с удивлением спросил Эдик. — Мы чё, уроки какие, что ли?

— Да кто вас знает. А это кто?

— А это, позвольте представиться, — ответил сам за себя Змей, — Лётчик экстра-класса, бомбардир первой статьи, Горыныч ибн Змей. С реактивным движком, кстати.

— Лётчи-и-ик..., — обомлел мужичонка. — Правда лётчик?

— Самый натуральный. Можешь крылья пощупать.

Мужичонку звали Еремеем. Всю свою сознательную жизнь, с тех пор, как он стал пионером и далее, его больше всего на свете занимало воздухоплавание. В местной библиотеке он прочитал от корки до корки все книжки на эту тему. Любимой настольной книгой стала подшивка журнала «Моделист-конструктор». Кроме него этот журнал никто не читал. Библиотекаряша Оля милостиво отдала всю подшивку Еремею «для всестороннего изучения». Еремей долго обдумывал свою мечту и чертил какие-то планы. Жена смотрела на всё это с ироничной усмешкой и не придавала особого значения. Ну, плещется дурь в башке у мужика, да и ладно. Хоть не пьёт и по хозяйству эвон сколько полезного соорудил.

Вскоре Еремей построил на заднем дворе огромный сарай и стал потихоньку таскать туда всякий хлам. Что-то у соседей ненужное забирал, что-то в колхозе из списанного барахла привозил. И строил. Строил долго и упорно. А чего строил? Известно чего. Натуральный аэроплан. С мотором от МТЗ-52. Сложнее всего было раздобыть именно мотор. Трактор давно уже списали, но председатель колхоза не хотел отдавать его Еремею. А вдруг чего? Пришлось ждать, когда сменится власть.

Ждать пришлось не долго. Как-то поздней осенью гуляли очередную свадьбу и основательно набрались. Председатель был посажённым отцом уже, пожалуй, раз двадцатый. К ночи в его затуманенном мозгу пронеслось: «Печать дома забыл!». Это было совсем не хорошо. «Печать должна быть в сейфе! Етитская сила!».

Он вылез из-за стола и стал пробираться к выходу, повергнув двоих или троих мирно спящих соседей на пол. Свадьба была в той стадии, когда народ уже в массе своей конкретно упился, и действие продолжалось на автопилоте. Председатель ломанулся домой, но нелёгкая занесла его на берег реки. Захотелось пить. Он склонился к воде и стал жадно хлебать, как вдруг в спине что-то хрустнуло и даже как-то стрельнуло. От неожиданности он поскользнулся на мягкой глине и со всего маху плюхнулся в воду.

Недаром река называлась Быстрая. Тело председателя нашли только через неделю в тридцати километрах вниз по течению. Да и то потому, что ремень зацепился за подводную корягу близко от берега.

Так власть в деревне переменялась. Председателем стал молодой ставленник из центра. Ему вовсе ни к чему был старый хлам на территории колхоза, и он с лёгкостью отдал всё это ржавое железо Еремею. Последний готов был молиться на нового председателя, считая того справедливым и умным человеком.

Строительство аэроплана стало продвигаться ускоренными темпами. Даёшь пятилетку за три года! Вскоре аппарат был готов. Оставалось опробовать его в полёте и получать несказанное удовольствие. Однако удовольствие откладывалось на неопределённый срок. Во

всей библиотеке не оказалось учебника начинающего пилота. А без этого пролетишь совсем немного. Если вообще полетишь.

Еремей пробовал выписать необходимую литературу из областного центра. Но оттуда пришло письмо со множеством суровых печатей и недвусмысленным вопросом: для чего такая литература вдруг потребовалась товарищу? Может он за кордон хочет свалить, а? Еремей испугался и не стал больше вести опасную переписку, а в сарае по углам расставил канистры с керосином. Если нагрянут какие товарищи с проверкой, то он быстро тут всё спалит и концы в воду.

Прошло время. Многое изменилось. Теперь никто не интересовался его политическими убеждениями. Книгу он, в конце концов, раздобыл и даже выучил наизусть. Но теперь появился страх. Каждый день Еремей приходил в сарай и с тоской взирал на своё детище.

Жена была только рада такому повороту. Когда самолёт был готов, она не на шутку перепугалась. Ведь угробится, окаянный. Но, видя, что муж не спешит с полётами, она немного успокоилась. А со временем поняла, что тот просто боится. Тогда она совсем успокоилась и стала относиться к этой затее, как к пустой и безобидной шалости.

И вот теперь перед Еремеем возвышался настоящий пилот ас. Сердце его трепетало, как у юного пионера. Он со страхом и благоговением подошёл к Змею и тихонько погладил крылья. Они были жёсткие и сильные.

— Да-а-а... Размах, поди, метров пятнадцать будет?

— Шестнадцать с половиной, — уточнил Змей.

— И разбег небольшой?

— Да хоть с места!

— Ух ты-ы-ы! Вот это лётчик, так лётчик!

— А позвольте спросить, милостивый государь, почему вас так интересуется наш Горыныч?
— спросил Эдик.

— Да ведь я ж, это, тоже лётчик, только ещё не настоящий пока.

— Это как же — не настоящий?

— Боюсь я, братцы. Всё изучил, аэроплан построил, а вот взлететь боюсь. А хочется — сил больше нету!

Змей прокашлялся и авторитетно заявил:

— Да, мужик, летать — это не на горшок сходить. Тут кроме знаний ещё кое-что требуется. Причём самое важное.

— Это что же?

— Запал должен быть, — сказал Змей многозначительно и даже поднял лапу когтем вверх.

Мужичонка недоумённо захлопал пушистыми ресницами и беспомощно посмотрел на Эдика. Тот пожал плечами. Он и сам не понял, чего это Горыныч дядьке втирает.

— Как у ракеты, что ли?

— Сам ты, как у ракеты. Я про душевный запал толкую. Захотеть надо так, чтобы тебя самого в небо пёрло.

— Так меня и прёт, вот тока боюсь шибко.

— Значит недостаточно прёт. Вот погоди, завтра по утру я тебе покажу, что такое прёт.

— Правда? Парни, да я для вас, ну хоть в лепёшку разобьюся, чесслово!

— В лепёшку не требуется, — снисходительно ответил Эдик. — Вот покормить бы нас не мешало.

— Это я мигом! Это я сейчас, — засуетился Еремей и побежал в дом.

Жена была встревожена, спросила, кого это там принесло. Мужичонка цыкнул на неё по командирски и потребовал накрывать на стол. На вопросы жены он только отмахивался, делая взгляд каким-то торжественным и значительным. Вскоре он позвал путешественников в свои хоромы, усадил за стол, а затем с волнением в голосе представил супруге:

— Знакомься, Галя, это великие воздухоплаватели, которые прилетели к нам на самом настоящем, летающем Драконе.

От этих слов жена со всего маху кинулась в глубокий обморок. От, блин! Всё торжество испортила. Еремей полез за нашатырём, но это не понадобилось. Мокасин дунул в лицо несчастной, и она очнулась. На лице её застыл испуг. Она нервно огляделась, будто что-то потеряла, затем вскочила из-за стола и убежала в спальню, заперев дверь на засов. Мужик почесал в затылке и махнул рукой.

— Ладно, парни, налетай на борщ, а я пока в погреб сгоняю за сугревом. Сам я не пьющий, но для дорогих гостей берегу бутылёк.

— Ну, разве что для аппетита, — сказал Эдик и подмигнул Гаше. Тот кисло скривился, но промолчал.

Еремей слетал в погреб быстрее пули. В руках он бережно держал небольшой штоф с прозрачной, как слеза жидкостью.

— Вот, моё изобретение, — с гордостью произнёс он. — По сути — натуральный самогон, но по виду и вкусу так не скажешь. А ну, отведайте.

Он аккуратно нацедил маленькие стопочки. Эдик с видом знатока долго принюхивался и пробовал напиток на вкус. Что-то весьма необычное. Сивухой и близко не тянет. Гаша смотрел на него, и его слегка передёргивало. Индеец, против обыкновения, решил тоже немного расслабиться и медленно выцедил огненную воду. Хорошая вода. Жгучая и добрая.

— Cielo miel! — вынес свой вердикт испанец. — Очень похоже на Розовую водку, только гораздо нежнее и приятнее. Как, уважаемый, вам удался столь прелестный нектар?

Еремей смутился и скромно произнёс:

— Да так, знаете ли, внёс кое-какие конструктивные изменения в стандартный самогонный аппарат. Что-то на геномном уровне, хотя сам толком не понял, что это такое. Но получилось здорово. Правда?

— Notable! Превосходно! Да вы, батенька, гений. А что ж сами не пользуете?

— Так ведь я ж с детства не пьющий. Нету у меня интереса к сему упражнению.

— Ну, что ж. Похвально, похвально.

Потом Еремей долго рассказывал про своё увлечение самолётами и процессом постройки аэроплана. Мужики слушали и диву давались. Бывают же такие самородки в русских деревнях. Это даже не просто Кулибин, а Супер-Кулибин.

Спать пошли в сарай под крыльями самолёта. Аппарат был заботливо накрыт громадной мешковиной и внушал уважение своими размерами.

Змей остался ночевать на улице. Еремей от всей души выделил ему большую бочку капусты и солёных огурчиков. Этого «добра» за лето выросло столько, что их солили и мариновали в громадных посудинах, которые были врыты прямо в землю. У Еремея весь процесс заготовки был автоматизирован и не занимал много времени. Змей остался весьма доволен. Вскоре раздался его богатырский храп. Однако это не мешало умотавшимся за день путешественникам спать спокойно.

Не могла сомкнуть глаз лишь жена Еремея. Напугал её вовсе не Змей. Ну, что Змей? Он и в Африке Змей. Необычно, конечно, но всякое бывает. А страшно ей стало за Еремея. Добился, таки, окаянный своего. И ведь полетит. И, скорее всего, убьётся. Ой, батюшки родные, что делать-то? Так и просидела она до самого утра на кровати, забившись в уголок. И к завтраку не вышла, сославшись на головную боль.

Утром Еремей носился по дому, как нехороший электровеник. Ещё бы не волноваться! Сегодня решится его лётчицкая судьба. Это вам не как-нибудь что! Мужики в сарае что-то долго спят. Ну да. Им волноваться не о чем. Еремей уже и шлём специальный к голове приладил. Собственной конструкции, между прочим. Чтобы ветром голову не надуло и для связи. Хотя самой рации у него не было. Да и связываться особенно было не с кем. На ноги обул свежие сапоги. Даже гуталином нашоркал, чтоб блестело.

Часы пробили полдевятого утра. Ждать больше не было мочи. Он решительно направился в сарай. Мужики только что проснулись и теперь хрустели суставами на все лады. Все, кроме индейца. У того никогда и ничего не хрустело. На то он и шаман.

Еремей взволнованно поздоровался со всеми, стоя у своего детища и переминаясь с ноги на ногу.

— Ерёма, остынь друг, — добродушно посмеивался Эдик. — Надеюсь, ты не завтракал ещё?

— Как можно! Я ж всё понимаю. Качка. Воздушные ямы. Эдак весь аэроплан заблюю.

— Точно подмечено. Верно Гаша?

— Смейся, смейся, нехороший кабальеро. Будет и на нашей стрит большой сейшн.

Однако Эдик не собирался отказываться от завтрака. Кроме того, он сразу предложил Еремею свои услуги в качестве штурмана. А перед таким ответственным заданием подкрепиться не мешало. Тем более его никогда не укачивало.

После завтрака дружно выкатили самолёт на укатанную площадку позади сарая. Еремей долго возился с двигателем. Что-то где-то не контактировало. Наконец лайнер чихнул сизым дымком и весело завертел пропеллером. Из кабины высунулась довольная физиономия Еремея. Он улыбался и в то же время трясся от страха. Эдик успокаивающе похлопывал его по плечу, сидя на пассажирском месте. Змей со знанием дела объяснял Ерёме некоторые тонкости взлёта и посадки.

— Ты, главное, на меня чаще гляди и слушай команды. Я буду лететь рядом. Не бойся ничего. Если что, Эдька поможет. Он в этом деле тоже профи.

— Ну ладно, ладно, — скромно отмахнулся Эдик.

— Главное — следи за газом и аккуратнее с закрылками. Не дёргай их резко. Всё понял?

— В-в-всё, — ответил Еремей и энергично мотнул головой, громко стуча зубами.

— Не дрейфь! Полетаем на славу. От винта! — скомандовал Змей.

На винте и так уже никого не было, но для порядку крикнуть следовало обязательно. Гаши с индейцем стояли в сторонке и с любопытством наблюдали. В грудях у Гаши что-то слегка защемило. «Вот ведь удивительный народ! Летать любят. А меня плющит. Хотя после супчика бабки Марфы тошнить стало гораздо меньше. Но всё же во сне летать приятнее. Вот уж точно не расшибёшься в лепёшку» — думал Гаши.

Индеец был спокоен, как гора. Он уже знал, что с этим Икаром ничего не случится. Во всяком случае, сегодня. Дальнейшая его лётная Судьба была туманной. Почему-то отсвечивала красным, но для мужика не опасным.

Змей изготовился к разбегу, стоя слева от самолёта и командовал:

— Газу добавь! Так. Держи тормоз крепче! Пусть движок раскрутится. Вот так. Готов?

Еремей кивнул и поднял кверху большой палец.

— Пошёл!

Змей и самолёт стали синхронно разбегаться. Первым оторвался от земли Горыныч. Самолёт пробежал ещё с десяток метров и, чуть клюнув носом, стал медленно набирать высоту.

— Штурвал на себя! Сильнее, мать твою!! — орал Змей и страшно пыхал дымом из ноздрей.

Еремей вцепился в баранку как клещ. Руки сразу заостенели. Внутренности провалились ниже колен. Он смотрел остекленевшими глазами прямо перед собой и ничего не видел.

« — Плохо дело, — подумал Эдик. — Так ведь и вправду угробимся».

Он прицельно тюкнул пальцами Еремею чуть ниже шеи, сзади. Тот сразу обмяк. Да так, что Эдику пришлось самому схватиться за штурвал и некоторое время рулить. Хорошо ещё, что самолёт сразу набрал высоту, а на пути не было препятствий в виде деревьев или электропроводов.

Через несколько секунд взгляд Еремея стал более осмысленным. Он молча убрал руки Эдика со штурвала, крепко ухватился и, глядя на Змея, кивнул. Мол, всё в порядке. Змей с облегчением выдохнул струёй дыма. Нервная это работа — учить кого-то летать.

Медленно они сделали широкий круг. Еремей всё более уверенно держал машину, постепенно вспоминая уроки из книги. Змей иногда поправлял его, давая отрывистые команды. В какой-то момент Эдик даже подумал «а не служил ли Змей в армии лётным инструктором?» Вон как чётко командует. По замашкам на майора тянет. Да не, туфта это. Кто ж Змея в армию возьмёт?

Таким макаром сделали пять кругов. Еремей теперь восхищённо оглядывался по сторонам. Душа его пела и прыгала в груди от счастья. Упругий воздух прохладными струями обтекал шлем, свистя в наушниках и шнуровке. Самолёт, как большой, воздушный кит пускал ровные струйки дыма из выхлопных труб и довольно урчал. Ему тоже надоело попусту стоять в сарае. Надежда когда-нибудь подняться в небо уже почти улетучилась. Он даже помышлял быстренько заржаветь и рассыпаться в прах. Но тут появились эти славные ребята. Наверное, сделали хозяину правильное внушение. И вот они летят! Красота! Видимо, его услышал Самолётный Бог и прислал этих парней на выручку.

Однако топливо кончалось. Пора было возвращаться. Сделав последний круг, стали заходить на посадку. Фюзеляж стало ощутимо трясти. Вибрация передавалась на крылья. Сначала они мелко дрожали, но потом их стало трясти основательно. Эдик даже немного засомневался: выдержит ли конструкция нагрузку? Но пилот Еремей (а иначе он себя уже и не называл) успокоил испанца, сказав что варил корпус исключительно «четвёркой», не жалея электродов.

Змей внимательно следил за посадкой. В голосе его снова появилась жёсткость.

— Газ убери. Газ убери! Так. Хорошо. Держи закрылки. Крепче держи! Чего они у тебя дёргаются?

— Дык я держу! Вот тока трясёт сильно.

— А ты думал. Это тебе не на велике кататься. Так. Снижаемся. Следи за землёй. Как только коснёшься колёсами, дай резко газу и сразу отпусти. Понял?

— Есть, командир!

Еремей в точности выполнил маневр. Самолёт чуть подпрыгнул и весело побежал по полосе, замедляя ход. У самого сарая он встал, как вкопанный, весь сияя от удовольствия и счастья. Как, впрочем, и его хозяин. Змей сделал в воздухе мёртвую петлю и издал трубный рёв с дымом и пламенем.

Это была чистая победа. Молодец Ерёма! Горыныч лихо зашёл на посадку. Ему, в отличие от самолёта, не требовалась пробежка. Парни кинулись обнимать и поздравлять адепта летательных наук. Ерёма засмутился, покраснев до корней волос. Змей строго высказал свои

замечания, но в целом остался доволен учеником. Фигуры высшего пилотажа, конечно, пока и близко не стоят. Да этого и не требуется. Не та конструкция. Последние слова больно зацепили аэроплан.

« — Как это — не та конструкция? Вы ещё увидите! Вот заклиню специально закрылки в воздухе и такую бочку задвину — офигеете!» — думал самолёт, остывая мотором.

Тут же на траве соорудили импровизированный стол, чтобы обмыть такое великое событие. Еремей принёс свой чудо-напиток и, впервые в жизни, выпил целую стопку сам. Мужики похвалили его за смелость. Первое возбуждение улеглось. Разговоры потекли неспешной рекой. В основном про полёты. И во сне в том числе. Про сны любил трепаться Гаша. Индеец воздерживался от комментариев. Зато Эдик во всех красках описывал сегодняшний вылет и откровенно подкалывал Ерёму. Тот слегка конфузился, но тоже весело посмеивался. Страх исчез. Совсем. Он даже не мог поверить, что так долго стремался. Хотя надо отдать должное Змею. Без его помощи он, пожалуй, точно чего-нибудь напортачил бы. Может, даже, и убилися немного. Но теперь всё позади. Будем летать! Да!

Только один человек чувствовал себя самым несчастным в этот прекрасный день. Это была жена Еремея. Она со страхом следила в окно за полётами мужа. Когда самолёт благополучно приземлился, ей стало ещё горше.

« — Ну, всё. Кончилась спокойная жизнь. Уж лучше бы он сегодня разбился. Не насовсем, конечно, а так, чтоб мозги на место вправились. А теперь начнёт сам летать. Это будет уже настоящее смертоубийство», — думала Галина, украдкой утирая горькие слёзы. Нужно было что-то делать. И делать срочно, пока муж калекой не заделался.

Вскоре мужики конкретно расслабились. Эдик с Еремеем крепко сдружились. Еремей притащил из сарая цельный портфель, набитый всякими чертежами и проектами. Испанец сразу оценил смекалку местного изобретателя. Некоторые вещи могли бы, очень даже, пригодиться в разведческой работе. Но всё это в прошлом. На повестке дня стоял вопрос о постройке настоящей космической ракеты на твёрдом топливе. Еремей во всех красках описывал будущий проект, а Эдик давал ценные советы. Кое-чего и он знал о ракетах.

Гаша блаженствовал, сидя под крылом самолёта. Солнце припекало всё крепче. Кузнечики верещали, что до лета оставалось совсем немного. Красота! А индеец повёл Змея на небольшой пруд за взлётной полосой. Нужно было Горыныча помыть.

После обеда всех здорово разморило на ярком солнце. Решили сегодня уже никуда не лететь. А чего, собственно, спешить? Море — оно всегда море. Никуда не денется. Змею тоже стоит немного отдохнуть. Это тебе не аэроплан какой. Надо беречь пернатого. У нас ведь капремонт драконам не делают.

День незаметно иссяк и превратился в ночь. Мужики ещё долго беседовали в сарае и, наконец, повалились спать. Еремей тоже остался в сарае, решив не беспокоить жену.

Галина к ночи вконец измаялась. Глаза опухли от слёз. На душе было тоскливо и одиноко. Вот тебе и муж — лётчик. Лётчик — налётчик. И кто бы мог подумать, что это случится всерьёз? Ну, баловался мужик, строил всякую железку. Но чтобы летать! Это уже слишком. Не каждому это дано. И уж тем более, не её мужу. Ну, какой из него лётчик? Страх один, да и только. Надо что-то делать. Надо.

Она тихонько вышла во двор и прислушалась. В темноте были слышны только сверчки, да тихий шелест ветра. В руках у Галины была бутылка керосина. За сараем забурчал, заворочался Змей. Женщина обмерла со страху и застыла на месте. Нет, никто не проснулся. Еле двигая одеревеневшими ногами, она прокралась к самолёту и затаилась.

Машина грозно нависла над ней. В темноте она казалась ещё больше и страшнее. И хоть была душа у самолёта, но сам себя он защитить не мог. Галина плеснула керосину в кабину, затем дрожащей рукой запалила спичку и кинула туда же. Едва успела отпрыгнуть, как раздался шипящий звук, и по кабине весело побежали коптящие огоньки, разгораясь всё сильнее и сильнее.

Она не помнила, как оказалась снова в доме, заперлась в своей комнате и забилась в угол постели, накрывшись с головой одеялом. Что теперь будет? Что будет? Ей стало жутко и хотелось завывать, но голос куда-то пропал. Будто огромная, холодная ручища сжала все ее внутренности и не хотела отпускать.

Со двора донёсся треск пламени и какие-то выстрелы. Это с весёлым звоном разлетались вдребезги стёкла приборов. Самолёт загудел всем своим фюзеляжем и с горечью подумал о коварстве женщин.

« — Вот и крандец подкрался незаметно. А ведь только летать начал. Вот запахло!»

Мужики повыскакивали из сарая, протирая глаза и растерянно глядя друг на друга. Первым почуял запах гари Змей. Он тревожно взревел, чем и разбудил остальных. Эдик скомандовал:

— Отставить панику! Бегом за ведрами! — и сам первый ломанулся в сарай за посудой.

Затем он выстроил всех в цепь от пруда до горящего самолёта, продолжая командовать на смеси русского и испанского матерного языка, что случалось с ним, когда он слегка волновался. Стали бойко поливать самолёт водой. Но пламя уже вошло во вкус. Огонь отъел крылья, и они с громким скрежетом рухнули на землю. Еремей почувствовал, будто это у него сердце оторвалось и полетело куда-то вниз. Он опустил руки и жалобно застонал. Эдик прикрикнул на него, с силой пихнув несчастному ведро с водой. Нужно было продолжать тушить, пока огонь не наметил себе очередную жертву.

Самолёт трясло, как в дикой лихорадке. Ему было очень страшно. Помирать вовсе не хотелось. Не война же, в натуре! Что ж за гадство такое? Вот и крыльев уже нет. Хвост треснул. Как же теперь без крыльев?

Однако постепенно огонь стал угасать. Только теперь мужики заметили, что с неба капает дождик, становясь всё сильнее. Это было странно, потому что с вечера небо было чистым. Да и сейчас всюду светила далёкие звёзды. Но над ними вдруг появилась маленькая и плотная тучка. В ней даже что-то слегка погромыхивало и посверкивало. Эта тучка прицельно поливала, постепенно гаснущий, самолёт. Огонь ещё некоторое время сопротивлялся и, наконец, сдался. Тучка довольно бумкнула напоследок и исчезла. Это было так удивительно, что мужики застыли в полном недоумении и озадаченно чесали репы. Эдик посмотрел на побледневшего индейца и всё понял.

— Мокасин друг, не твоих ли шаманских рук дело, а? Это где ты так натыркался?

— Хау! Обычное дело. Ничего удивительного, — ответил индеец, но на душе стало приятно от удачного опыта. Не надул, значит, Озёрный Дух. Сподобил уменью. Вот и пригодились.

Еремей стоял возле погибшего аэроплана и размазывал по лицу слёзы вперемешку с копотью и сажей.

— Как же так? — причитал он, — Ведь только полетел, только лётчитскую жизнь начал и вот кранты. Нету больше аэроплана. Погиб геройски в жарком пламени.

Хотелось тут же кинуться на землю и помереть вместе с ним заодно. Мужики, как могли, коряво утешали страдальца. Каждому тоже было по-своему жаль и самолёт и Ерёму. Но, как говорится, «се ля ви» и хоть ты лопни. Решили тут же помянуть безвременно погибший самолёт. Еремей достал из погреба свой чудо-напиток и первым залудил молча целый стакан. Следом ещё один. И упал без чувств. Эдик с Гашей отнесли его в сарай и заботливо укрыли мешковиной.

— Да-а, досталось мужику. Жаль Ерёму. Как бы не спился теперь с горя, — задумчиво произнёс Гаша.

— Не сопьётся. Я в этом уверен. Такие мужики не спиваются, — ответил Эдик и злобно набычил глаз. Не просто так случился сей пожар. Совсем не просто. Поведение жены Ерёмы сразу вызвало подозрение у Гонзалеса. А иначе с какого перепугу самолёту загореться, да ещё посреди ночи? Что-то тут не чисто.

Утро хоть и выдалось ярким и свежим, но было омрачено ночными событиями. Ерёма почернел лицом. К тому же, после выпитого было дурно и тяжело в организме. Мужики сочувственно смотрели на него. Было как-то неловко разговаривать о чём-либо, да и не хотелось. Тихо собрались, снарядили корзину и запрягли Змея. Эдик решил, что нужно как-то утешить Ерёму. Просто так оставлять мужика было грустно и не по-дружески. Он тихо подошёл к сидящему на земле возле останков самолёта бедняге и тоже присел рядом, обняв Ерёму за плечи.

— Не печалься, volaros aguilá, ты сильный мужик. Построишь новый самолёт и снова полетишь. Я тебе говорю!

И тут Эдик с удивлением заметил, что Ерёма улыбается сквозь слёзы. Он даже решил, что тот слегка тронулся. Но Еремей утёр слёзы и с надеждой и какой-то внутренней убеждённостью произнёс:

— Знаешь, Эдька, я тут вот чего придумал! На самолёте я уже полетал. Теперь буду ракету строить. Фюзеляж ещё ничего. Из него корпус заделаю. А крыльев и не нужно вовсе! Вот тока с топливом придётся повозиться, а так ничего сложного. Полечу, брат, на Луну. Там знаешь, как здорово! Притяжения совсем почти нету. Оттолкнулся посильнее и лети себе с кочки на кочку. Здорово, правда?

— Ciertamente! Это ты здорово придумал, приятель. Конечно, полетишь, ещё как полетишь! Не будь я Эдуардо Гонзалес, Diablo tomar! Я в этом не сомневаюсь. А ты молодец. Держись. Так и надо. Ты настоящий Macho hombre.

Эдик похлопал Ерёму по плечу и протянул руку. Еремей благодарно потряс её. Слёзы совсем обсохли на его лице. В глазах что-то ярко засветилось, и весь он как-то преобразился.

« — Удивительный человек! — подумал Эдик, — Если бы сейчас его увидел Гаша, то, пожалуй, решил бы, что Ерёма стал Просветлённым. По его словам, подобные чудики именно так и выглядят. Да-а, дела. Хотел я ему про жену кое-чего намекнуть, да ведь ни в жизнь не поверит. А, может, это и к лучшему. Незачем их ссорить. И так мужику досталось по самое не хочу».

Эдик забрался в корзину. Змей аккуратно взлетел, чтобы не поднимать тучи пыли и путешественники взяли курс на юг, махая Еремею руками. Змей издал трубный рёв и тоже покачал крыльями, как и положено у настоящих лётчиков. Ерёма улыбался, размахивая смятой, пилотской шапкой. Его жена нервно выдохнула, когда увидела в окне улетающих гостей и перекрестилась.

А самолёт подумал-подумал и решил, что ракетой стать — оно даже прикольное будет. Оказывается, он вовсе и не помер. Ведь душа бессмертна, а железо что. Железу пламя — родная стихия. Значит, теперь он станет ракетой. Ну, что ж, зашибись! Ещё летаем!

ГЛАВА 10.

Солнце сияло от души, согревая каждую живую и не совсем живую личность на этой земле. Чем ближе было к югу, тем жарче становилось с каждым днём пути. По ночам воздух всё ещё сильно остывал, а днём очень быстро прогревался, отчего в пространстве появлялись многочисленные воздушные потоки и не хилые ямы. Лететь стало труднее. Змей тяжело дышал, с трудом ворочая отяжелевшие крылья. На горизонте показалась небольшая река. Решили сегодня приземлиться пораньше и хорошенько отдохнуть. Эдик развернул карту, наморщил лоб.

— Тэ-э-кс. И где это мы нарисовались? Ага! Поздравляю вас, братцы, мы только что пересекли границу.

— Как это? — удивился Гаша, — мы чё, за бугор улетели, что ли?

— Ну, бугор — это слишком круто будет. Это внутренняя, так сказать, граница. Окраина Ростовской губернии и начало Краснодарского края. Практически — натуральный юг. До моря уж совсем немного осталось.

— Вот ништяк! Море я люблю. Для старого хиппи море — родная стихия. Я б даже рыбкой стал, если бы смог. Ма-а-аленькой такой рыбкой. С длинным таким хайром.

« — Во загнуло пипла. Наверное, башку напекло. Пора садиться, пока не нырнул куда-нибудь», — подумал Эдик.

На берегу реки показался палаточный городок. Самое подходящее место для того, чтобы отдохнуть и познакомиться с такими же туристами. Однако, подлетев ближе, путешественники с удивлением заметили, что это не совсем палатки. Вернее, совсем не палатки, а самые натуральные вигвамы. Больше всего это поразило Мокалина. Никак не ожидал он увидеть в тысячах километрах от родных мест настоящее индейское поселение. Может, тоже голову припекло? Вроде нет. Остальные тоже видят это. Чё за ботва?

Из центрального вигвама шёл дым, сильно отдающий тибетскими благовониями. Уж в этом Гаша разбирался. Приземлились на краю лагеря и сразу заметили, что людей нигде не

видать. Похоже, все собрались именно в том центральном вигваме, из которого доносился ритмичный звук барабанов и трели каких-то свистуллек.

Эдик вопросительно посмотрел на Мокалина, но тот сам был в растерянности. Не похоже, чтобы тут обитали индейцы. Да и вигвамы не настоящие. Так, пародия одна. Но с претензией на некий культ. Рогожи из проклеенной столярным клеем мешковины были украшены изображениями всевозможных чудовищ и странными значками. Смесь китайских и японских иероглифов и совершенно невообразимые каляки-маляки. На одном вигваме во всю дверь был нарисован Горыныч, только с тремя головами. Змей усмехнулся:

— Вот балбесы! Ну, где они видели дракона с тремя головами, а? Может, они думают, что у меня ещё три задницы?

— Не, Горыныч, похоже эти ребята вообще настоящих Змеев не видели, — ответил Эдик, почёсывая в задумчивости репу, — Сдаётся мне, парни, что это сектанты какие-нибудь. Зуб даю.

— Ага, точно, — уверенно закивал головой Гаша, — Я таких уже встречал. Отмороженные на всю башку пиплы. Весьма опасными бывают. Особенно, если ты на ихнего гуру как-нибудь косо помотришь или назовёшь неприлично.

— Ну, опасные или нет — это мы ещё поглядим, — сказал Эдик и с удовольствием хрустнул пальцами, сцепив их в замок и вытянув руки. Он огляделся по сторонам, оценил, как разведчик, всю позицию и скомандовал:

— Короче так! Если народец мирный, то мы их бить не будем. Но держать ухо востро, чтобы мозги не затуманили. Если окажутся вражеской наружности со злодейскими намерениями, то мы их тоже бить не будем. Себе дороже выйдет. Мокалин, на всякий случай, останется со Змеем. Если что, быстро взлетайте, а мы с Гашей на ходу запрыгнем.

— Хау, командир!

Гонзалес посчитал про себя до десяти, медленно выдохнул и молча кивнул Гаше следовать за ним. Стараясь не наступать на ветки, Эдик медленно продвигался к большому вигваму. Гаша не был обучен секретным шпионским приёмам и потому производил шуму за двоих. Эдик шикал на него и грозил кулаком, однако пипл только пожимал плечами, мол, не при делах.

Впрочем, подобные меры предосторожности оказались излишними. Эти лопухи даже охрану не выставили. Из приоткрытого полога умопомрачительно несло дымом благовоний. Гаша прикинул, что от такого заряда даже у него чердак бы уплыл. Кроме бубна и свистуллек слышно было невнятное бормотание. Кто-то довольно низким голосом читал незнакомые молитвы, периодически замолкая. Видимо, чтобы набрать побольше воздуха и начать с нового места. Эдик сделал страшное лицо и провёл ребром ладони по горлу. Гаша понял, что битва неизбежна и приуныл. Тут, пожалуй, и джиу-джитсу не поможет. Судя по количеству вигвамов народу здесь немало.

Эдик осторожно раздвинул полог шире и заглянул внутрь. Лицо его просияло. Он с облегчением выдохнул и смело шагнул в палатку. Гаша поначалу растерялся и не понял: бежать ему или тоже зайти. Но, похоже, Эдика там никто не трогает. Во всяком случае, диких воплей не слышно.

— А, была ни была! — махнул рукой Гаша и тоже ввалился в логово неизвестных адептов.

Каково же было его изумление, когда он обнаружил, что там тусуются вполне обычные пиплы. И не в рогожах или балахонах «а ля тибетский лама», а нормальной походной одежде, в джинсах и спортивных костюмах. Хотя тот бубнилка, что возвышался на небольшом помосте, был наряжен довольно колоритно. На нём был добротный индийский халат из вишнёвого бархата, расшитый золотистыми шнурами, на поясе висела целая батарея сушёных тыквочек, на ногах остроносые бархатные туфли, а на голове обычная кепка с буквами NY.

По видимому, это и был их гуру, так как остальная публика сидела на корточках и заглядывала ему в рот. Глаза у симпатичного, безбородого гуру застыли в других пространствах. Он лишь мельком взглянул на пришельцев и согласно кивнул, приглашая жестом присоединиться к их компании.

Эдик с Гашей присели в уголке на пустом спальном мешке и с любопытством огляделись. Да, вполне мирные ребята, на вид натуральные туристы, только с уклоном в непонятную религию. Народ вполне адекватный, разве что немного одуревший от множества дымящихся палочек. Парни с интересом прислушались к тому, что талдычил этот товарищ в кепке. Видимо, тусовка подходила к концу, так как гуру уже перестал нести непонятную муть и давал практические задания на предстоящую ночь. Гаша уловил нечто знакомое про сны, однако не про то, чтобы осознать там что-то или куда-то пойти. Следовало найти какой-то путь или направление в земле. В общем, что-то странное и непонятное. Публика стала постепенно расходиться, приветливо здороваясь со вновь прибывшими.

— Ну, натуральные туристы! Ты не находишь? — спросил Эдик посмеиваясь и отвечая на приветствия.

— Ага, точно пиплы. Хотя, всё же, сектанты.

— Ну, не без этого конечно. Однако, похоже, народ безобидный и не шизоидный. Айда с их предводителем познакомимся.

Парень в халате и кепке с интересом наблюдал за новенькими и блаженно улыбался. На вид ему было лет 30-35. Ни чем сверхъестественным он не выделялся. Разве что, глаза были с лёгкой придурию от частых медитаций. Он предложил присесть гостям рядом с ним и разлил по чашкам очень ароматный чай.

— Угощайтесь, братья, и да пребудут с вами Великие Боги С Другой Стороны!

— И тебе здравствуй, — ответил Эдик с подозрением приносиваясь к продукту. Уж не с наркотой ли чаёк? Вроде ничего.

— Да вы попробуйте, братья, попробуйте. Это Божественный напиток. Не пожалеете.

— Ну, будь здоров, приятель, — решил испанец и, выдохнув в сторону, маханул чашку залпом. Внутри сразу захорошело и стало тепло. На вкус это оказался обычный чай, только с примесью каких-то ароматных трав. Но не дурь, это точно.

Гаша последовал его примеру и потихоньку выпил напиток, ощущая приятный, чуть кисловатый вкус. Гуру с улыбкой предложил ещё по чашке. Гаша с готовностью протянул свою, а Эдик вежливо отказался. Так, на всякий случай.

— Что привело вас, братья, в наш лагерь? Духовный поиск или просто заблудились?

— Ни то, ни другое, уважаемый. Как зовут вас, кстати?

— Братья называют меня Учителем, но вы можете звать просто Димой.

— А я Эдик Гонзалес, а это мой кореш Гаша. Мы вовсе не заблудились и ни в каком не поиске. Держим путь на юг, к морю. Расслабьтесь, так сказать, и оттопыряться на всю катушку. А сюда завернули просто передохнуть. Думали, вы тоже, типа, туристы. Но теперь я вижу, что на туристов вы не очень похожи. Сектанты, небось, а?

— Ну что вы, какие же мы сектанты. Так, верующие люди. Оргии не устраиваем, людей обманом не заманиваем. Кто хочет, к нам присоединяется. Мы никого не держим. У нас тоже демократия.

— Это хорошо, — кивнул Эдик, — И во что же вы верите?

— А вот вы, братья, как думаете, Земля — она какая?

— Как это какая? Круглая и большая.

— Ну, положим, большая — это верно, но она вовсе не круглая. Это самое большое заблуждение в мире.

— Не понял я чего-то, — удивился Эдик, — А какая же она ещё?

— Плоская, как блин, — ответил гуру Дима непреклонно.

Эдик с Гашей недоумённо переглянулись. Ни фига себе корки! Похоже, всё-таки, у этого гуру чердак не на месте, если с такой уверенностью говорит подобную чушь.

— Чего-то ты гонишь, приятель. С какого перепугу ей становится плоской, если она всегда была круглой?

— Но это не правда!

— Чем докажешь?

— Вот всегда так, — немного огорчился Дима, — Все требуют доказательств и не хотят просто верить. Ну, хорошо, слушайте. Вижу, вы люди умные и надеюсь, понимаете, что физическое тело — это ещё не весь человек.

— Да-да, — закивал головой Гаша, — Это даже наука теперь подтверждает.

— Может, вы и о внетелесных путешествиях слышали?

— Да, конечно! — возбуждённо ответил пипл. Астральные полёты были его давней мечтой, но пока это у него не получалось.

Эдик решил промолчать. Ему живо вспомнилась встреча с глазастым Мешком, и по спине пробежал неприятный холодок.

— С этого всё и началось. Около десяти лет назад меня сильно увлекла эта идея. Тогда было трудно найти более-менее достоверную информацию на эту тему. Приходилось учиться

на собственных ошибках. Астральный мир — штука весьма своеобразная. Очень много всяких непоняток. Особенно вначале. Хотя и теперь я знаю ещё очень и очень мало.

Однажды я вышел из собственного тела и полетел прочь от Земли. Была задумка стонять на Луну по-быстрому и вернуться. Лететь было довольно легко и приятно. Вскоре я прилунился и пошёл гулять по нашему спутнику. Места там довольно унылые и однообразные. Кругом сплошные кратеры, скалистые горы и ни одной живой души. Впрочем, неживой тоже. Это мне быстро наскучило, и я решил вернуться. Каково же было моё изумление, когда я увидел издали нашу Землю. Она была совершенно плоская! Как большущий блин.

Но позвольте, ведь она должна быть круглой? В чём дело? Я внимательно разглядывал её и всё больше убеждался в своей правоте. Это меня сильно смутило. Может, у меня крыша поехала? Может, я перезанимался маленько?

Я быстро вернулся в тело и стал думать. Померещиться мне это не могло. Да и с башкой, вроде, всё нормально. Чёртики с пивными кружками не бегают. Как же такое может быть? Неужели все люди заблуждаются? Я засел в библиотеке и стал изучать всю литературу по астрономии. Выходило, что это я ошибался. Но неужели я не могу верить собственным глазам?

— Глазам!!! Как же я сразу не догадался? В этом вся причина! — понял я.

Эдик с Гашей внимательно слушали. При этом Эдик был совершенно спокоен. После встречи с Мешком он уже не удивлялся подобным вещам. Гаша же сидел, как на иголках, и нетерпеливо ёрзал. Ещё бы! Рядом с ним сидел настоящий, опытный астральный путешественник. Ему не терпелось выяснить у этого гуру пару практических советов в таком сложном деле.

— Что-то, Митяй, я никак не догоняю, причём тут глаза, — спросил Эдик.

— Ну, как же? Ведь глаз-то круглый! Вы замечали когда-нибудь, как снимают кинокамерой с широкоугольным объективом? Там очень чётко видны искажения, будто пространство закругляется по краям. Это потому, что сам объектив круглый, вот он и даёт подобное искажение. А ведь глаза тоже круглые. Значит вполне вероятно, что нам только так кажется, будто планета наша выглядит как шар. А на самом деле она совершенно плоская.

— Но как же ты увидел её плоской?

— В том-то всё и дело! Ведь на Луне я был во внетелесном состоянии. При этом человек видит не своими физическими, круглыми глазами, а всем астральным телом. Как бы плоскостью. Вот так я и увидел нашу Землю по-настоящему.

— Да-а. Прикольно! — сказал Эдик, всё ещё сомневаясь, — А как же все эти космонавты, фотки со спутников и всё такое?

— Но они же не были во внетелесном состоянии, — резонно заметил гуру Дима.

— Блин, тут ты прав! Интересная идея. А что ты там говорил про Богов С Другой Стороны?

— Путешествуя без тела, вскоре я заметил, что мне никак не удаётся заглянуть на другую сторону нашей плоской Земли. Каждый раз, как только я пытался туда залететь, меня останавливала невидимая стена. Это было странно, потому что другие планеты (кстати, тоже

плоские) я свободно облетал вокруг. Там, с другой стороны, было тоже самое, что и на внешней стороне, только чуть потемнее. А Земля не хотела пускать.

Однажды, после очередной неудачной попытки, я уже смирился и хотел вернуться домой, как вдруг услышал тихий, но очень могущественный Голос. Он поведал мне, что во внетелесном состоянии я не смогу при жизни попасть на другую сторону планеты. Но если буду очень настойчив, то могу попробовать достигнуть её в своём физическом теле.

— Да, кстати, а как же насчёт путешествий вокруг света? Ведь доказано, что если всё время идти прямо, то придёшь на то же самое место, откуда начал, — спросил Эдик.

— Вот именно, — поддакнул Гаша.

— А это, братья, совсем легко. Надеюсь, вы знаете, что без компаса человек легко может заблудиться в незнакомом лесу, плутая по кругу. Отчего же он ходит кругами?

— Правая нога сильнее загребает, — уверенно ответил Эдик.

— Вот именно! Этим всё и объясняется. Путешественник всё время, как вы изволили выразиться, загребает правой ногой. В результате чего и возвращается на тоже место, откуда начал. Ведь никто не пробовал ехать вокруг света по прямой дороге на машине или на поезде, потому что это не возможно из-за наличия разделяющих континенты океанов.

— А лётчики? Как же лётчики? — не унимался Эдик.

— Их тоже легко могло сносить ветром.

— Да-а. Аргументы веские, ничего не скажешь.

— И вот тогда я спросил у этого Голоса, что там на другой стороне находится. Он ответил просто — Боги. Я спросил какие, а он ответил — Все, — и пропал. Больше я его никогда не слышал. Зато появились другие голоса. Сначала невнятные, но со временем всё более отчётливые. Они о чём-то говорили между собой. Я пытался уловить смысл. Постепенно я стал слышать их совсем хорошо и с удивлением понял, что это разговаривают Боги, про которых говорил Голос. И что самое любопытное: они беседовали чаще всего не о чём-то возвышенном, а о самых обыденных, житейских вещах. Например, про погоду или про то, сколько праведников и сколько грешников пришлось оформить за прошлую неделю и уж скорее бы в отпуск. Кстати, отдыхать они тоже любят больше на море.

— Это на каком же? — удивился Гаша.

— На своём Божественном, конечно же, — невозмутимо ответил Дима.

« — Да-а, если бы я сам, своими собственными глазами не увидел Мешка с глазами, то ни в жизнь бы не поверил этому гаврику», — подумал Эдик.

— И вот, братья, пришла мне в голову интересная идея. Если я без тела не могу туда попасть, а путешествия вокруг света тоже не дают гарантии, то я решил пробурить Землю насквозь и, таким макаром, очутиться на другой стороне.

Эдик засмеялся и, утирая слёзы, заметил:

— Если бы ты, пипл, такое заявил лет пятнадцать тому назад, то, скорее всего, очутился бы в дурке, замотанный в смирительную рубаху.

— Понимаю, конечно, но ведь я никому и ни о чём не рассказывал. Люди сами как-то потянулись за мной. К тому же, я и сейчас продолжаю слышать голоса Богов. Они ведут меня и подсказывают примерное направление. Примерное, потому что система измерений у нас разная. Вот мы с братьями и нашли это место. Вы слышали, как я напутствовал их сегодня, чтобы в своих снах они поточнее определили угол раскопок. Чтобы не забуриться в сторону, как это получается по принципу правой ноги. Сны многое могут рассказать человеку.

— Вот это вот точно! — возбуждённо заговорил Гаша, — Я, знаешь ли, тоже весьма увлекаюсь сновидениями, особенно осознанными. Но что-то пока у меня это плохо получается. Я уже всего Кастанеду наизусть выучил, а толку мало. Не подскажешь, брат, как мне добиться этого?

— Ты сам сказал, что увлекаешься. В этом вся причина. Снами нельзя увлекаться. Если хочешь чего-то добиться, нужно быть очень настойчивым. Не «хотелось бы», а «хочу!». Причём сильно, но в меру.

— Как это?

— Нужно быть уверенным в своих желаниях. Если ты чего-то опасешься или хоть немного сомневаешься, то это не истинные желания. От этого возникает нервозность и раздражение из-за собственных неудач. У большинства людей проблемы возникают оттого, что они пытаются всеми силами реализовать свои ложные желания. Но если желаешь искренне и без сомнений, то всё получится. Если ты знаешь наизусть всего КК, то мне нечего добавить. Ничего нового ты от меня не услышишь.

Гаша несколько скис и поскуцнел. Он надеялся получить ценные практические советы от опытного пипла. Но, как всегда, услышал лишь заумные намёки и ничего конкретного.

« — И почему все эти опытные ребята всегда ходят вокруг, да около? Нет, чтобы просто сказать: возьмишь правой рукой за левую пятку, голову под мышку и дышать сто раз. Ну, или типа того. Всё как-то туманно, простому пиплу не догнать во век», — думал Гаша и откровенно обламывался.

— Вижу, брат, ты приуныл и огорчён. Значит, я был прав. Нет в тебе истинного желания. Может потому, что ты чего-то боишься? Хотя, если бы ты это знал, то вопросов не возникло. Не обижайся. Если хочешь, я помогу тебе сегодня увидеть осознанный сон. Но ты должен доверять мне, иначе ничего не получится.

— Конечно, конечно, — радостно закивал головой Гаша. Его даже немного затрясло от возбуждения. И тут же появился, леденящий внутренности, страх. Он не мог объяснить самому себе причину этого страха. Иногда, в молодости, его бывало глючило от переизбытка курительного состава, но даже тогда он не особенно стремался, порой, жутких видений. А сейчас что-то будто холодным шариком перекатывалось под грудной ямкой, и он даже немного пожалел, что так поспешно согласился на эксперимент. Когда читаешь об этих кошмарах у КК — это прикольно, но на собственной шкурке такое испытать — стра-а-ашно, аж до зубного стука.

Эдик успокаивающе похлопал его по плечу и сказал:

— Молодец, пипл! Так держать! Глядишь, и уделаешь всех своих Союзников. Будут они потом тебе в лавку за куревом бегать, да хайр расчёсывать.

— Блин, тебе смешно, — прошептал Гаша, — А у меня уже коленки трясутся.

Между тем, гуру Дима вежливо поклонился гостям и вышел из вигвама посмотреть, чего это там народ расшумелся. Только сейчас парни услышали на улице гул голосов, перемежаемый восторженными возгласами. Они ломанулись следом за гуру и увидели, что все адепты столпились вокруг Змея с индейцем. Горыныч тревожно стучал лапой за спиной, как учил его Мокасин и пускал струйки чёрного дыма из ноздрей для острастки. Индеец сунул одну руку за пазуху, сжимая рукоятку томагавка и творя оборонные заклинания в полголоса. Пускать топор в дело не очень-то хотелось.

Люди с любопытством разглядывали необычную пару. Самые смелые норовили потрогать Змея, на что тот прибавлял дыма и отпугивал смельчаков. Мокасин нервничал, с тревогой высматривая в толпе Эдика.

— А ну, расступись! — скомандовал испанец, — Чего наседаете? У нашего Змея натура тонкая, а вы шумите не по делу. Расступись, кому говорю!

Публика подалась назад и немного поутихла.

— А это что, правда настоящий дракон? — спросила симпатичная девушка с обилием бус на шее, — Наш Учитель говорит, что на Той Стороне есть много необычных существ. Может быть вы тоже ОТТУДА?

— Нет, милая *senorita*, этот Змей сугубо нашенский, местный. Был множество лет заколдован злющей бабкой по кличке Яга. Затем саморасколдовался и примкнул к нашей тёплой компании.

— Шутите, да?

— *Verdad!* Чтоб я лопнул!

Он подошёл к Змею и успокаивающе похлопал по могучей шее.

— Не бойсь, пернатый, это мирный народец. Мы с их гуру перетёрли пару тем. Всё ништяк. Драться не придётся.

Потом развернулся к публике и благосклонно произнёс:

— Можете подойти и потрогать Змея, но только по одному и не делать резких движений. Он этого не любит.

— А чем он питается? — спросил дядечка в круглых очёчках с видом всезнайки.

— А неблагонадёжными адептам, — пошутил Эдик, сохраняя на лице полную серьёзность.

Дядечка, однако, попятился и затерялся в толпе. На всякий случай. Люди стали по одному, по двое подходить и гладить Змея. Он сначала сам стремался и непроизвольно дёргался, пугая смельчаков. Но, вскоре успокоился и даже заговорил с людьми. Поначалу это опять вызвало всеобщее удивление, а затем шквал аплодисментов. Дракон, да ещё и говорящий! Вот это да!

Змей быстро освоился, перестал дёргаться и даже напустил на себя немного важный вид. Он с достоинством отвечал на вопросы, опуская подробности своей бурной юности.

Индеец под шумок растворился в лесу. Ему не интересно было торчать на виду у глазающей и восторженной публики. Правда, перед уходом он, на всякий случай, повесил на хвост Змея пару амулетов. Духи в амулетах поначалу заворчали, что им приходится висеть на хвосте, а не на шее, как и положено, но потом смирились. Индеец сказал им, что на шее у Дракона их быстренько заприметят и стырят. А так как публика здесь довольно своеобразная, то неизвестно для каких нехороших целей их могут приспособить. Последние слова что-то совсем не понравились амулетам, и они согласились повисеть на хвосте у Змея, но только до утра.

— Хау! Замётано, — сказал Мокасин и нырнул в кусты за спиной Змея.

Он решил обследовать окрестности, пока не совсем стемнело. Ещё на подлёте он заприметил в стороне от лагеря большую яму в земле. Явно искусственного происхождения. Проверить, чем тут занимаются людишки вовсе не мешало. Индеец мягко ступал по, еле заметной, тропке и вскоре вышел на широкую поляну. В центре её возвышался огромный валун с трещиной посередине. Мокасин обошёл камень и обнаружил то, что искал: круглую яму около семи метров в диаметре со слегка покатыми стенами.

« — Так-так, — подумал Мокасин, — Не иначе рудник копают. А то, что ещё можно в земле искать? Чай, не следопыты какие-нибудь».

В глубину яма была уже довольно приличная. Сбоку от валуна вниз вела маленькая лесенка из вырытых в земле ступенек. Индеец спустился на дно и огляделся. Не похоже, чтобы тут что-то искали. Просто копают и землю наверх выбрасывают. Странно. И старательского оборудования не видать.

Вдруг Мокасин покачнулся и своим шаманским нутром почувял сильный поток со стороны северного склона ямы. Он вгляделся повнимательнее, но ничего подозрительного не обнаружил. Это встревожило ещё больше. Чутьё его не обманывало. Что-то здесь было не чисто. Он достал свой нательный амулет и спросил со всей строгостью:

— Тиуа-та-тинка, подлец, ты чего молчишь? Почему службу не тащишь, а?

— Да ладно тебе, Мокасин, чё случилось-то?

— Вот и я хочу знать, чего случилось. Чё за фигня тут происходит? Ты, вот, чего чуешь?

— Да ни фигя тут нет интересного. Дай поспать-то. Мне же опять сегодня в ночную смену. Твои, между прочим, тела охраняю, не чьи-нибудь.

— А вот от той стены, чем несёт, а? Говори быстро.

— Я те чё, геолог что ли? Ну, искривление небольшое пространства. Ну, и что? Может там река подземная или танк с войны остался.

— Нет, приятель, ты уж будь любезен, слетай-ка да посмотри хорошенько. А будешь выпендриваться, я тебя продам, а себе нового помощника сотворю.

Последний довод подействовал на Духа лучше всяких заклинаний. Уж чего-чего, а быть проданным какому-нибудь придурку с комплексом колдуна-любителя совсем не хотелось. Он закричал для виду, примерился и так и эдак, взглянул на шамана вопросительно: может отменит задание? Нет, стоит как истукан с каменным лицом.

— Эх, не ценишь ты меня, Мокасин, — вздохнул Дух и стремительно ломанулся сквозь стену вглубь.

Не прошло и пары секунд, как он пулей выскочил оттуда и поспешно спрятался в амулете, дрожа всеми фибрами. Единственный глаз вылез из орбиты и испуганно озирался.

— Ну, что там? — спросил индеец.

— Мать моя — еловая шишка! Чтоб я сдох! — выпалил Дух, — Ты, шаман, совсем плохой и шутки у тебя дурацкие. Погубить меня хочешь?

— Да ты не трещи, как сорока. Скажи толком, чего там увидел такого страшного?

— Ни хрена я там не увидел, но больше ни за какие корки не полезу. Хоть продавай меня, хоть в костре изжарь!

— Вот ты лопух! На кой мне тебя продавать? Чё несёшь-то, а? Говори, чего обнаружил, вражина.

— Я и говорю: нет там ни фи́га, да только страшно до опупения. Там... другой мир!

— Не понял я чего-то. Какой другой мир?

— Другой, я же говорю. Ты чё, не втыкаешься?

— Ну, другой, ну и что такого-то. Чего испугался?

— Вот чудак человек! Он совсем ДРУГОЙ!!! Не наш. И даже не похож на наш. Синий и страшный. Вот какой!

Индеец почесал затылок и пожал плечами. Про другие миры он, конечно же, знал. И что они совсем другие, тоже знал. Ну, а чего тут бояться — не понятно. Вон Змей — тоже не от мира сего, а ничего, нормально. Ладно, надо возвращаться в лагерь. Может, Эдик с Гашей уже чего-нибудь выяснили и расскажут толком, что тут происходит. Он сыпанул в амулет немного табаку, чтобы дух успокоился и не трясся, как с похмельюги, и неспешно потрохал обратно, на всякий случай, оглядываясь по сторонам.

ГЛАВА 11.

Гаша бежал, путаясь в ногах и тяжело дыша. Сколько это продолжалось, он уже не помнил. Его преследовали два назойливых и вредных мужика. Они противно посмеивались, корчили зверские рожи и всё норовили запрыгнуть ему на плечи. Гаша отбивался, как мог, но постепенно силы покидали пипла. Паническое чувство страха росло и подбиралось к горлу. Гаша хотел уже заорать, чувствуя как кожа на спине и затылке покрывается гусиными пупырьками, и хайр пушится будто наэлектризованный, но вдруг мужики отстали. Мало того, они почему-то попятнулись, злобно матерясь и глядя куда-то за спину пипла. Гаша обернулся и увидел Диму, стоящего с невозмутимым видом и сложенными на груди руками. От него

исходило зеленоватое сияние. Особенно светились глаза. Дима раскрыл правую ладонь, на которой появился яркий золотистый шарик. Некоторое время этот шарик чуть пульсировал, а затем сорвался с места и стремительно полетел в сторону зловредных мужиков. Те, истошно вопя, ломанулись через заросли колючего кустарника, оставляя клочки одежды и плоти на здоровенных колючках. Гаши был бесконечно благодарен своему спасителю и даже немного прослезился. Но тут произошло нечто непонятное. Гуру Дима подошёл к пиплу и довольно ощутимо хлопнул его по уху раскрытой ладонью. В ухе громко зазвенело, а Дима внушительно сказал:

— Видишь ли ты меня?

— Конечно, вижу, — обиженно ответил Гаши, потирая ухо, — Зачем же драться-то?

— Как ты думаешь, где ты сейчас?

— Не знаю, в лесу, наверное. Вот удирал от маньяков каких-то.

— Чудак человек! Неужели ты не понимаешь!?! Ты же сейчас находишься во сне!

Гаши почувствовал мгновенный приход, как от хорошей выкуренной трубки, и картина тут же преобразилась. Стало заметно светлее вокруг, а предметы засверкали яркими красками. От Димы шёл уже нестерпимо сияющий, изумрудно-золотистый свет, а воздух наполнился тонким звоном хрустальных колокольчиков. Гаши поплыл от счастья в Нирвану, но тут же получил по другому уху и сразу протрезвел. Сияние чуть поубавилось. Взгляд гуру стал строгим и решительным.

— Я обещал помочь тебе сегодня осознать себя во сне, но ты должен быть очень внимательным и собранным. Это не шутки. Всё очень серьёзно и, если опять почувствуешь, что плывёшь, то хватай меня за руку и держись крепче. Ты понял меня?

— Да, да, конечно Учитель!

— Не называй меня Учителем. Для тебя я просто Дима. Я пришёл помочь тебе разобраться с твоими снами, только и всего. Для начала ответь мне, что ты думаешь об этих двух субъектах, которые гнались за тобой?

— Отмороженные какие-то пиплы. Я от них уже не первый раз бегаю. Вот уже, вроде бы, отстали, но в последний момент ноги у меня путаются и всё. Дальше бежать не могу. А эти уроды набрасываются сзади на спину и давай на ней в карты резаться. И никак я их скинуть не могу, хоть и верчусь по всякому. Только ещё слабее становлюсь. После таких снов меня два дня потом плющит, как с хорошей балды.

— В этом нет ничего странного. Это вовсе не пиплы, как ты говоришь, а самые настоящие вампиры. И не в карты они режутся на твоей спине, а высасывают энергию, причём сильно и много. В тебе, кстати, её осталось совсем чуть-чуть. В этом основная причина того, что ты сам не можешь осознать себя во сне. Твоё энергетическое тело гораздо умнее тебя. Оно-то и держит твоё сознание закрытым, чтобы ты по глупости не растерял остатки энергии и не сыграл в ящик раньше времени.

От этих слов Гаши всего передёрнуло, и по спине потекло что-то холодное и неприятное. Стало по-настоящему страшно. Снова вокруг всё потемнело и будто наполнилось душной ватой. Гаши запаниковал и сразу получил новую оплеуху.

— Держись за меня! — крикнул Дима.

Гаша схватился за вишнёвый бархатный халат гуру и сразу очутился в большом вигваме. Тут было безопасно и уютно. В ухе звенело и что-то с грохотом перекатывалось.

— Ну, приятель, с тобой не соскучишься! Ты даже одной минуты не можешь быть сосредоточенным и внимательным. Как же ты хочешь контролировать свои сны?

— Дык, ёлы-палы, я ж не гуру, как некоторые, — обиделся Гаша.

— А вот обижаться вовсе ни к чему. Ты просил помочь, так слушай, что я тебе говорю.

— Прости, это я со страху, наверное, всякую муть несу. Ты что-то сказал про вампиров. Это чё, как в кино? Те, которые кровищу хлещут литрами?

— Нет, эти гораздо хуже. Они питаются энергией и могут принести намного больше вреда.

— Но почему я?

— А что тебя удивляет? Ты интересуешься снами, пытаешься заниматься какой-то практикой, но в то же самое время тебя одолевает страх. И практика твоя бессистемная и эпизодическая. Так заниматься нельзя. Это чревато весьма пагубными последствиями. А страх — одна из самых сильных эмоций. Он привлекает подобных «гостей», как нечто другое мух. Да ты и сам это прекрасно знаешь, только никак не хочешь применить это к себе, потому что и боишься ты неосознанно. Вампиры — мастера иллюзий. Нагонят такой жути, что обычный человек не захочет, да испугается. Им только этого и надо. Получается замкнутый круг.

Гаша задумался. А ведь гуру прав. Сколько книг он прочитал на эту тему, сколько историй слышал от других пиплов, но как-то всё на уровне ужасающих интересностей. Никогда он не примерял на себя подобные истории и не задумывался, как бы он поступил в этих случаях.

— Но что же мне делать?

— Ничего.

— Как это?

— Так. Ничего и всё. Пока ты не научишься быть собранным и внимательным в обычной жизни, путь в сновидения тебе противопоказан.

Гаша расстроился и поник головой. Как же так? Он так долго пытался хоть чего-то добиться, а теперь всё побоку. Обидно же! Обидно и жгуче завидно. Ведь вон другие-то как могут! Такие захватывающие истории рассказывают, что просто слюнки капаят. Он с надеждой посмотрел на Диму, но гуру был неумолим. А чего, собственно, он будет слушать этого сиятельного гуру? Ведь тот сам сказал, что он для него не Учитель. Ну, поугал немного, так ведь и дон Хуан в книгах у Кастанеды только и делает, что пугает. Но как же всё-таки это захватывает!

Дима с лёгкостью уловил перемену в настроении этого бестолкового сновидца. Он сделал резкое движение и ухватился обеими руками за голову Гаши. В глазах у пипла сразу потемнело, а затем внутри башки что-то щёлкнуло, и он увидел странную картину. Это была их родная

деревня. Судя по природе, сейчас была середина осени. День стоял хмурый и даже чуть-чуть накрапывал дождик.

Вот их дом, а во дворе тусуется народ. Тут и Эдик с Мокасином, и урядник Толик, и даже все старухи припёрлись. Никто не дерётся. Странно. Вот стоит Змей с чёрной повязкой на лапе и своей широкой спиной закрывает нечто, куда устремлены скорбные взгляды присутствующих. Панорама стала поворачиваться, и Гаша вдруг увидел, что посреди двора, на двух табуретках, стоит гроб с красной обивкой от старого транспаранта, с чёрными рюшами по краям. В гробу лежал кто-то смутно знакомый. Гаша подлетел поближе и с ужасом понял, что это он лежит в том гробу. Физиономия у покойника выражала крайнюю степень дикого ужаса и была пепельно-зелёного цвета. Гаша истерично засмеялся, потом взвыл от страха и тоскливого чувства безнадежной утраты, стал тормозить людей, заглядывая им в глаза и пытаясь сказать, что вот же он, живой и невредимый. Неужели они не видят?

— Они тебя не видят, — спокойно ответил Дима. Он снова стоял рядом, сложив руки на груди, и с грустью наблюдал за тщетными попытками пипла докричаться до людей.

Между тем, друзья покойного утёрли невольные сопли и стали приколачивать крышку. Каждый удар молотка отдавался со звоном в голове у Гаши. Старухи взвыли чуть погромче, как и полагается в таких случаях, но быстро успокоились. Змей впрягся в телегу, и гроб с останками пипла повезли на погост. Гаша, как шарик на верёвочке, безвольно летел следом и жалел себя бедного так, как никогда прежде. На душе было очень горько и тоскливо. Как же это так? С чего это он вдруг взял, да помер?

На погосте уже была вырыта могила. По краям аккуратно разложены еловые веточки. Змей ловко шуранул гроб в яму, и парни без лишних слов закопали то, что когда-то было пиплом Гашей и носило длинный хайр и тёртые джинсы. Всё. Полный крапонец. Без возврата и попытки №2. Люди ещё немного постояли возле скромного бугорка земли, да разошлись по домам. Вот тебе и wonderfull life! Чисто «The end».

Опять в воздухе что-то ярко вспыхнуло, и Гаша очнулся. Он сидел на спальном мешке в большом вигваме, и по щекам его текли слёзы. Рядом с ним на небольшой подушечке восседал в позе лотоса Дима, участливо глядя на пипла. Он протянул Гаше чашку чая и молча кивнул головой. Руки у Гаши плохо слушались и дрожали. Он неловко взял чашку, пролив часть жидкости на штаны. Хорошо ещё, что чай не был горячим. Гаша выпил остатки и судорожно всхлипнул.

— Что это было, а? Я что, правда, умер?

— Если не последуешь моему совету, то вскоре это может случиться.

— Но почему?

— Ты уже знаешь.

Гаша обречённо кивнул. Да, теперь он понял, почему его так плющило после снов с мужиками-вампирами. Значит, всё это правда. И пока он не перестанет их бояться, про сны можно благополучно забыть.

Гуру Дима протянул ему нечто, но слёзы застилали глаза, и было не разобрать, что это за предмет. Гаша утёрся рукавом, присмотрелся внимательнее и озадачился. В руке у Димы

лежала обыкновенная пуговица, чёрная и блестящая, с четырьмя дырочками. Гаша недоумённо уставился на гуру и спросил:

— Это чё?

— Объект. Возьми его и спрячь в карман поглубже.

— Нафига?

— Ты не понял. Это нечто вроде оберега. Твоя энергетика сейчас сильно ослаблена и, если «мужики» во сне вернуться, то это может стать твоим последним сном.

Гаша быстро схватил пуговицу и прижал к груди, со страхом оглядываясь.

— Расслабься, — успокоил его Дима, — Сейчас тут никого нет, да и вернуться они ещё не скоро. Если вообще вернуться. Я их здорово напугал. Но ты всё равно держи оберег при себе. Он хорошо заряжен, и не только против вампиров. Хотя про других субъектов тебе лучше пока совсем не знать.

— Это ты про Союзников, да?

— Про тех, о ком ты думаешь, тебе даже заикаться не стоит. С ними может встретиться, разве что, ваш друг Мокасин, да и то не со всеми. И при этом остаться в живых. Для тебя я сейчас союзник. Поэтому слушай внимательно и вникай. Этот оберег ты не должен никому показывать. Про сны тоже никому и ничего не говори. Это в твоих же интересах. Хочешь стать более осознанным — думай каждую минуту о том, что делаешь. Не витай мыслями где-то в облаках и, тем более, не спорь с кем-то в твоей голове. Это самое глупое, чем только может заниматься человек. Если же тебе удастся во сне понять, что видишь сон, и при этом кто-то будет на тебя нападать, сразу зови меня. По этому оберегу я найду тебя и постараюсь помочь.

Гаша быстро кивнул и с трудом проглотил подступивший к горлу комок. Страх, казалось, прочно засел у него в печёнках. Ему сейчас не то, чтобы путешествовать в каких-то сновидческих пространствах, а даже на улицу выходить было страшно. Кругом мерещились клыкастые вампиры и свирепые вурдалаки. Он зачихал пуговицу в самый дальний внутренний карман. Так стало немного спокойнее.

А на дворе уже во всю сияло солнце. Лагерь постепенно просыпался, и большой вигвам стал заполняться адептами для утренней молитвы. Гаша решил остаться внутри и послушать. Страх постепенно улетучивался, как это обычно и бывает после ночных кошмаров. Сны быстро забываются. Страшные в том числе.

Люди рассаживались вокруг Димы, стараясь быть поближе. После привычной молитвы гуру задал свой вчерашний вопрос: кому, что снилось, и не видел ли кто направления дальнейших раскопок. Адепты стали по очереди рассказывать свои сновидения, но всё больше на отвлечённые темы. Один высокий пипл сказал, что видел во сне гуру вместе с Гашей, и как они о чём-то беседовали вдали. Дима только молча кивнул головой и оставил этот сон без комментариев. На главный вопрос так толком никто и не ответил.

Тут в вигвам зашли Эдик с Мокасином. Эдик подошёл к Диме и тихо произнёс:

— Я думаю, наш друг Мокасин сможет вам помочь.

Гуру посмотрел проницательным взглядом на индейца и понял, что тот нашёл проход. Индеец утвердительно кивнул. Он ещё с вечера рассказал приятелям о найденной яме и необычном излучении. Эдик живо заинтересовался этим рассказом. Шпионская натура уже рисовала в его воображении какой-нибудь тайный объект военного назначения. Ну, или хотя бы рудоносную жилу с неизвестным науке металлом. Парни решили помочь адептам, чего бы они там не искали. Что касается другой стороны Земли, то об этом решили вообще не спорить. Мало ли чего взбредёт в голову людям. Хотят на другую сторону — да скатертью дорога, им то что. Но вот если там окажутся подземные коммуникации или что-то типа того, то разведать это стоило.

После лёгкого завтрака народ всей толпой двинулся на раскопки. Впереди шагали Дима с Эдиком и обсуждали предстоящее мероприятие.

— Ты вот что, Митяй, сразу туда не лезь и своих ребят придержи, — взял на себя инициативу Эдик, — Мало ли чего там будет. Может, это военные что-нибудь припрятали. Уж поверь моему опыту, это весьма вероятно и столь же опасно. Мы втроём туда слезаем, а вы снаружи подождите. На другую сторону, как ты говоришь, мы всё равно сразу не попадём: глубина маловата, а вот разведать — разведаем. По полной программе. Вы только за нашим Горынычем присмотрите. Если уж не вернёмся, то вы возьмите его с собой. Он без людей жить не сможет. Он, кстати, вегетарианец. Очень капусту квашеную любит.

Дима согласился с доводами Эдика. Он потому и напутствовал вчера вечером своих адептов, чтобы внимательно следили за своими снами, так как накануне тоже почувствовал некий поток энергии из ямы, но не мог понять, что он означает. Может, это и есть их цель, а может, и нет.

Народ столпился вокруг места раскопок. Индеец прочитал, на всякий случай, несколько мощных заклинаний и спустился вниз. Сразу ощутил нечто вроде холодного ветра со стороны северной стены. Он подошёл поближе и веточкой начертил на стене круг, обводя границы потока. Затем в яму спустились остальные и принялись копать. Чем сильнее углублялись в стену, тем мощнее оттуда вырывался прохладный ветер. Даже другие адепты почувствовали это.

Внезапно лопаты провалились в пустоту. Последний слой земли осыпался и все увидели большое круглое зеркало. Это не было зеркало в обычном понимании. Оно казалось жидким, как поверхность лужи и было больше похоже на ртуть. Эдик приказал всем отойти в сторону и осторожно подошёл к зеркалу вплотную. Вблизи оно отдавало неземным холодом и выглядело живым. Эдик медленно дотронулся до него веткой. Она прошла насквозь без усилия. Он вытащил ветку обратно и внимательно осмотрел её. Никаких видимых изменений или повреждений. Ветка, как ветка. Тогда он осторожно коснулся зеркала рукой. На ощупь оно напоминало воду, только очень холодную и совсем не мокрую. Рука сама потянулась внутрь. Эдик быстро одёрнул её и сжал в кулак. Рука на месте, все пальцы тоже, ничего не случилось. Он оглянулся на своих друзей, собрался с духом и сказал:

— Viva Espana!

А затем нырнул в зеркало, как пловец в воду. Гаши с Мокасином переглянулись, и один с воплем «хай пиплы!», а другой с боевым улюлюканьем, ринулись оба следом за испанцем. Последнее, что успел увидеть Гаши перед тем, как сознание оставило его, было стремительное движение звёзд вокруг и ощущение полёта со всё большим ускорением.

« — Вот приколы! Как в «Звёздных вратах», только ещё круче», — успел подумать Гаши и выпал в осадок.

Часть вторая. Другой мир.

ГЛАВА 12.

Клерк Санах Штыц стоял в кабинете начальника, понуро склонив голову и разглядывая трещинки на полу. Шеф был явно чем-то недоволен, но хранил молчание и только сверлил взглядом своего подчинённого, пытаясь понять: на кой хрен он взял к себе этого придурка. Нормальные сотрудники работают или, хотя бы, делают вид, что работают. А этот вечно лезет со своими дурацкими идеями и ничего не просит взамен. Ни повышения по службе, ни зарплаты побольше. Станный какой-то работник, весьма-а-а странный. Оттого и подозрительный. Не иначе, замышляет чего-то и под него, под начальника, копает. Ишь морду в пол опустил, а у самого, небось, глазки так и зыркают по сторонам.

— А ну, в глаза мне смотреть! — рявкнул шеф, хлопнув ладонью по столу.

Санах вздрогнул и посмотрел на босса простодушным и совершенно бесхитростным взглядом своих тёмно-фиолетовых глаз. От этого шеф смутился и помрачнел ещё больше. Нет, не может человек с таким взглядом замышлять что-то злодейское или прятать булыжник за пазухой. Голос шефа смягчился. Уже более миролюбиво, он произнёс:

— Ну, скажи на милость, на кой тебе сдался этот долбаный валун? Ты что, домой к себе его хочешь притащить что ли?

— Нет, нет, что вы! Он ведь такой огромный. Да и нельзя его с места трогать. Я же говорю, это не просто камень, это портал. Самый настоящий!

Шеф почувствовал, как у него снова заныли зубы, и поморщился.

— Будь любезен, объясни нормально, что ты имеешь ввиду, когда говоришь про какой-то там портал.

— Но как же, я ведь объяснял. Это проход в другое измерение. В другой мир!

— Скажи, пожалуйста! Другой мир. Другие люди. Ты в своём уме? Какой, нахрен, другой мир, а? Ну, зачем он тебе нужен?

— А как же наука? Быть может, нам удастся столько нового узнать, что мы продвинемся в своём развитии сразу на несколько столетий вперёд!

— Ты, Санах, безнадежный мечтатель. Если бы не твоё трудолюбие, уволил бы я тебя нафиг и жил бы спокойно. Иди с миром и забудь, пожалуйста, про свой камень. Добром тебя прошу. А про науку пусть учёные беспокоятся. Это их прямая обязанность. Давай, топай.

Штыц печально вздохнул и вышел из кабинета. Вот невезуха, блин! И всего-то надо снарядить небольшую экспедицию. Тут и ехать совсем недалеко. Каких-то семьсот миль на север, в Красную область.

Хотя, может, это и отпугивало всех, кому он предлагал поехать вместе с ним. Поговаривают, что в Красной области до сих пор обитают чёрные монахи. Лютый народ. Поймают, и поминай, как звали. Запрут в темнице, обрядят в чёрную схиму, да заставят наизусть учить целый сундук старинных, заумных книг. Один сундук выучишь, сразу второй подсовывают. За ним ещё, и ещё, и ещё! И так до конца жизни. Ужас! Но кто их видел на самом деле-то? Пожалуй, трёп это пустой, да и только.

— Ладно, так и быть, поеду один. Возьму отпуск и поеду. Пусть попробуют меня остановить.

На следующий день Санах бодрым шагом зашёл в приёмную. Секретарша Мийа встретила его с улыбкой. Её красивые золотистые глаза эффектно оттенял тёмный, цвета индиго южный загар. Только вчера она вернулась из отпуска и выглядела потрясно. Санах тоже весь засветился, улыбаясь до ушей. Он не очень ловко вытащил из кармана шоколадку и протянул красотке. Мийа хихикнула, вскочила из-за стола и звонко чмокнула Штыца в щёку. От неожиданности он дёрнулся, уронив на пол стопку бумаг. Мийа весело засмеялась. Ей нравился этот застенчивый клерк.

— И я тебя тоже рада видеть, — произнесла она со смехом.

— Прости, я сейчас всё соберу и сложу, как было.

— Не беспокойся, это всё мусор. Я решила провести тут генеральную уборку. Перед отпуском столько всего накопилось. А теперь это просто хлам. Можно смело выбрасывать. Ну, а ты с чем пожаловал? Опять великие идеи?

Санах смутился, но всё-таки заметил, что не все его идеи настолько безумные. А сейчас он пришёл совершенно по другому поводу.

— Вот, хочу тоже в отпуск слетать. Почти пять лет не был.

— Ай, молодец! Давай-давай, расслабься на всю катушку. Давно пора. Зайди к шефу. Он сегодня в хорошем настроении. Думаю, он не будет против.

Санах вежливо постучал в массивную дверь и, услышав бодрое «Войдите!», шагнул за порог. Шеф сегодня сиял, как серебряная монета. Наконец-то вернулась его красавица секретарша. Сам он уже потерялся в этом море бумажной волокиты. Теперь можно было с облегчением вздохнуть. Но, при виде опостылевшего клерка, дыхание как-то сразу застряло в горле и ни туда, ни сюда. Даже лицо потемнело, хотя его иссиня-чёрной, задубевшей коже темнеть уже было некуда. Он с трудом сделал глубокий вздох и мысленно приказал себе не волноваться. Ровным, будто из автоответчика, голосом он спросил:

— Да? Я вас внимательно слушаю.

— Простите за беспокойство, шеф, не могли бы вы подписать заявление?

— Что, уволиться решил? — желчно спросил начальник.

— Нет, что вы, — искренне удивился Санах, — Хотелось бы в отпуск съездить, да отдохнуть немного. Пять лет не был.

— В отпуск?! Правда, в отпуск? — лицо шефа разгладилось и растянулось в широкой улыбке, — Конечно, конечно! Вот молодец, давно бы так. Я и сам хотел тебе предложить, да думал ты откажешься, как обычно. Сейчас в бухгалтерию звякну, чтобы с отпускными не затягивали. Можешь считать, что уже с сегодняшнего дня ты в отпуске. Поздравляю! На юг поедешь?

— Да, — соврал Штыц, — Надо кости погреть, да и загар не помешает.

— Вот молодец! Ценю умных людей. А то всё камни, да порталы непонятные. Езжай с Богом!

Санах не стал никому раскрывать про свои планы, а на вопрос о путёвке вежливо ответил, что собирается поехать на юг дикарём. Это ещё больше обрадовало шефа, и он решил, что его сотрудник не так уж и безнадёжен.

Шмотки Санах собрал ещё с вечера. Подготовился основательно. Кроме продуктов и тёплой одежды взял универсальную палатку, спальный мешок, маскировочную сеть и увесистый топор. Это так, на всякий случай. Хотелось бы надеяться, что применять его придётся только для рубки дров. Ехать решил поездом. Дороги там сплошь грунтовые, да с каменными насыпями. Новенькую машину гробить ему вовсе не хотелось.

К обеду он уже получил отпускные, а через полтора часа сидел в купейном вагоне поезда и откровенно тащился. А приятно, блин, в отпуске-то! Он уже стал забывать, что это такое. За окном сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее поплыли дома и деревья, создавая впечатление, будто это они куда-то едут, а поезд стоит на месте. Санах смотрел в окно и вспоминал события последних дней.

А началось всё с пустяка. Примерно с неделю назад он смотрел по телевизору передачу о метеоритах. Это была его любимая программа, в которой часто показывали всякие интересные и необычные вещи. Вот и на этот раз диктор плёл что-то про «подарки» из космоса, а на заднем плане показывали огромный валун с трещиной в центре. Санах мельком глянул на этот камень, а потом на что-то отвлёкся. Сейчас он уже не помнил, что это было. Да это и не важно. Когда сюжет закончился, ведущий таинственно поведал, что съёмочная группа так и не вернулась из этой поездки. Нашли только плёнку и нетронутые вещи. Людей же как ветром сдуло.

Санах посмеялся над корявым розыгрышем, решив, что эдак ведущий хочет ещё больше напустить таинственности в свою передачу. Но вскоре в одной из центральных газет появилось похожее сообщение. Там, правда, склонялись к мнению о деятельности чёрных монахов в Красной области, где и пропала группа.

Всё это благополучно забылось бы, но через пару дней Санах увидел весьма странный сон. Во сне он шёл по лесу, красному от цветущих деревьев, и с упоением вдыхал прохладный, весенний воздух. В тёмно-оранжевом небе ярко светило голубое солнце. Птицы сновали туда-сюда в своих весенних заботах, мало обращая внимания на путника. Вскоре впереди показался просвет среди густого кустарника. Санах с трудом протиснулся сквозь колючие кусты и перед его взором предстал здоровенный валун. Что-то знакомое было в этой картине. Ах да! Это же тот самый камень из телепередачи. Вот и трещина посередине, больше похожая на щель. От камня явно исходило тепло, но не как от солнца или печки, а какое-то вибрирующее, создающее еле слышное, низкое гудение. С удивлением Санах заметил, что трава вокруг камня не растёт совсем. Да и птиц рядом не слышно. Он медленно подошёл к камню и дотронулся до шершавой поверхности. Прозвучал резкий хлопок, в глазах потемнело и всё закончилось.

Санах очнулся на полу рядом со своей кроватью и весь мокрый от пота. Через несколько секунд он пришёл в себя и весело рассмеялся. Вот, блин, насмотрелся всякой мути по ящику, а теперь глючит его, как банального курильщика. Однако на следующую ночь сон повторился. Всё было точно так же: красный лес, яркое солнце, колючки, огромный камень, хлопок — и очередной синяк на коленке от падения с кровати. Санах призадумался. Что-то здесь явно не так.

Весь следующий день он постоянно вспоминал об этом необычном сне и чуть не напортачил с годовым отчётом своего отдела. Пришлось в темпе всё исправлять. Сон отошёл на задний план, но вечером опять всплыл перед глазами, как некая навязчивая мелодия, которая один раз проникнет в мозг и потом долго не хочет оттуда вылезать.

Ночью Санах долго не мог уснуть. Сказалось дневное напряжение и вполне ощутимое беспокойство. Нет, он не боялся ночных кошмаров. Да их у него и не было. Ещё в детстве он сразился во сне с огромным злым пирожком, который хотел сделать его своей начинкой, но никак не предполагал, что парнишка ляжет спать голодным и сам набросится на него. В том сне Санах сначала долго бежал от жареного увальня, а потом вспомнил, что очень хочет есть. Рот сам собой раскрылся до умопомрачительных размеров и проглотил злого пирожка, словно таблетку. С тех пор кошмары Санаху не снились вовсе.

Но сейчас совсем другое дело. Этот странный сон нельзя назвать кошмаром. Ничего страшного в нём нет. Однако камень явно что-то излучает, и ощущение от этого, мягко говоря, не самое приятное. Наконец, глаза сами собой закрылись, и всё повторилось, но с одним маленьким нюансом: прежде, чем вылететь из сна, он успел заметить, как за яркой вспышкой мелькнули тени каких-то людей. Может это и есть пропавшая съёмочная группа?

На этот раз Санах заранее постелил на полу перед кроватью толстое зимнее одеяло. Предусмотрительность оказалась не лишней, так как проснулся он снова на полу, но зато больше не набил новых синяков.

Весь последующий день он опять думал о странном сне. Не может просто так это повторяться. Нужно что-то предпринять, но что? Он залез в дебри электронной поисковой системы и обнаружил, что таких странных камней на их планете существует не менее десятка. Про них рассказывают всякие небылицы. Типа это входы в параллельные пространства, другие миры и всё такое. Большею частью информация была из сомнительных источников и здорово отдавала мистикой, а то и вовсе оголтелой шизой. Но некоторые вещи показались знакомыми. Например, низкий вибрирующий звук. Его слышали все, кто когда-либо находился рядом с камнем. Или яркие вспышки света, которые часто появлялись в тех районах, где существуют эти камни. Много было написано и о пропавших людях.

К вечеру голова опухла от долгого сидения за мерцающим монитором. Санах вышел на террасу и с наслаждением потянулся, вдыхая прохладный и влажный весенний воздух. Уже совсем скоро наступит лето. Давно хотелось в отпуск, но вот уже пять лет он не может себе этого позволить, зарабатывая авторитет в солидной фирме. В этом была и прямая выгода: в любое время он мог отгулять все отпуска разом, причём щедро оплаченные и без перерыва. Многие люди так и поступали. Кто-то копил по десять – пятнадцать лет, а потом отрывался на всю катушку на самых дорогих курортах Таны.

В ночном небе ярко светили крупные звёзды, а на востоке, над городом зависли две тёмно-оранжевые Луны. Санах постоял некоторое время в прострации, витая мыслями в южных широтах, но вдруг резко вздрогнул от проникшего под халат свежего ветерка и поспешил в койку. Сегодня он твёрдо решил, что не станет во сне касаться камня, а будет просто стоять

рядом и наблюдать. Это оказалось не так-то просто. Во сне он благополучно забыл своё намерение, поэтому в очередной раз просмотрел знакомую серию и привычно плюхнулся на пол. Хотя сразу вспомнил, как снова кто-то промелькнул за вспышкой. Это были определённо человеческие фигуры. И даже, похоже, что их было трое. Вряд ли это съёмочная группа. Тех должно быть гораздо больше.

Переломный момент наступил через два дня. Санах со всей решимостью приказал себе не трогать камень во сне и даже связал руки брючным ремнём, затянув его зубами. Спать, правда, при этом было неудобно, но зато придавало больше уверенности в успехе.

И вот опять красный лес, солнце жарит, как летом, птицы совсем обалдели и почти садятся на голову. Колючие кусты в этот раз кажутся совершенно непролазными и грозными. Что-то мешает и держит за руки. Что это? Кто-то нацепил ему наручники. Как такое может быть? Ведь он законопослушный гражданин! Стоп. Наручники не просто так. Нужно что-то вспомнить.

Ага! Это мой сон! Я вижу его снова. Вот и камень. Как сразу стало всё ярче и реальнее! Хотя куда уж реальнее. Гул от камня становится почти невыносимым. Санах закрыл уши. Руки уже оказались свободными. Стало легче. Щель в камне постепенно разгоралась ярким фиолетовым пламенем, становясь всё шире и шире. Вскоре она превратилась в большое овальное зеркало, а гул опять усилился. Поверхность зеркала колыхалась, ничего не отражая.

Санах почувствовал, как невидимая сила навалилась на него, прижимая к земле. Невозможно было пошевелить даже пальцем. Стало трудно дышать. Воздух наполнился вязкостью и плотностью, как вода. Сознание постепенно угасало, затягивая в тёмный водоворот.

Очнулся Санах в своей кровати весь в поту. Руки сильно затекли и теперь их больно пронизывали тысячи иголок. Ну, это ничего. Немного отдышавшись, он улыбнулся. А ведь что-то изменилось. Во всяком случае, он не касался камня и не слетел с кровати. В следующий раз нужно будет не подходить к нему близко, а наблюдать с расстояния. Больше в этот раз ему ничего не приснилось.

А на следующую ночь он, наконец-то, увидел тех, кто маячил за ярким светом камня. И это было откровение! В памяти живо вставали все подробности и проносились воспоминания о прочитанном в поисковой системе. Выходило, что не все рассказы о параллельных мирах — выдумки и чепуха. Иначе как назвать то, что он увидел? Скажи кому из знакомых, ни за что не поверят!

Если бы те, кто появился вслед за вспышкой, были свирепой наружности с кучей змеиных голов, горой острых когтей, зубов и прочей чудовищной наличности, то всё можно было бы потихому списать на бред сумасшедшего и быстренько отправить Санаха Штыца в лікарню на перепрошивку мозга. Но в том-то всё и дело, что из камня появились вовсе не страшилища, и даже не зелёные человечки, а самые обыкновенные люди. Хотя и несколько своеобразной наружности.

Все подробности Санах не успел разглядеть, но совершенно отчётливо заметил, что кожа у них гораздо светлее, чем у жителей Таны. А один из них был совершенно белый. В их сине-оранжевом мире этот цвет был очень редок и потому, сразу бросился в глаза. Двое других были смуглее, причем один явно с красноватым оттенком. И у всех троих явно испуганный вид. Больше Санах ничего разглядеть не успел, но и этого было достаточно.

На утро он предстал перед шефом с потрясающим проектом установления контакта с пришельцами и последующим обменом передовыми технологиями, но встретил решительный

отпор. Шеф явно не относился к числу сумасбродов и мечтателей. Санаху ещё крупно повезло, что у шефа он находился на хорошем счету и не был явным кандидатом на вылет из фирмы. Таким образом, у него и возникло желание не копить больше свой отпуск, а отгулять то, что уже имеется. С пользой для дела, разумеется.

И вот он едет в мягко качающемся вагоне поезда, бездумно смотрит в окно, а симпатичная соседка в который раз безуспешно пытается обратить на себя его внимание. Так ничего и не добившись, она улеглась на свою полку, а Санах ещё долго смотрел в окно на проплывающие мимо чёрно-фиолетовые тени деревьев и призрачные отражения Лун в речках и озёрах. Ближе к полуночи стало сильно клонить в сон. Он с беспокойством думал о предстоящей ночи. Дома он мог хоть на ушах бегать, никто бы его не услышал. А поезд — штука общественная. Если он рухнет с полки, то кроме шишек ещё и напугает соседей, а это не есть хорошо.

Однако случилось нечто странное: камень больше не снился. Мало того, в эту ночь Санах вообще проспал без единого сновидения. Это говорило либо о том, что он едет в нужном направлении, либо просто устал за эти дни, и организм решил наверстать упущенное.

Как бы там ни было, но к обеду следующего дня он уже трясся на старой развозке по сильно разбитой дороге в направлении небольшого посёлка. Сверившись с картой, он прикинул, что часа через два будет на том месте, откуда нужно свернуть в лес и пешком пройти ещё около пяти миль. Местные аборигены не обращали на него никакого внимания. Это было ему на руку. Не хватало ещё наслушаться всяких страшилок, которыми так любят потчевать заезжих туристов «добрые» советчики. Он и приделся попроще, чтобы не сильно отличаться от них.

Развозка скрипела и стонала так, будто её собрали ещё в прошлом веке, а теперь не хотят отпустить на заслуженный отдых. В салоне едко воняло топливом. Под конец пути Санаха уже здорово тошнило от этого. Не доехав пару миль, он попросил водителя остановиться и дальше пошёл пешком. Сразу заметно полегчало. Чем ближе он подходил к месту назначения, тем больше узнавал знакомые места, которые видел во сне.

Лес шумел молодой, ярко-красной листвой. В небе стремительно носились синие птицы, вереща про любовь и строительство благоустроенных гнёзд. Вот и кусты с колючками. Хотя в натуре они были не такие уж и густые и непроходимые. Кое-где виднелись приличные проплешины, и можно было спокойно пройти, ничуть не зацепившись. На какой-то миг возникла мысль, что во сне колючки были чисто символическими и, возможно, означали нечто совсем другое.

Вскоре показался валун. Подойдя ближе, Санах не услышал никакого гудения или жужжания. Щель на камне казалась обычной трещиной. Правда, на ощупь камень был явно теплее окружающего воздуха. Причём одинаково и на солнечной и теневой стороне. Кроме этого он ничем особенным не выделялся. Санах, однако, не стал делать поспешных выводов.

Судя по отсутствию натоптанных тропинок, эту местность практически никто не посещал. Следы, конечно, были. Пропавшую группу явно искали и кое-где виднелись свежие заломы на ветках, а земля возле камня была вся в следах от армейских ботинок. Но, так как группу не нашли, то и возвращения людей сюда можно было не ожидать.

Санах достал инструкцию по сбору палатки и углубился в изучение этого хитрого документа. Создавалось впечатление, что изначально подобные инструкции печатались исключительно для продвинутых туристов. К плохо нарисованной схеме прилагалось скудное описание, которое ещё больше запутывало, нежели помогало делу. Для начала Санах разложил

на земле все детали и, облокотившись на камень, внимательно разглядывал сей набор, поворачивая голову то вправо, то влево.

Внезапно камень сильно задрожал и стал излучать сильный жар.

« — Ну, началось!» — подумал Санах и отскочил подальше.

Как и во сне, щель на камне стала ярко разгораться, постепенно превращаясь в большое зеркало. В воздухе явно запахло озоном.

Санах не думал в этот момент о том, что у пришельцев, если они, конечно, появятся, могут быть не совсем мирные намерения. По натуре своей он сам был довольно миролюбивым и от других, чаще всего, ожидал того же.

Между тем зеркало перестало колыхаться, и наступила полная тишина. Ни ветра, ни птиц, только еле слышное гудение, которое отдавалось щекоткой под языком и где-то в копчике.

Затем раздался резкий хлопок и полыхнуло белым пламенем, а из камня на траву кубарем вылетели трое, один другого страннее. При этом они громко вопили, издавая неразборчивые звуки вперемешку со странными словами. Последним из камня вылетел тот самый белый пришелец. Пролетев через головы товарищей, он сшиб с ног Штыца, резко вскочил и что-то испуганно закричал. Тот, что был посмуглее спокойно подошёл к Санаху, поднял его на ноги, отряхнул от пыли и совершенно отчётливо признаёт:

— Buenos días, señor! Приветствую тебя, синий брат с неизвестной планеты!

Санах ошалело уставился на странных пришельцев и охрипшим голосом пробормотал:

— Здравствуйте.

— Опа! Да он по-нашему чешет, как родной! — обрадовался смуглый и широко улыбнулся, — Позволь представиться: Эдуардо Гонзалес, можно просто Эдик. А это мои товарищи: Гаша-пипл и натуральный, краснокожий шаман по кличке Мокасин Прыткий.

Санах почувствовал, как к горлу подкатил комок. В глазах потемнело, ноги подкосились, и он рухнул в траву, словно убитый наповал.

ГЛАВА 13.

Если очень сильно зажмуриться, да ещё крепко прижать ладони к глазам, то вскоре увидишь яркие и очень красивые радужные пятна. Они переливаются всеми цветами радуги, иногда превращаясь в причудливые фигуры. Что-то подобное плыло перед внутренним взором Санаха. Пятна вырастали из глубины, плавно покачиваясь и мерцая. Постепенно осталось только три пятна. Одно из них увеличилось в размере и будто приблизилось. В центре появилось отверстие, из которого донёлся глухой звук. Он был похож на дальние раскаты грома приближающейся грозы. Это сильно обеспокоило Санаха. Оставаться в грозу на улице было опасно. Грохот усилился. И вдруг что-то резко обожгло левую щеку. Голова мотнулась туда-сюда, а яркие пятна рассыпались на тысячи белых брызг. Он с трудом разлепил веки. Над ним склонилось три, явно человеческих, лица. Но что за маскарад? Почему они такие разноцветные? Постепенно в памяти всплыли последние события. Санах резко дёрнулся, и в глазах снова потемнело.

— Эй! Да не шугайся ты так. Свои, не обидим.

Эдик мягко, но решительно ухватил аборигена за плечи, чтобы тот не вскочил и не хлопнулся снова в обморок. Может, ещё по щекам приложить? Так, для профилактики? Хотя, похоже, что клиент прочухивается помаленьку.

Санах потряс головой, разгоняя дурноту, и огляделся вокруг. На него с любопытством смотрели трое пришельцев. Вид у них был совсем не агрессивный. Скорее наоборот. Этот смуглый, который назвался Гонзалесом, выглядел спокойным и уверенным. А вот белый, похоже, напуган не меньше самого Санаха. Третий имел странный красноватый оттенок кожи и немного сливался с окружающей растительностью. Лицо его было совершенно бесстрастным, как на древних статуях в музее Прошлого.

— Откуда вы знаете наш язык? — с трудом выдавил Штыц.

— Да кто ж не знает НАШЕГО языка! — рассмеялся Эдик, — Мы же не китайцы какие.

Санах тоже улыбнулся. Похоже, что эти пришельцы неплохие ребята. Во всяком случае, похищать они его явно не собирались, в лицо пистолетами не целились, а главное — вовсе не были чёрными монахами, которых так все боялись. Но, на всякий случай, он спросил:

— Вы, случайно, не встретили съёмочную группу, когда перемещались сюда?

— Не-а. Звёзды были, кольца сверкающие, взрывы там всякие, гул да свист, а группу не встречали. Может, их в другой туннель затянуло? Там их просто море!

— Хау! Скажи нам своё имя, о незнакомец, — с достоинством спросил Мокасин.

— Ах да, простите. Всё это так необычно, что я просто растерялся. Позвольте представиться: Санах Штыц, клерк.

— О! Санёк! Держи кардан, — протянул руку Эдик.

Санах вежливо пожал жилистую ладонь испанца, не совсем понимая: причём тут деталь автомобиля.

— Хай, пипл! Миру — мир и всё такое. Реасе! — сказал Гаша и немного потряс двумя пальцами в воздухе.

— Хау! Мы приветствуем тебя, о Синий Дух Красного Леса!

— Какой же я дух? — удивился Санах, — Я, вроде, живой ещё.

— А чего тогда такой синий? — уже не так пафосно спросил Мокасин.

— Да у нас все такие. Нормальный, естественный цвет.

— Ну, положим, для нас не совсем естественный. Но, ведь и мы не совсем на Земле, — резонно заметил Эдик. — Скажи-ка, Санёк, где это мы сейчас?

— Я рад приветствовать вас на планете Тана!

— И ты, будь здоров! Привет тебе с планеты Земля!

Возникла небольшая пауза. Как-то слишком официально всё прозвучало. Эдик задумчиво почесал затылок, подыскивая подходящие слова. Обстановку разрядил Гаша. Он уже перестал бояться и непринуждённо сказал:

— Эх, пожрать бы чего! Столько галактик отмахали и всё без обеда.

— О, конечно, конечно! Вы же теперь мои гости. Простите меня. Я совсем забыл правила хорошего тона, — смутился Санах.

— Эй, Санёк, да не парься ты так. Мы же не президенты какие, и даже не генералы. Будь проще!

— Да, конечно. Но... Э-э-э...

Эдик успокаивающе похлопал таянина по плечу и предложил вместе подумать про пищу и кров. Санах всплеснул руками, опять смутился, но быстро оправился. Вместе они взялись собирать палатку.

Эдик с интересом разглядывал странную конструкцию. В свёрнутом виде палатка занимала совсем мало места. Сам материал был очень тонким, но прочным и совершенно непрозрачным. Вместимость у неё оказалась с регулировкой. Можно было настроить на одного человека, а можно и на десятерых. Последнее никак не укладывалось в голове. Санах объяснил это нелинейной геометрией, но стало ещё непонятнее.

Однако палатку быстро установили, настроив на шесть человек, чтобы было просторнее. Внутри поставили небольшой, раскладной столик. Парни подумали, что сейчас Санах выкатит на стол какую-нибудь посудину с соответствующей жидкостью. Но посудина что-то не выкатывалась. Ну, что ж. Может здесь так не принято. Обед, как и положено, снарядились варить на открытом воздухе. Гаша кинулся, было, собирать хворост и пожухлую, бурую траву, но Санах испуганно его остановил.

— Нет-нет! Ни в коем случае! У нас запрещено жечь костры в лесу. Это очень опасно.

— Да чего тут опасного?

— Нет, вы не знаете. В нашей растительности очень много эфирных веществ. Получится не костёр, а настоящий пожар.

— А как же обед?

— Сейчас увидите.

Санах порылся в своём рюкзаке и вытащил небольшой бочонок. С виду обычная, стальная капсула. Половинка её была окрашена в красный цвет, а другая — в синий. Он поставил этот бочонок на серый квадратный лист из непонятного материала и нажал маленькую кнопку сбоку. Верхняя, красная сторона, тут же пожелтела. От бочонка явно повеяло жаром. Сверху Санах водрузил обычную кастрюлю, в которую налил воды и кинул брикет чего-то.

Парни с любопытством разглядывали симпатичный примус. Эдик предположил, что тот работает всё-таки не на батарейках, а на какой-нибудь химии, и оказался прав. Санах с удовольствием поведал о своём «вооружении».

Гаша смотрел на булькающую кастрюлю настороженно, помня о своей недавней брюшной революции. Хоть бабка Марфа и накормила супчиком из неизвестно кого, но всё же это было родное, земное блюдо. А что в этом брикете — непонятно. Может для них это хуже цианида будет. Он отвёл Эдика в сторонку и спросил:

— Как думаешь, не пронесёт нас от этого «обеда»?

— Да ты чё, пипл, нафига ему нас травить? Видишь, как человек старается! У него же на лбу написано, что это правильный пацан, и все дела.

— Да я не про то. Мы, ведь, не знаем, из чего это приготовлено. Может для наших организмов это чистейший яд?

— Ну и дурак же ты, патлатый. Какой нормальный человек станет добровольно отраву жрать? Пусть он даже трижды синий.

— Не знаю, не знаю.

— Спокуха! Сейчас всё разведем. Слышь, Санёк, а скажи-ка, пожалуйста, чего это такое ты варишь?

— Так это... Концентрат!

— Концентрат чего?

— Еды.

— Ну, то, что не спирта — это понятно. А из чего еда-то?

Санах наморщил лоб, пытаясь понять вопрос. Он как-то не задумывался о составе концентрата. Еда — она и есть еда. Никто и никогда особенно этим не интересовался. Производят его где-то на морских островах. Наверное, из морепродуктов и лепят. Главное, чтобы не было просрочено. А так вполне съедобная штука.

— Я думаю, что это растительная пища. С добавлением рыбы и ещё чего-нибудь водоплавающего. У нас никто об этом не спрашивает.

— Что, этикет не позволяет?

— Да нет. Просто никому это не интересно.

— Во дают! А если человек любит пожрать? Гурманы там всякие или жиртресы?

— Вы имеете в виду полных людей?

— Не просто полных, а жирных любителей сладко пожрать и крепко выпить.

— А, я понял вас. У нас это является болезнью. Причём очень редкой. Такое было сильно распространено лет двести назад. Сейчас чучела самых толстых людей планеты находятся в музее Прошлого.

При слове чучело Гаша невольно содрогнулся. Ладно, там, чучела животных или птиц, но чтобы из людей... Это как-то не гуманно. Какими бы уродливо-толстыми они не были.

— Это что, прямо вот так из людей и насушили статуек, да опилками нашпиговали?

— Нет-нет! Что вы! Обычные манекены из пластика, но в натуральную величину.

На душе у пипла полегчало. А Эдик заметил, что таких обормотов можно было бы и в натуре заспиртовать, да в стеклянных банках показывать. Санах ответил, что первоначально так и было сделано. Но вскоре огромные туши всё равно стали быстро разлагаться от обилия внутренних ядов. Поэтому их кремировали, а фигуры отлили из пластика. Так было проще и дешевле.

А в кастрюле уже аппетитно булькало. Из-под крышки доносился весьма приятный аромат. Гаша ещё некоторое время сомневался, но голод настойчиво стучался в стенки желудка, требуя удовлетворить себя немедленно. На крайняк у индейца найдётся какая-нибудь целебная травка. И если поноса не избежать, то хоть от голода не загнёшься.

Мокасин, между тем, внимательно прислушивался. Его настороженное ухо уловило далёкий рокот какой-то техники. Вскоре рокот смолк, но он чувствовал, что это неспроста. Индеец никак не мог сориентироваться. В этом странном лесу и впрямь очень сильно благоухало необычными запахами. Множество незнакомых звуков доносилось из-за красных деревьев. Среди них трудно было различить, где голоса животных и птиц, а где разговор местных Духов. Индеец прикинул, что с его цветом кожи он тут почти как человек-невидимка. Можно неплохо поохотиться. Хотя, скорее всего, зверьё здесь — тоже не дураки. Рядом с поляной их бродило во множестве, но ни одного из них индеец не смог разглядеть толком.

Вот опять что-то лязгнуло со стороны севера. Послышался тонкий свист. Он всё нарастал и приближался. Теперь уже и остальные расслышали этот странный звук. Санах вскочил на ноги и сильно побледнел. Он хотел что-то крикнуть, но не успел. Посреди поляны ярко полыхнуло багровым пламенем, а за ним раздался резкий хлопок, будто лопнул громадный воздушный шарик.

Людей разметало по земле, как сухие листья. В последний момент Эдик понял, что это была бомба-глушилка. Уши заложило сразу. Он хотел подняться на ноги, но с удивлением заметил, что не в силах пошевелить конечностями. Лёжа на земле в неуклюжей позе, он видел, как из-за кустов, словно зайцы, повыскакивали крепкие бойцы в красно-оранжевом камуфляже и ловко эдак покидали их всех вместе с Санахом в придачу на железные носилки.

Потом их долго несли через лес. Эдик угасающим сознанием цеплялся за предметы и группы деревьев, стараясь запомнить дорогу. Последнее, что он увидел, была колонна небольших военных транспортёров, тоже красно-оранжевой расцветки. Мелькнула мысль, что если он начнёт бредить, то эти brave парни вряд ли поймут что-нибудь по-испански. Это немного успокаивало. Правда, было всё-таки немного обидно, что он — старый разведчик — так глупо попался. Долгое житьё в глухой провинции притупило бдительность. Но почему шаман ничего не почувствовал? Ведь у него полно помощников-амулетов? Хотя надо отдать должное этим ребятам в камуфляже. Сработали чётко, по-военному. Так и должно быть. А иначе, какая ж это армия.

Санаха погрузили вместе со всеми. Он даже и не пытался сопротивляться. Бесплезно было объяснять, будто он тут случайно проходил мимо и всё такое. Скорее всего, за ним следили. Может, шеф настучал куда следует, а может, вся эта местность давно уже под колпаком у военных. Наверное, на службе будут большие неприятности.

Следом в кузов забросили шмотки Санаха, всё ещё тёплый примус и кастрюлю с недоваренным супом.

Хуже всего было Гаше. От голода и сильного испуга сами собой потекли сопля, которые невозможно было остановить. Правая скула дёргалась, норовя закинуть ухо на затылок, а в желудке кто-то водил острой щепкой, больно тыкая во все углы. От этого Гаша сильно кривился и морщился, но не мог даже застонать, голос тоже пропал.

Колонна ещё некоторое время постояла, а затем, не спеша, двинулась обратно в город. Ехали довольно долго. Эдик иногда приходил в сознание и в тонкие щели окон пытался разглядеть местность. Но видны были только ярко-оранжевое небо и редкие птицы. Чутьё подсказывало, что двигаются они всё время в одном направлении, куда-то на юго-запад. Это было хорошо. Похоже, что вояки не отличались особой бдительностью и даже не завязали пленникам глаза. Может, посчитали это излишним, уверенные в своей силе.

« — Ну, ничего, — подумал Эдик. — Мы ещё с вами поиграем в шпионов-разведчиков. Жаль, что Змея с нами нет, а то бы мы тут быстро шухер навели».

Но ни военные, ни, тем более, путешественники не знали, что за всеми их действиями из дупла огромного дерева следили два совершенно чёрных глаза. Когда колонна уехала, а оставшийся для охраны объекта небольшой отряд расслабился, с дерева прыгнула тёмная фигура, закутанная с головы до ног в красный плащ. Немного погодя, она прошмыгнула между кустами и исчезла, будто в землю провалилась. Двое охранников насторожились, было, но решили, что это какое-то животное и стали дальше с азартом резаться в карты.

ГЛАВА 14.

— Canalla! Всех урою, падлы! Жрать дайте, сволочи! — кипятился Эдик, пиная мягкую как вата дверь.

— Фигня это всё, — с отсутствующим видом промямлил Гаша, — Эти стены ничем не прошибёшь.

— Las basuras ratas! Эх, гранату бы сейчас, да побольше.

— Не поможет. Видал, как нас замуровали? Ни одной дырочки не заметно. Куда бы ты свою гранату запихал?

— Сказал бы я тебе, пипл, куда бы я её запихал, да боюсь, ты обидишься.

Пленники вот уже несколько часов откровенно маялись в квадратной комнате, больше похожей на дурку, чем на тюремный каземат. Стены, потолок и пол были обиты мягким, но прочным материалом. Рассеянный свет, казалось, проникал отовсюду, хотя ни одной лампочки не было видно. Через равные промежутки времени одна из панелей на стене отодвигалась в сторону, открывая толстое, чёрное стекло. Эдик несколько раз молотил в это стекло кулаком, подозревая, что за ним скрываются наблюдатели. При этом он зверски матерился, мешая

испанские и русские крепкие выражения. Однако даже если кто и наблюдал в это чёрное окошко, то ему было глубоко наплевать на «красноречие» Гонзалеса. На самом деле, это было вовсе не окно, а большой глаз видеокамеры. Наблюдатели располагались этажом выше и с любопытством разглядывали живописных пришельцев на огромном, во всю стену экране.

Наблюдателей было двое: профессор Зендер и генерал Шорк. Учёный, как и положено в таких случаях, был крайне возбуждён. Седые волосы «а ля герр Эйнштейн» топорщились в разные стороны, живя своей собственной жизнью, а в глазах профессора сверкали сумасшедшие искорки, придавая худощавому лицу с орлиным носом некоторую хищность.

Генерал напротив — выглядел совершенно невозмутимо. На вид ему было около шестидесяти. Он был подтянут, строг и только слегка морщился от неуёмной фантазии профессора. Предварительные анализы показали, что пришельцы не обладают каким-либо опасным оружием или смертельным вирусом. Однако следовало провести более тщательную проверку, прежде чем можно будет с пристрастием их допросить. А Зендер был готов хоть сейчас кинуться к ним в камеру и узнать всё-всё-всё.

— Господин генерал, вы только представьте себе: что, если эти пришельцы обладают огромными знаниями? Быть может, их цивилизация шагнула далеко вперёд по пути научного развития и опыт этих индивидуумов просто бесценен!

— Я думаю, вы несколько преувеличиваете, профессор. Судя по их внешнему виду, я бы не сказал, что они в чём-то превосходят нас. А вот этот смуглый, сдаётся мне, откровенно и грязно ругается.

— Может быть и так. Но они напуганы! Наш мир сильно отличается от того, что они привыкли видеть. Это заметно даже по их внешности. Такой цвет кожи может быть только в том случае, если их солнце ярко-жёлтого цвета. А значит, и природа и всё остальное выглядят совершенно по-другому!

Генерал задумчиво мям подбородак. Ему не давала покоя одна мысль: по его разумению, исследователи других миров должны были выглядеть более внушительно. Ну, хотя бы в какой-нибудь униформе, что ли. А эти субъекты похожи на обыкновенных туристов. Это и сбивало с толку. Как им удалось воспользоваться порталом и остаться в живых?

Про порталы военным было известно уже довольно давно. Ещё когда предпринимались попытки выловить чёрных монахов из их убежищ в Красной области. Тогда они впервые столкнулись со странными эффектами вблизи громадных валунов. Непонятным образом стали пропадать люди, а возле самих камней вся техника начинала барахлить и ломаться. За дело взялись учёные. Они-то и выяснили, что камень — не просто камень, а проход в другие измерения.

Впоследствии были обнаружены и другие похожие валуны. Всего на их планете, на данный момент, было найдено десять таких «проходов». Вот только проникнуть сквозь них никто из учёных и военных пока не решался. Разве что, отморозки-любители иногда исчезали, побродив рядом с порталом. Как и группа сумасбродных киношников, которых не успели вовремя перехватить. И вот теперь пожаловали гости с другой стороны. Все известные порталы военные тут же взяли под неусыпный контроль. Территории вокруг них были оцеплены, а прессе строго-настрого запретили, хоть мельком, упоминать о каких бы то ни было камнях размером больше кирпича.

— Как вы считаете, Зендер, они опасны?

— Наши анализы показали, что никакой новой заразы они к нам не занесли. Обычный набор микробов, такой же, как и у простого таянина. Это такие же люди, как и мы. Ну, разве что, немного отличаются цветом кожи, только и всего.

— А почему вы решили, что эти «обыкновенные» люди могут обладать какими-то сверх-знаниями?

— Этого я не утверждаю, — немного раздражённо ответил профессор, — Всё выяснится, когда вы дадите нам, учёным, поговорить с пришельцами.

— Не обижайтесь, Зендер. Скоро вам предоставят все полномочия, и вы сможете пообщаться с ними. А пока скажите мне, с какой вероятностью мы можем сами воспользоваться порталом, чтобы попасть в их мир, а затем вернуться обратно?

— Теоретически, тут нет ничего невозможного. Согласно нашим расчётам, каждый из камней связан с одним из множества миров. Если проходить сквозь один портал, то всегда будешь попадать в один и тот же мир. Чтобы вернуться обратно, нужно всего лишь войти в тот же камень, из которого вышел в том мире. Правда есть вероятность того, что существуют разные стороны света у прохода. Поэтому необходимо войти обратно чётко в нужном месте камня. Иначе можно попасть неизвестно куда, или когда.

— Что вы имеете в виду под словом «когда»?

— Есть мнение, что портал служит не только для перемещения в пространстве, но и во времени.

Генерал ещё сильнее наморщил лоб. Это была неожиданная новость. Ох уж эти учёные. Всё хитрят, да теории разводят. Перемещение во времени — это посильнее любого оружия будет. Главное — правильно им воспользоваться.

— Я попросил бы вас, Зендер, об этом пока не распространяться. Подготовьте мне отчёт и, по возможности, поменьше теории. Только практический аспект и всё, что необходимо для его реализации.

Генерал решительно встал и коротко кивнул профессору. Аудиенция была закончена. Шорк направился к двери, но у самого порога развернулся и спросил напоследок:

— Как вы думаете, профессор, чёрные монахи имеют отношение к этим порталам?

— Я считаю, что всё это выдумки. Нет никаких чёрных монахов. Вздор и глупые выдумки не менее глупых обывателей.

« — Ну-ну, — подумал генерал, — Твоё счастье, ботаник, что ты не встретился с ними. Пока».

Профессор проводил его взглядом, в котором сквозила плохо скрываемая усмешка.

« — Какие, всё-таки, недалёкие эти военные. Им лишь бы повоевать, да скрыть всё и от всех. Казалось бы: взрослый человек, генерал, а верит в каких-то призрачных монахов. Чёрных! Злых-презлых! Ой-ёй, спасите, помогите!».

Зендер даже слегка рассмеялся, но тут же оборвал себя. Предстояло провести ещё несколько важных опытов и проверок, прежде чем с пришельцами можно будет поговорить. Он закрыл глаз видеокамеры, чуть не прищемив испанский нос Эдика. Тот, как заправский тореро, отпрянул от чёрного окна и разразился грозными проклятиями.

— Не, ну ты видал, а? Вот уроды! Los carneros. Canalla!

— Остынь камрад, — пробормотал Гаша. От голода у него звенело в ушах, и каждый возглас Эдика больно задевал некую струнку между ними.

— Тамбовский волчара тебе камрад! Никогда не называй меня так. Гаша пожал плечами.

— Извини, друг, я не хотел тебя обидеть, — сказал Гаша, и в голосе его было столько безысходности, что испанцу стало жаль пипла. Чем-то он напомнил ему ослика Иа.

— Ладно, amigo, не унывай. Что-нибудь придумаем.

Всё это время индеец сидел в углу комнаты и внешне был совершенно спокоен. А чего переживать? Это, всё же, не застенок в полицейском участке его маленького городка. Там бы его судьба была предрешена заранее. А тут ещё ничего не известно. Сразу не грохнули, значит, зачем-то они ещё нужны. Зачем же раньше времени обламываться? Вот только странность одна немного беспокоила: почему-то совершенно не слышно было Духов. Никаких. Сумку у него отобрали сразу. Но это всё ерунда. Если понадобится, то своих Помощников он вызовет и на расстоянии. Хотя теперь он не был столь уверен в этом. Стены комнаты были не только мягкими и прочными. Они ещё и экранировали. Сколько индеец не прислушивался, никак не мог услышать хоть что-нибудь. От этого он постепенно становился всё мрачнее и мрачнее.

Санах пребывал в прострации. Столько нереальных событий за короткий промежуток времени. Простому клерку такое и в страшном сне никогда не приснится. Иногда он дёргал себя за нос, надеясь вырваться из объятий Морфея, но что-то сон никак не хотел кончаться. Соседи по камере казались призраками. Они о чём-то разговаривали. Санах слышал лишь гласные звуки. Это было немного смешно. На его лице застыла гримаса человека, который, мучаясь запором, пытается улыбаться. Какой-то лёгкой пылинкой пронеслась мысль, что лучше бы он сразу поехал на юг. Там сейчас хорошо. Море плещется. Стройные женщины в бикини гуляют туда-сюда. Почему-то стало горько оттого, что он до сих пор не женат. Раньше его это почти не занимало, а тут вдруг заплющило.

Внезапно раздался щелчок, и в одной из стен появилась дверь. Эдик мог на чём угодно поклясться, что это место он трижды проверил, но не увидел и намёка на щель. Он даже немного зауживал противника.

За дверью было совершенно темно. Послышался низкий, жужжащий звук. Эдик подумал, что сейчас их опять уложат бомбой-глушилкой, но ошибся. Из темноты показалась небольшая тележка на колёсиках. Из тех, что используются стюардессами в самолётах для развозки пищи. На тележке стояла кастрюля Санаха с супом и ещё какие-то горшочки и плошки. На нижней полке располагались стопка тарелок и несколько кружек.

— Ур-р-ра! Баланда прибыла! — радостно завопил Эдик, — Давно бы так, а то мучают честных путешественников голодом, будто мы варвары какие. Налетай, братва!

Эдик ухватился за половник и, как заправский повар на раздаче, наплескал в тарелки густого варева. На вид супчик был бурый и страшненький, но пахнул весьма соблазнительно. Хлеба не было, зато в низкой плоской ровной стопочкой лежало нечто, похожее на галеты. В других горшочках также была еда. Неказистая на вид, но довольно вкусная и питательная.

Пленники сгрудились вокруг тележки и молча стали набивать брюхо, мало заботясь о последующем переваривании пищи и глотая кусками. Правда, индеец отнёсся к этому делу более обстоятельно. Как шаман, он весьма хорошо представлял себе последствия от несварения желудка. А так как сумки с лечебными травами у него не было, то и рисковать не стоило.

После еды неумолимо потянуло в сон. Может, от долгого воздержания, а может, и подсыпали чего в компот. Приятели повалились прямо вокруг кастрюли с остатками супа, и вскоре в камере раздался дружный храп.

Санах тоненько сопел рядом, смирившись с участью пленника. Эдик во сне тревожно вскрикивал по-испански и грозился кулаком. Индеец как сидел со скрещенными ногами, так и уснул, сохраняя позу.

А пипл спал в обнимку со стулом, иногда постанывая и прячась за спинкой. Ему опять снились два зловредных мужика. Они гнались за Гашей по длинным коридорам. Стены и пол пружинили и замедляли движение. От этого становилось ещё страшнее. Почему-то возникла странная мысль: каким образом эти гады просочились в другой мир? И почему вдруг рожи у них стали синие-пресиние? Гаша бежал, спотыкаясь и отмахиваясь табуреткой. Это плохо помогало. Мужики постепенно настигали. Из чёрных ртов показались ярко-красные клыки, как у саблезубых тигров из какого-то мультика. Пипл хотел заорать благим матом, но в горле запершило. Из груди вырывались лишь хриплые, прерывистые звуки, больше похожие на клокочущий пар в чайнике. Наконец, Гаша споткнулся и медленно повалился во что-то вязкое и душное, словно вата.

« — Эк я бестолково свою лайфу просадил, аж обидно! » — подумалось напоследок.

Но оказалось, что это ещё не конец. Гаша зажмурился, ожидая когда в шею ему вопьются злодейские кровопивцы, но внезапно почувствовал мощный рывок за шкварник, а затем с невыносимой скоростью переместился в свою родную деревню. Он с удивлением озирался по сторонам и потихоньку ошизевал от таких пертурбаций. В доме всё было так, как они и оставили перед отъездом. Даже невымытые кружки из-под чая стояли на своём месте, а на дне темнела, не успевшая высохнуть, заварка. На печке валялись два беспризорных кота, которые в отсутствие хозяев решили некоторое время пожить здесь. Они тоже немного ошарашено посмотрели на Гашу, но потом решили, что он призрак, и потеряли всякий интерес.

Пипл стоял посреди кухни, не зная, чем заняться. И где теперь его друзья? В плену у синих? Или всё это бред, а они никуда и не улетали вовсе? Может, индеец на этот раз немного переборщил с трубкой, и теперь его глючит по полной программе? Вопросы теснились в голове, не находя ответов и лишь ещё больше запутывая восприятие окружающего мира.

За спиной раздалось вежливое покашливание, от которого Гаша подскочил, как ужаленный. Он резко обернулся и не поверил собственным глазам. Всего в двух шагах от него стоял гуру Дима и тихонько посмеивался.

— Учитель!

— Дык ёлы-палы! Только не учитель, а просто Дима. Ты забыл?

— Прости, я так испугался. Но как ты меня нашёл? И как я вообще тут оказался?

— Ну, найти тебя было не трудно. Ты так силялся меня позвать, что даже мои ученики услышали.

— Но я не помню этого!

— Неважно. Ты опять убежал от своих вампиров. И кстати, почему тебя так удивляет это место?

Гаша нерешительно оглянулся. Ну да. Это точно их дом. Вот и сундук с книгами стоит в углу. Но ведь они уехали отсюда несколько дней назад, а потом и вовсе перенеслись в другое измерение.

— В этом нет ничего странного, — словно прочитал его мысли Дима, — Во сне можно легко переместиться в любую точку пространства и времени. Кстати, где вы сейчас?

— А хрен его знает. В каком-то странном мире синих людей и красных деревьев. Насчёт возврата полный атас. Повязали нас почти сразу синерожие командос в красном лесу и держат теперь в дурке.

— А, знаю. Был я как-то в этом мире. То ли Тана, то ли Танос. Не помню толком. Ничего интересного. Люди с синей кожей. В основном снобы и трудоголики. Флора и фауна красного и оранжевого цвета. Банально и ничего стоящего. Значит, камень переместил вас туда. Ну-ну. Стало быть, вопрос только в том, как вам сбежать от синих и добраться до камня. Всё усложняется тем, что камень теперь усиленно охраняется. Тут я вам ничем помочь не смогу. Разбирайтесь сами. Ты мерцаешь. Наверное, сейчас проснёшься.

— Постой, так значит я опять во сне? — вдруг дошло до Гаши.

— Конечно, во сне. Неужели ты ещё не понял?

— Блин, а ведь и правда. Как я сам не догадался.

— Это дело привычки. Но ты этим не злоупотребляй. Я тебя уже предупреждал.

— Да, я помню. Опять эти вампиры! Я думал, что сейчас мне наступит the end.

— Ты забыл про оберег. Где он?

Гаша вспомнил про пуговицу и стал растерянно шарить по карманам. Пуговицы нигде не было. Он жалобно посмотрел на Диму. Тот рассмеялся и хлопнул Гашу по плечу.

— Чудак человек! Ведь твоё тело сейчас там, в другом мире. Тебе вовсе не надо рыться в своих призрачных карманах. Просто подумай об объекте, и он появится у тебя в руке.

Гаша представил чёрную, с четырьмя дырочками пуговицу и посмотрел на ладонь. Вот же она! Сияет, как новая. От пуговицы исходило тепло и какое-то странное свечение. Он прижал оберег к груди, с благодарностью посмотрев на гуру. Дима кивнул и исчез, а Гаша услышал резкий свист в ушах, постепенно ставший совершенно невыносимым. Его закружило и понесло сквозь серебристые тоннели к яркой точке. Точка росла и ширилась. Свет её стал ослепительно белым, хотя глазам не было больно. В последний момент Гаша сильно стукнулся обо что-то

лбом и проснулся. Оказалось, что это стул, который он обнимал, выскользнул из рук и, падая, крепко приложился к Гашиной голове, чуть не набив шишку. В глазах сильно двоилось, как с хорошей балды, а весь пипловский организм заметно подташнивало.

— Эни бади меня лукает?

— *Ciertamente, amigo!* Куда ж ты от нас денешься! — весело ответил Эдик.

Пленники давно уже проснулись и теперь с интересом наблюдали, как Гаша во сне о чём-то бормотал, будто с кем-то разговаривал, и корчил при этом невыносимые гримасы.

— Ты чё, опять с Союзниками бился? — подначивал Эдик.

— Ага, тебе всё шуточки, а я, между прочим, во сне гуру видел.

— Круто! Это такой: с заплывшей рожей и в валенках на босу ногу?

— Сам ты в валенках, — обиделся Гаша. — Френда нашего, Диму видел. Он, кстати, бывал уже в этих краях и сказал, что тут вообще беспонтово. А портал теперь милитаристы постоянно стерегут. Так что, смыться отсюда фиг получится.

— Ну, это мы ещё посмотрим. Нам бы из этого заведения выбраться, да оружие какое-нибудь раздобыть, а там пусть попробуют меня снова застать врасплох. Я им такую войнушку устрою, на целую киношную эпопею хватит.

Тут освещение в комнате сменилось на тёмно-красное, а одна из стен плавно отъехала в сторону, открыв небольшой проход в тёмный коридор. В кутузку, как горох, посыпались солдаты с короткими стволами наперевес. У Эдика аж глаза разбежались: столько их набилось в маленькую комнатку. Из толпы важно вырuling коренастый боец с внушительным аксельбантом на правом плече и коротко бросил:

— Санах Штыц, на выход.

— Эй, командир, остынь. Зачем же сразу к стенке? — попытался вмешаться Эдик.

— А никто и не собирается вас расстреливать, — великодушно ответил коренастый, — Пока лишь допрос с пристрастием. Хотя будь моя воля, я бы вас ещё в лесу положил. Не нравитесь вы мне, во как! — и медленно провёл большим пальцем по горлу.

Гаша судорожно сглотнул и сильно побледнел. Эдик же набычил глаз, решив про себя, что этого коренастого, в случае чего, он оставит напоследок.

ГЛАВА 15.

Какими, порой, удивительными и совершенно неожиданными бывают перемены в жизни простого обывателя! Вот он незаметно существует, ходит вовремя на работу, женится на такой же незаметной и тихой девушке. Затем у них появляется ничем не выдающееся потомство. На праздники они готовят незатейливое угощение и приглашают таких же незаметных соседей. И так из года в год. Ничего не меняется, ничего не происходит. Но вдруг что-то — р-р-аз! И мир вдребезги! Разбивается на тысячи кусочков, и ни один из них невозможно ухватить и разглядеть нормально, чтобы понять: где ты и что с тобой происходит.

Примерно такие сумбурные мысли теснились в голове Санаха, пока он шёл на первый в своей жизни настоящий допрос. Ноги предательски дрожали и подкашивались. Перед глазами вставала жуткая картина пыточной камеры из музея Прошлого с не менее жуткими приспособлениями для этого малоприятного занятия.

Однако всё оказалось гораздо проще и обыденнее. Его привели в просторный светлый зал. Никто не грел на огне ужасные железки и не клацал щипцами для вырывания ногтей. В центре зала стоял узкий стол, за которым сидели три человека, а на небольшом удалении от него стоял обыкновенный стул с высокой спинкой. Санаха усадили на этот стул, и начался допрос, больше похожий на обычную беседу.

— Назовите ваше имя и род занятий, — внушительно произнёс генерал.

— Санах Штыц, клерк из Агентства Прямых Поставок.

— Каким образом вы узнали о портале?

— Простите, о чём?

— Не прикидывайтесь! Мы всё про вас знаем. Ваш начальник своевременно доложил нам о вашем разговоре с ним и особо подчеркнул, что доверять вам нельзя совершенно.

« — Вот падла, — подумал Санах, — Ведь наверняка сразу настучал! Может, из-за этого нас так быстро и повязали», — а в слух сказал:

— Вы имеете в виду камень? Так ведь об этом ещё по телевидению передавали.

— Когда? Этого не может быть! — всполошился генерал и с тревогой посмотрел на советника по секретной части. То успокаивающе похлопал ладонью по своей толстой папке и в полголоса что-то сказал генералу на ухо.

— Ах, это. Ну, это не серьёзно. Вы, ведь, взрослый человек, а верите бестолковым передачам, вроде этой, как её, «Непознанное и что-то там ещё...». Неужели вы так сразу во всё это поверили? Может, вы от нас что-то скрываете?

— Разумеется, я не придавал вначале никакого значения словам диктора, когда он таинственным голосом вещал про параллельные миры и всё такое. Поверьте, до недавнего времени я был обыкновенным образцовым служащим, и вовсе не помышлял о путешествиях в другие миры и всё такое. И передачу эту я смотрел так, для развлечения. Но вскоре я узнал из программы новостей, что съёмочная группа, которая снимала этот камень, таинственно исчезла. Я бы и этому не придавал значения: мало ли что говорят и пишут в новостях. Однако вскоре мне стали сниться странные сны, в которых я был рядом с этим камнем и наблюдал удивительные вещи.

— Какие, например?

— Разноцветное яркое свечение. Вибрации, гул и другие странные звуки. А однажды, когда я прикоснулся к нему во сне, меня с громким хлопком отбросило, да так, что я свалился со своей постели.

— Почему же вы, всё-таки, решились поехать к этому камню, да ещё всех обманули, сказав, что едете в отпуск на юг?

— А что, по вашему, я должен был сказать своему шефу? Что еду путешествовать в другое измерение и попросить накинуть отпускных побольше? — раздражённо спросил Санах.

— Не надо нервничать. Мы лишь хотим понять и помочь вам.

— Ну да, как же. Арестовали меня тоже, чтобы помочь?

— Это была вынужденная мера. К тому же, вы не арестованы, а задержаны. Для выяснения. Вы же должны понимать: пришельцы могут быть очень опасны. Мы, вот, не знаем ещё, чем они могли вас заразить, или внушить вам какие-то свои вредные идеи.

Тут Санах понял, что всё это время поблёскивало у него перед глазами: между ним и «инквизиторами» находилась прозрачная стена, пропускавшая звуки и являвшаяся прочным барьером для всевозможных микробов и прочей заразы.

— Значит, вы считаете меня заразным, — упавшим голосом констатировал Санах.

— Повторяю: мы этого ещё не знаем. Но вы не ответили на вопрос.

— Какое это теперь имеет значение?

— Позвольте нам решать: что имеет значение, а что не имеет.

— Ну, в общем, сны стали повторяться каждую ночь, и однажды я увидел, как из камня появились странные люди. У них был необычный цвет кожи, да и вообще выглядели они более чем странно. Я решил, что это знак, чтобы я поехал туда и выяснил всё на месте. Дальше, я думаю, вы знаете.

— Странно всё это. Вот вы сами говорите, что были прилежным работником, ни о чём «таком» не помышляли. Как же вы решились на это опасное приключение?

— Если бы вы, уважаемый, каждую ночь видели один и тот же сон и падали с кровати, то, скорее всего, тоже решились бы на такой шаг.

— Отнюдь. Я бы обратился к психиатру. И это было бы более правильно, — заметил генерал и нахмурился.

Получалось, что этот Штыц совершенно случайно раскрыл их секреты, и что теперь с ним делать не понятно. Отпускать нельзя категорически. Но и держать его не было особого смысла. Только ради того, чтобы он не разболтал всем о своём «открытии» и не мучил народ. Вряд ли он что-то знает о пришельцах. А ещё лучше оставить его вместе с ними в одной камере. Может, они успели подружиться, и его вполне можно будет использовать в качестве шпиона?

Тут оживился профессор. Видя, что генерал надолго задумался, он решил сам «попытать» клерка.

— А скажите-ка нам, сударь, как вы узнали, что едят эти, так называемые, пришельцы? Вы ведь хотели накормить их, не правда ли?

— Да ничего я не узнавал. Просто предложил пообедать, и они согласились.

— Так вот сразу и согласились? — подозрительно спросил Зендер.

— А что тут такого? Если бы вы сильно проголодались, вы бы стали спрашивать, чем вас кормят?

— Но согласитесь, это же существа из другого мира! Неужели они не боялись отравиться?!

— Этого я не знаю. Хотя мне совсем не понятно, как можно отравиться обычной едой?

— Хорошо, предположим, что они полагались на свой страх и риск. Но что они вам сказали при первой встрече?

— Это я смутно помню, так как был некоторое время в обмороке.

— Ага! Значит, они на вас, всё-таки, чем-то воздействовали, если вы потеряли сознание?

— Нет, скорее всего, я просто испугался.

Профессор сразу как-то сник. Гипотеза о психотропном воздействии не прокатывала.

— Ну, хоть что-нибудь вы помните?

Санах наморщил лоб, пытаясь воссоздать детали встречи, но оказалось, что вспоминать то и нечего. Они даже и поговорить толком ни о чём не успели, так как их почти сразу накрыли ребята в камуфляже. А потом, в камере, было не до разговоров. Это ещё больше расстроило профессора.

Тем временем, генерал с советником что-то тихо обсудили между собой и вынесли вердикт:

— Санах Штыц! Военное командование приняло решение: до выяснения всех обстоятельств, вы обязаны оставаться рядом с пришельцами и информировать нас о намерениях последних, если они вдруг станут вам каким-либо образом известны (в этом месте генерал выразительно посмотрел на клерка, чтобы тот правильно его понял). Так же вам надлежит, как можно больше, узнать о привычках, образе жизни и политических взглядах сих субъектов. Особое внимание следует уделить их военному потенциалу. Прямо об этом не спрашивать. Если только вдруг возникнет разговор на эту тему. А возникнуть он должен непременно. И чем раньше, тем лучше. Вам всё понятно?

Санах тяжело вздохнул. А чего ещё можно было ожидать? Хорошо ещё, что так легко отделался. Могло быть хуже. Он понуро кивнул и шмыгнул носом.

— Не стоит так расстраиваться. Вы же хотели приключений. Считайте, что это и есть то самое приключение. Можете всегда рассчитывать на нашу поддержку. Если возникнет нештатная ситуация, мы сразу изолируем вас от пришельцев и обеспечим полную безопасность. Вы должны понимать, какое ответственное задание мы вам доверяем. Не каждому клерку в нашем государстве выпадает такая честь. Вы это понимаете?

— Да уж куда понятнее. Я согласен. Делайте из меня шпиона.

— Не надо ёрничать. Дело сугубо серьёзное. А сейчас с вами хотела бы встретиться одна особа. Вы не против?

Санах удивлённо уставился на генерала. Нет, тот не шутил. Но кто вдруг захотел его видеть, да ещё в таком месте? Он согласно кивнул. Все трое «инквизиторов» удалились, а в комнату впорхнула секретарша Мийя. Санах обомлел и сразу потерял дар речи. Красавица Мийя была вся в слезах. Тушь текла по щекам, придавая лицу особую трагичность.

— Милый, — причитала секретарша, — Что они с тобой сделали? Почему ты здесь? Что случилось?

Сердце Санаха сжалось. Он никогда и не подозревал, что симпатичная секретарша питает к нему какие-то чувства. Это было столь неожиданно, что клерк растерялся и невнятно бормотал что-то вроде:

— Н-н-не знаю... Э-э-э... Я это, того... Зачем вы? Не плачьте, пожалуйста. Всё... Всё в порядке. Я жив и здоров. Всё хорошо. Но почему вы так расстроены?

Мийя подошла вплотную к самой перегородке и пристально посмотрела в глаза Санаха. От этого взгляда он вздрогнул, как от прохладного ветра, который одновременно был обжигающе горячим. Внезапно его потрясла сумасшедшая догадка: эта замечательная девушка любит его! Причём, любит давно и сильно, а он просто тормоз. «Чиста ручник!», вспомнил он, услышанное недавно, выражение от смуглого пришельца. Это так потрясло клерка, что даже в груди его как-то сильно защемило, а на глаза навернулись слёзы.

Они так и стояли у разделяющей комнату перегородки, глядя сквозь слёзы в глаза друг друга, и молчали. Им не нужно было слов. Всё было и так ясно. Санах понял, что его уже уволили. Причём, без выходного пособия. Шеф от страха чуть инфаркт не словил, когда к нему в кабинет пожаловали люди в военной форме. Мийя подслушала их разговор по интеркому. Она очень испугалась за Штыца, так как подумала, что это его поймали неизвестные враги и держат где-то в застенках. Потом она через одну знакомую узнала, что военные за что-то арестовали Санаха, и выбила разрешение на свидание с ним, объявив себя его невестой. Её долго не пускали к нему, объясняя тем, что это опасно и можно заразиться неизвестными микробами. Она не отступала и подключила к делу своего влиятельного дядю из военного министерства. Тот неохотно, но всё же посодействовал. Только честно предупредил, что если она на самом деле собирается выйти за этого клерка замуж, то ей придётся смириться с тем, что хорошей работы тому будет уже не найти, а это всегда плохо. Её это не остановило. Да и как можно бросить Санаха, если она его любит? Дядя лишь пожал плечами, а затем позвонил куда следует. На следующий день ей, наконец, разрешили встретиться с любимым. Мийе даже в голову не приходило, как воспримет Санах её неожиданное признание. Но оказалось, что он так же влюблён в неё и, похоже, так же давно. Сердце Мийи пело.

Она немного успокоилась, увидев, что её возлюбленный цел и невредим. Судорожно вздохнув, она вытерла слёзы платочком, размазывая остатки туши, а затем, уже более спокойно, произнесла:

— Мне сказали, что тебе придётся ещё некоторое время побыть в карантине. Я буду ждать тебя. Возвращайся скорее. Мне всё равно, что думает о тебе шеф, что думают другие. Я люблю тебя, и буду ждать столько, сколько понадобится.

— Да, милая! Я тоже люблю тебя. Какой же я болван, что понял это только теперь! Я обязательно вернусь, слышишь? Мы будем вместе! Я найду новую работу, и мы уедем из этого города далеко-далеко. Ты веришь мне?

— Да милый!

Прозвучала короткая сирена, означавшая конец свидания. Свет в той половине комнаты, где находилась Мийя, померк. Санах пытался разглядеть в сумраке любимый образ, но барьер стал совершенно непроницаем, как выключенный телевизор. Вскоре за ним пришли конвоиры и повели назад в камеру. Обрато он шёл уже гораздо веселее, ощущая в груди какую-то странную наполненность и благодать. Это придавало сил. Хотелось даже подпрыгнуть с воинственным воплем, но он сдержался, решив, что его могут неправильно понять и, чего доброго, приложат чем-нибудь тяжёлым по голове.

В камеру он вошёл бодрым шагом. Путешественники напряжённо ожидали его возвращения. Гаша был на грани истерики. Его тоже никогда в жизни ещё по-настоящему не допрашивали, не считая нескольких попаданий в «обезьянник». Индеец оставался, с виду, совершенно спокоен. Не пристало шаману нервничать по пустякам. А Эдик экстренно вспоминал приёмы обезболивания и всяческие шпионские секреты. Он знал слишком много, а военные — ребята не простые. С ними нужно быть предельно внимательным, чтобы не проколоться на какой-нибудь ерунде.

Увидев сияющего Санаха, парни несколько опешили. Эдик даже подумал, что того накачали какой-нибудь наркотой. Но глаза у клерка были ясные, движения вполне адекватные и не похоже, чтобы его колбасило. Что-то здесь не так.

— Ну, что? Пытали? — со страхом спросил Гаша.

— Нет. Поспрашивали только немного о том, о сём.

— Ты давай конкретнее излагай, amigo. Чё было? — сурово спросил Эдик.

— Да я же говорю, задали только несколько вопросов: как узнал про камень, зачем поехал туда, о чём с вами успел поговорить, и всё. Ещё спросили, чем вы питаетесь.

— А чего это ты такой довольный, а? С допросов такими не возвращаются.

— Так ведь ко мне девушка на свидание приходила! — заулыбался Санах и пофиолетовел.

Эдик озадаченно почесал затылок. Выходило, что вояки не такие уж и звери. Хотя этот *epanorado* всё-таки их земляк, и они могли отнестись к нему более-менее снисходительно. Расслабляться вовсе не стоило. К тому же, про девушку клерк мог и наврать. Мало ли чем ему там мозги промыли. Может, это всё гипнотическое внушение. Ещё не известно, какие установки в него зарядили. Вот проснётся ночью и давай всех душить по-тихому.

Был у Гонзалеса уже такой случай:

Забросили их как-то целой командой в тыл к неприятелю. Задача стояла простая: вынудить местного царька уступить трон нужному человеку по-хорошему, а в случае отказа всех покрошить в мелкую стружку и быстро исчезнуть. Всё шло по плану. Царёк оказался парнем сговорчивым и за приличную сумму в американской «капусте» в тот же день свалил из страны в неизвестном направлении. Утром за командой Гонзалеса должен был прилететь небольшой вертолёт. Ребята повалились спать в маленькой избушке на краю саванны, а на утро никто из них не проснулся, так как с перерезанным горлом просыпаться не интересно. В живых остался только Эдик. Ему просто удивительно повезло. Накануне вечером он обожрался какой-то наливки у местного знахаря, а ночью его конкретно пронесло. Поэтому почти всё время он находился на толчке, не смея даже на минуту отойти. Только к утру понос более-менее

прекратился, и Эдик вернулся в домик. То, что он там увидел, было, конечно же, ужасно. Жаль хороших парней.

Гонзалес быстро вычислил, чьих это рук дело. Он с самого начала подозревал, что некий весельчак по кличке Бритва был внедрён в их отряд не просто так. Оказалось, ему сразу была дана команда: при любом окончании дела группу уничтожить, а следы замести. Бывший царёк тоже далеко не ушёл. Его вскоре обнаружили в качестве утопленника в колодце соседней деревни. Естественно без денег. Эдику даже повезло вдвойне. Бритва не знал всех ребят в лицо. Гонзалес тогда вообще старался быть неприметным и держался всегда в тени. Ночью, когда вдруг сильно придавило клапан в заднице, он тихонько пробрался в сортир и даже там старался, по возможности, сильно не шуметь. Бритва не догадался проверить отхожее место, а зря. Глядя на трупы друзей, Эдик поклялся отомстить, и вскоре ему представился удобный случай.

Зная, что вертолёт уже не прилетит, Эдик не стал дожидаться, когда разгневанные соратники свергнутого царька опомнятся и примчатся со своими луками и копьями. Он вывел из сарая лошадь и припустил галопом через саванну в ближайший крупный город. Там было легче затеряться, а затем уж как-нибудь вернуться на родину.

Остановился он в замызганном гадюжнике, мало похожем на гостиницу. Но это было даже к лучшему: вряд ли его станут здесь искать. И надо же такому случиться, что какое-то десятое чутьё привело его именно в это место! Всего за пару часов до него здесь же поселился и Бритва, только этажом ниже. Причём, его комната находилась точно под комнатой Гонзалеса. Эдик даже поперхнулся от неожиданности, когда вышел на балкон, попивая тёплое пиво, и увидел внизу знакомую фигуру. Бритва стоял в одних шортах и в своей любимой чёрной шляпе «а ля ковбой Мальборо».

Эдик отпрянул от края балкона, лихорадочно соображая, как прищучить убийцу. План родился сам собой. Вряд ли Бритва слиняет в ближайшее время из гостиницы. Скорее всего, он тоже будет некоторое время пережидать, пока всё успокоится. Поэтому можно было не спешить и хорошенько подготовиться. Можно, конечно, сразу прыгнуть сверху и свернуть шею ублюдку, но тогда Бритва не успел бы ничего понять и помучиться напоследок. Ну, уж не-е-ет. Следовало придумать что-нибудь поинтереснее.

Эдик на цыпочках вернулся в комнату, стараясь не наступать на, торчащие в разные стороны, скрипучие половицы. Пол всё равно предательски поскрипывал, и это действовало на нервы. Гонзалес весь покрылся испариной, пока добрался до туалета.

— Бритва, говоришь, — зловеще прошептал он, — Ну-ну, будет тебе бритва, *canalla rata*. По всей твоей поганой роже.

Из бачка унитаза он достал любимую «Беретту», завернутую в непромокаемый пакет. Это так, на всякий случай. На полке лежала складная бритва, тускло отсвечивая матовым лезвием. Эдик даже не стал проверять, насколько она острая. Для дела всё равно сгодится. Он вынул из пакета пушку и положил её во внутренний карман. Теперь предстояло дожидаться ночи. Он уселся в кресло напротив окна и стал терпеливо ждать. Перед внутренним взором проплывали лица товарищей, подло порезанных Бритвой. Они хмуро смотрели на Эдика, требуя отмщения немедленно. Испанец едва заметно кивал головой и просил немного потерпеть. Время текло неспешно и тягуче.

В какой-то момент Эдик задремал, разморенный полуденной жарой. Сквозь дрему он увидел свой родной город. Это был небольшой городишко на севере Испании. Семья Гонзалесов не была зажиточной. Из десяти братьев только Эдику удалось подвизаться на

серьёзной государственной службе. Остальные братья пахали землю или работали на небольшой фабрике по производству сомбреро.

Во сне Эдик стоял на окраине города и пристально вглядывался в пыльное облако, которое стремительно приближалось со стороны фабрики. Это было странно. Может, сено кто разворошил? Нет, облако было почти чёрным. В центре яркими сполохами пробегали короткие молнии, хотя грома слышно не было. Вот оно почти достигло окраины города, зависнув прямо над головой испанца. Эдик слегка струхнул, но только слегка. Не пристало профессиональному шпиону бояться какой-то там грозы. В центре облака образовалось круглое отверстие, в котором сияло ярко-голубое небо. Затем появился блистающий Лик, на который было больно смотреть. Эдик сильно прищурился, прикрывая глаза рукой. Некоторое время было совсем тихо, как вдруг раздался оглушительный грохот, и светлый Лик внушительно произнёс:

— Что ты задумал, приятель!?

— О чём это вы? — с трудом выдавил Эдик. Почему-то голос ему плохо повиновался.

— Не пытайся обмануть Меня! Ты, ведь, знаешь, кто Я.

— Догадываюсь.

— Тем лучше. Оставь свою затею и возвращайся домой к братьям.

— Но я должен отомстить за своих друзей!

— Мечь не самое лучшее лекарство для души. Ты не должен уподобляться этому уроду Бритве. Он своё ещё получит. Верь Мне!

Эдик растерялся, не зная, что ответить. Перечить Лику не имело смысла, и он это хорошо понимал. Но и отступить он не привык. Что же делать? Как поступить?

Между тем, облако стало совсем чёрным, а молнии били прямо в землю, обжигая пятки. Эдик бросился бежать, уворачиваясь от шипящих разрядов. Пару раз его било прямо в макушку, от чего миллиарды иголок впивались во всё тело, однако каким-то странным образом он оставался жив. Третий удар был гораздо сильнее и прошёл насквозь, да так, что Эдик почувствовал все уголки своего тела. И даже те, которых он никогда раньше не ощущал, включая всевозможные внутренности.

Очнулся испанец весь в холодном поту, несмотря на жару. Всё тело сотрясала мелкая и противная дрожь. Постепенно дыхание выровнялось, и Эдик успокоился. Перед окном вяло покачивалась полупрозрачная рваная занавеска, от чего по комнате разбежались солнечные зайчики. Видимо они и привиделись во сне, как зловещие молнии. Однако что-то в груди невнятно давило. Может, заразу какую подхватил? В этих местах это запросто. Эдик порылся в карманах, вытащил пачку спец-таблеток и проглотил сразу пять или шесть штук. Должно помочь. Постепенно дрожь унялась, а давление в груди превратилось в некое странное неудобство. Будто кто-то маленький вертелся с боку на бок, и не мог уснуть.

Не обращая внимания на необычные симптомы, Гонзалес легко поужинал и сел медитировать, отгоняя все мысли и сосредотачиваясь на предстоящем деле. До наступления темноты оставалось около двух часов. Мысли медленно таяли, исчезая в призрачном тумане перед глазами. И лишь одна из них никак не хотела уходить. Она появлялась снова и снова, принося с собой тревогу. Эдик позволил ей проявиться и опять увидел суровый Лик, который

на этот раз просто погрозил пальцем. Однако выглядело это достаточно внушительно. Испанец мысленно задал вопрос и незамедлительно получил ответ. Решение пришло совершенно неожиданное: он оставит шпионскую службу и больше никого не устранил. Это было так ново и необычно, что Эдик даже сначала не поверил. Но внезапно вспомнил, что подобные мысли и раньше приходили ему в голову. Вернее, проскакивали. Поэтому он и не успевал на них сосредоточиться и хорошенько обдумать. Но, как же Бритва? Неужели он не понесёт заслуженное наказание? Лик сказал: он ещё получит своё. Гонзалес решил, что получить Бритва должен непременно сегодня. Нет, он не будет его убивать. У него родилась идея получше.

Через несколько часов Эдик тихо спустился по верёвке на нижний балкон и прислушался. Из комнаты Бритвы раздавался храп. Но следовало быть очень осторожным. Вполне могло стать, что бритва использовал хитрый шпионский приём: включил магнитофон с записью храпа, а сам где-нибудь спит в укромном месте в полглаза. Эдик босиком вошёл в открытую настежь балконную дверь и замер. В темноте он видел почти как кошка. Вот на постели кто-то лежит. Весьма возможно, что это «кукла». Но нет, одеяло плавно поднимается и опускается в такт дыханию. Похоже, Бритва не ждёт гостей и на самом деле дрыхнет без задних ног. Не будет же он сооружать такую сложную конструкцию, чтобы она ещё и шевелилась натурально.

Эдик смочил хлороформом грязный носок и подкрался к постели. Так и есть: Бритва спал с широко открытым ртом, из которого конкретно шибало местным самогоном. Длинный нос Бритвы издавал свистящие звуки, придавая храпу сходство с волынкой. Эдик аккуратно положил носок на лицо врага и стал ждать. Вскоре дыхание Бритвы сильно замедлилось.

— Наркоз подействовал, можно начинать операцию, — злорадно потирая руки, провозгласил Эдик.

Не спеша, он достал складную бритву и, примерившись, с одного маху оттяпал ненавистный нос. Затем так же ловко лишил Бритву ушей. Перевернув безвольное тело на живот, он рассёк пижонские плавки и стал не торопясь пришивать нос и уши к заднице. Получалось довольно неплохо. Сказывалась шпионская выучка. Ведь настоящий шпион должен уметь многое.

Чтобы «пациент» не истёк кровью, Эдик зашил, пустые теперь, места на голове лоскутками кожи с той же самой задницы и обильно полил перекисью. Порядок. Пациент будет жить! Хотя довольно скверно. Но это уж его проблемы.

В ту же ночь Эдик покинул город, прихватив «Виллис» Бритвы. На родину ему вернуться так и не пришлось. Верные люди рассказали о задании Бритвы, и Гонзалес понял, что его Контора его кинула. Значит, путь домой ему закрыт. Потом он долгое время скрывался в Италии. В какой-то момент возникла идея переметнуться на сторону потенциального противника. То есть, в СССР. Друзья помогли ему перебраться туда. Но вскоре Союз распался, надобность в услугах Гонзалеса так же отпала, и он уехал жить в деревню, познакомившись с немного крезанутым пиплом Гашей.

А Бритва, говорят, очнувшись от наркоза, тут же слетел с катушек. Только в дурку его не повезли, а тихонько удавили при возвращении на родину, да по пути где-то и потеряли над Тихим океаном. Вот так.

Глава ордена чёрных монахов Оресис неторопливо мерил келью широкими шагами. Лицо его было хмурым и задумчивым. Предстояло решить нелёгкую задачу: спасти пленников или нет. Два дня назад вернулся из разведки брат Топо и рассказал о пришельцах. Они были очень странными внешне, хотя и говорили на их языке. Топо хотел уже подойти к ним и познакомиться, но его опередили военные. Пришлось прятаться в дупле дерева, пока всё не успокоилось. Он видел, как пришельцев уложили звуковой гранатой, а затем увезли в город на броневиках.

Оресис взглянул на карту, занимавшую всю западную стену кельи. На ней была отображена сложнейшая сеть подземных тоннелей и катакомб, которые начали рыть первые монахи ордена ещё много веков назад. И по сей день работы продолжают, так как города растут и необходимы всё новые и новые тоннели для связи с другими братьями и наблюдением за всем, что происходит в их мире. В северной части карты был воткнут жёлтый флажок, означая военный объект, где держали пленников.

Задача осложнялась ещё и тем, что в этом месте было мало подземных коммуникаций, и военные всё про них знали. Скорее всего, тоннели охраняются и не плохо. Следовало найти обходной путь. Но это уже после того, как он — глава ордена — вынесет своё решение о целесообразности спасения пришельцев. Открыто вступать в конфликт с военными было никак нельзя. Орден и так лишился многих братьев в ходе недавней тайной войны, про которую мало кто знает. При этих воспоминаниях лицо монаха потемнело ещё больше.

Конфликт с военными впервые возник несколько лет назад, когда секретное ведомство возглавил генерал Шорк. При этом имени глаза монаха недобро сверкнули. Шорк был не просто вояка. Он оказался очень тщеславным, да настолько, что при благоприятных условиях готов был захватить весь мир. Оресис несколько не сомневался, что генералом владеет мания величия в последней стадии. Хотя внешне это было почти не заметно.

Первое серьёзное столкновение случилось три года назад, когда военные во главе с генералом заинтересовались порталами. Одной из главнейших задач ордена была тайная охрана камней. Монахи прекрасно знали их свойства и имели приличный опыт путешествий по другим мирам. Знали они и о таком свойстве порталов, как перемещение во времени. В чужих руках это могло стать грозным оружием.

В обширной библиотеке хранился древний манускрипт, составленный первым главой ордена, братом Протеусом, и неизвестным пришельцем по имени Ртах, прибывшим из Белого мира. В манускрипте говорилось о необходимости защищать порталы от посягательств неразумных людей и других существ. Скорее всего, орден и был создан для такого тайного наблюдения за камнями.

Изначально монахов было четверо: сам Протеус, брат Ирик, брат Сартах и самый молодой в ордене брат Шара. Все они были выходцами из Красных земель. Ирик и Сартах, к тому же, были на самом деле родными братьями. Они первые присоединились к Протеусу, когда тот нашёл их беспробудно пьяными в небольшой таверне, стоящей на окраине Средиземного тракта.

Стояла тогда середина осени. Урожай был собран, и народ предавался пьянству по полной программе. Братья в то время батрачили на ферме зажиточного крестьянина Гасера и имели дурную славу неуёмных выпивох и побивателей физиономий. В тот день в таверне набилось народу, как в бочке. Работяги пропивали, с таким трудом заработанные, барыши, и вино текло рекой. Братья угрюмо сидели в дальнем углу и присматривали, кого бы сегодня потрясти. Свои

жалкие гроши они благополучно пропили в первые же три дня и теперь мучались тяжким похмельем.

У стойки бара шиковал маленький мужичонка, угощая направо и налево всех желающих. Он явно не был семейным человеком, а потому кутил на всю катушку. Из голенищ стоптанных сапог торчали новые портянки, намотанные до колен, а в карманах ошутимо позвякивало деньгой. Мужичонка уже конкретно набрался. Заплывшие и слезящиеся глаза мутным взором окидывали таверну, выискивая кого бы ещё угостить. Случайно он заметил, как пристально глядят на него братья. Он почесал за ухом и припомнил, что их он ещё не поил. Неверным шагом, заплетаясь в длинных портянках, он пробрался сквозь толпу плясунов и грузно повалился на табурет за столом братьев. Дохнув тяжким перегаром вперемишку с чесноком и луком, он весело прокричал:

— Привет, парни! Выпить не желаете? Я всех угощаю!

Братья усмехнулись: добыча сама шла к ним в руки.

— Ну, коли угощаешь, то давай.

— Эй, человек! Тащи сюда ведро своего самого лучшего пойла!

Худошавый разносчик, ежесекундно хлюпая носом, с трудом взгромоздил ведро самогона на стол и настойчиво кашлянул. Мужичок, не глядя, вынул из кармана монету и сунул худому. Тот быстро удалился, видя, как недобро посмотрели на него братья и зная их склочный характер.

Пьянка покатила своим чередом. Мужичок вскоре заснул, уткнувшись носом в кружку и тоненько посвистывая. Братья, не спеша, допили самогон и оглянулись хмуро по сторонам. Никто не обращал на них внимания. Вскоре они подхватили бедолагу под микитки и потащили на улицу, вроде как освежиться.

На дворе стояла глубокая ночь. Приглушённый шум доносился лишь из таверны, а на улице было тихо-тихо, только сверчки продолжали трещать о чём-то своём насущном.

Братья поволокли безвольное тело на задний двор. Здесь было совершенно темно, и только слабый свет от Первой луны немного разбавлял густой мрак. Путаясь в мешковатой одежде мужичка, братья лихорадочно облегчили его карманы от всего ценного. А потом стали решать, как убить этого доходягу. Оставлять его в живых было нельзя, так как он вполне мог их запомнить и наступать в управу. А на каторгу братьям совсем не хотелось.

Наконец решили по-тихому удавить его же собственными, необъятными портянками. Ставив тесные сапоги, братья чуть не задохнулись от смрада. Они, хоть и не высший свет, и тоже мылись довольно редко, но этот хмырь, похоже, с самого рождения не знал, что такое баня. Этими портянками можно было кого угодно задушить, просто положив их рядом. С трудом сдерживаясь, чтобы не заблевать самих себя, они намотали одну полосу материи вокруг шеи бедняги и хотели, было, резко потянуть, чтобы покончить с ним одним махом, но вдруг в полной тишине раздался внушительный голос:

— Остановитесь, несчастные!

Братья чуть не обделались со страху. Это было так неожиданно, что голос прозвучал, как гром посреди ясного неба. Они, округлившимися от ужаса глазами, оглядывались по сторонам,

но никого не видели. Внезапно от стены отделилась высокая тень и приблизилась настолько, что стало возможным рассмотреть этого грозного незнакомца.

Им оказался бродячий монах Протеус, закутанный в тёмную мантию. Он был не простым монахом. Посредством долгих медитаций и упорных поисков ему было открыто множество тайн. В том числе, тайны поступков тех или иных людей. Опытным путём он пришёл к выводу, что большинство людских пороков и несчастий происходит от их ложных желаний. Эти желания порождают мрачных и жестоких существ, невидимых обычному глазу. Протеус научился видеть их и поразился огромному разнообразию и весьма изощрённой фантазии последних.

В таверне он скрытно сидел за маленьким столиком в тёмном углу и несколько часов наблюдал за братьями. Там он сразу заметил, как одно из этих существ, порождающее желание убивать, ловко захватило в свои сети одуревших от похмелья братьев. Оно же выбрало и жертву. Видя, что страшная развязка близка, как никогда, Протеус решил вмешаться и попытаться образумить братьев.

И вот он стоял напротив них, сверкая грозно тёмными, как сама ночь, глазами и прикидывая: сразу с ноги заехать ближнему в брюхо или подождать ответной реакции. Братья ошалело глядели на незнакомца, куда-то растеряв всю свою удаль и мордобитейный опыт.

— Т-т-ты к-кто? — стуча зубами, спросил Ирик.

— Я — кара небесная таким, как вы олухам! Что замыслили вы, притащив сюда этого несчастного человека? Не вздумайте обмануть меня! Я вижу вас насквозь!!!

Надо заметить, что слова «видеть насквозь» в те времена были не просто оборотом речи, а подразумевали под собой настоящее искусство, которым обладали лишь очень редкие и сильные кудесники. И если кто-либо заявлял об этом вот так открыто, то он действительно мог это делать.

Братья в ужасе отпрянули, мгновенно протрезвев: встреча с кудесником поздно ночью не сулила ничего хорошего. Видя, что из перепуганных братьев не вытянуть ни слова, Протеус очень спокойно и неумолимо подошёл к ним вплотную и стал вещать замогильным голосом:

— Знайте же, о несчастные, не вы хотели удавить этого вонючего пропойцу. Не сами вы нашли его себе на погибель, а ведёт вас Тёмный Дух. Безжалостный и неумолимый. Он, как огромная тень стоит за вашими спинами и держит вас за кишки, словно кукольник в театре марионеток. Вы безмозглые, тупые куклы! Да покарает Господь ваши жалкие души!!! Оглянитесь назад и вы увидите сами!

Против воли головы братьев одновременно повернулись через левое плечо, и воздух вдруг наполнился произвольной работой двух кишечников сразу. Несколько мгновений братья с нарастающим ужасом созерцали бесформенную чёрную фигуру, по которой прокатывались ядовито красные сполохи. От фигуры к головам братьев тянулись широкие и мохнатые щупальца. От них веяло жаром, как от раскалённого железа, а голову пронизывали тысячи жгучих иголок. Ужас сменился какой-то животной паникой. Братья сорвались с места и ломанулись, не разбирая дороги и издавая нечеловеческие вопли, больше похожие на визг поросят на бойне.

Бежали они долго, пока не выдохлись окончательно и не повалились без чувств на берегу реки. Протеус даже поразился произведённому эффекту и удивлённо почесал затылок:

— Да-а-а... Забавно! Не думал я, что эти двое так быстро прозреют. Видимо, Господь не зря указал мне на них.

Нашли братьев только через два дня. Вернее, нашёл их сам Протеус, так как больше они никому не были нужны. На братьев было жалко смотреть. По всему выходило, что оба конкретно двинулись умом.

Протеус выходил их в своей маленькой обители и посвятил в монашеский сан. Братья удивительным образом преобразились. От угрюмых пропойц и побивателей физиономий не осталось и следа. Более того, они стали ревностными служителями Ордена и в скором времени достигли многих откровений и познаний в области чудесного. Только навсегда замолчали. И если уж надо было что-то сказать, то оба объяснялись только знаками или письменно.

Четвёртым монахом в обители стал мелкий воришка по прозвищу Шара. Воровал он не из-за нужды, а только ради забавы. Его часто ловили и порой жестоко били, отчего он много болел, но не бросал своего любимого занятия. Иногда он и сам задумывался о своей неуёмной тяге к воровству, но никак не мог понять, что его толкает на эти странные поступки.

Однажды Шара забрался в дом к богатому землевладельцу и стащил вазу с конфетами в столовой. Но ему крупно не повезло. Дом, такой с виду доступный и ни кем не охраняемый, на самом деле был под неусыпным наблюдением своры огромных и свирепых псов, которые никогда не лаяли, а просто рвали чужих на кусочки. Вот и на этот раз собаки плотным кольцом окружили Шару, похолодевшего от страха. Они медленно и неумолимо приближались, обнажив белые клыки. Позади стоял хозяин дома и ядовито посмеивался.

— Что, приятель, конфеток захотелось? Сейчас будут тебе конфетки. Взять его!

Собаки молча кинулись на воришку, но не тут-то было! Не зря Шара имел солидный опыт по безвыходным ситуациям. Он ловко поднырнул под летящими в прыжке собаками и кубарем скатился с высокой лестницы. Правда, при этом он сильно вывихнул лодыжку, когда неудачно приземлился на нижней площадке. Собаки всё так же молча преследовали его. Хромая, Шара доковылял до дерева возле высокого забора, моментально вскарабкался на самую верхушку и спрыгнул на другую сторону. Раздался хруст и короткий вскрик.

Хозяин бегом, насколько позволяла комплекция, выскочил наружу, но увидел лишь оседающую пыль от завернувшей за угол телеги. Вора и след простыл. Бежать за телегой было бесполезно, и он вернулся в дом, гневно пиная огрызающихся собак.

Чудесным спасителем оказался проезжавший мимо Протеус. Он прибыл в город за продуктами и с самого утра ожидал чего-то подобного. Предчувствие не обмануло его. И когда несчастный воришка рухнул чуть ли не под колёса его телеги, Протеус понял, что не ошибся. Парень при этом сломал ногу и лежал без сознания. Протеус живо подхватил лёгкое тело и, что есть духу, помчался прочь. Не стоило связываться с богатым хозяином этого дома.

В обители Шара быстро поправился, хотя и продолжал поворовывать у братьев. Те смотрели на него с сочувствием, видя все его шалости. Протеус не ругал его и ни о чём не спрашивал. Но как-то вечером позвал к себе в келью и усадил на жёсткий табурет. Шара подумал, что сейчас начнётся привычная разборка со всеми вытекающими, но Протеус долго молчал и только пристально смотрел на подростка. От этого взгляда пробирал мороз, и Шара подумал, что уж лучше бы его поругали и даже немного побили, но только бы не ощущать на себе дольше этот просвечивающий насквозь взгляд. Внезапно Протеус вкрадчиво произнёс:

— Ты — вор.

Словно тяжёлый молот ухнул и придавил Шару к табурету. Он и раньше много раз слышал это, но сейчас слова прозвучали, как окончательный приговор и не сулили ничего хорошего.

— Ты — вор, и знаешь об этом, но не понимаешь почему.

Шара удивлённо уставился на Протеуса. Никто и никогда не говорил с ним так.

— Я могу показать тебе, отчего ты стал таким. Именно стал, а не родился. Хочешь ли ты узнать это?

— Н-не знаю, Мастер. Наверное, хочу.

— Закрой глаза и успокой свой ум!

Шара растерялся. Насчёт первого всё понятно, но как успокоить то, что постоянно вертится в голове, было совершенно не ясно. Однако он послушно закрыл глаза и стал смотреть в темноту, пытаясь утихомирить скачущие мысли.

Вскоре перед внутренним взором поплыли радужные пятна, которые постепенно превращались в смутные очертания давно забытых образов из далёкого детства. Вот образы стали ярче и чётче. Он увидел свой дом и пустынный двор. Тогда Шаре было около четырёх лет. Воспоминания нахлынули широким потоком, захватывая и унося с собой.

Вот он сидит на маленькой деревянной лошадке. Ему хорошо и весело. Лошадка качается вперёд и назад, тихонько поскрипывая. Мама что-то шьёт, сидя у окна и напевая незамысловатую песенку. За окном светит ласковое весеннее солнце, и поют о чём-то птицы. Тишь и благодать.

Но вот небо стало быстро темнеть. Шара испугался, но он не может убежать. Что-то удерживает его на лошадке и не даёт ему слезть. В комнату заходит строгий отец. Он мрачно смотрит на сына. В руках у него мятый кулёк, из которого одна за другой высыпаются карамельки. Шара узнаёт этот пакет. Он сам соорудил его и прятал туда карамельные конфеты, которыми его угощали, приходившие в гости, взрослые. Он очень любил конфеты и хотел набрать целый кулёк, чтобы их было много, а потом разом все съесть. Отец каким-то образом нашёл кулёк и теперь смотрел на сына осуждающе. Он что-то говорил. Шара прислушался, и, будто издалека, до него донёсся давно забытый голос:

— Почему ты, как вор, прячешь конфеты? Ведь тебя ими угостили, а ты словно украл их и спрятал в укромном месте. Тебе должно быть стыдно, приятель. Ты меня сильно огорчил.

На глаза Шары навернулись горькие слёзы. Он кинулся к матери, чтобы она утешила его, но увидел, что и она смотрит на него с укором. Тогда шара разревелся не на шутку. Мать, всё же, успокоила ребёнка.

А потом прошло некоторое время, и события затёрлись в памяти, как это обычно и бывает в детстве, когда впечатлений каждый день великое множество. Однако с тех самых пор Шара стал воровать по-настоящему.

Послышался громкий хлопок в ладоши, и Шара очнулся. В глазах всё ещё стояли слёзы. Он с благоговением посмотрел на Протеуса и понял, что так долго угнетало его и не давало покоя.

Конечно же, это не его вина, почему он стал таким! Кто бы мог подумать, что случайно брошенная фраза так глубоко засядет в нём, порождая чувство вины и желание получить утешение.

После этого «разговора» Шара перестал воровать совсем и вскоре был переведён из послушника в монахи. Природная смекалка и своеобразный опыт сослужили ему добрую службу. В обители Шара стал кем-то вроде разведчика и собирателя всевозможных книг и рукописей. Он выискивал их повсюду и покупал на подаяния или обменивал на различные поделки, которые хорошо ему удавались. Так стала зарождаться знаменитая библиотека чёрных монахов, про которую теперь ходят всевозможные нелепые слухи.

Вскоре состоялась знаменитая встреча монахов с пришельцем из Белого мира по имени Ртах. Это был весьма необычный и очень мудрый пришелец. Всё в нём искрилось удивительным белым светом. Даже глаза были совершенно белые, будто без зрачков. Монахи благоговейно склонились перед сияющим иноземцем, когда он появился в их обители. Ртах спокойно обвёл всех немигающим взглядом и произнёс на чистейшем танайском языке:

— Приветствую вас, братья Святого Ордена! Мир вам и обители вашей!

— Слава Господу! И тебе мира и процветания, Странник, — ответил за всех Протеус.

Воцарилась тишина. Пришелец долго смотрел в глаза Протеусу, но того не смутила такая проверка. Именно настойчивая проверка, так как Протеус сразу понял, что Странник гораздо мудрее его и пристально изучает, прежде чем начать серьёзный разговор. А как же иначе? По пустякам такие «гости» не приходят.

Он оказался прав. Странник представился как Ртах и доверил монахам удивительную тайну каменных порталов. От имени Вселенского Совета он предложил им нести тайную миссию по защите этих камней и рассказал очень многое об их свойствах. Быть Хранителем порталов считалось очень важной и почётной обязанностью.

Монахи, конечно же, согласились и дали обет молчания, относительно свойств камней. Ртах поведал так же, что на их планете таких порталов ровно двенадцать. Десять на поверхности, и ещё два — глубоко под землёй в горах. Чтобы не быть голословным, Ртах несколько раз провёл монахов сквозь порталы и показал им другие миры.

К тому же, камни позволяли перемещаться во времени, но Ртах сразу предупредил, что это очень опасно. Именно поэтому Совет организывает подобные экспедиции, чтобы найти достойных Хранителей порталов из числа местных жителей. Знаменательное событие было оформлено официальным манускриптом с двумя большими печатями.

С тех пор прошло немало веков. Мир менялся и рос. Появились огромные города, и монахам, чтобы сохранять свои тайны, пришлось уйти под землю. Они построили обширную сеть катакомб и запутанных тоннелей. Иногда городские коммуникации пересекались с тайными ходами, и приходилось строить обходные пути.

В последнее время стало очень трудно оставаться в тени. Особенно после того, как военные от какого-то монаха предателя случайно узнали о порталах. Обо всех свойствах камней знали лишь настоятели Ордена, которые сменяли один другого в течение многих веков и передавали эту тайну своим преемникам. В том числе, и о возможности перемещения во времени.

Однако о путешествиях в другие миры знали и обычные монахи. Тем не менее, воспользоваться этим они могли только с помощью настоятеля, так как лишь он один знал необходимую процедуру перехода.

Военные попытались под видом тактических учений захватить главную библиотеку монахов, однако получили достойный отпор. Тайных книг они не нашли, зато понесли ощутимые потери. Но так как операция была инициирована самим генералом Шорком, а Правительство и слыхом не слыхивало о какой-либо тайной заварушке, то и потери были списаны за счёт несчастного случая во время учений.

Монахи тоже потеряли многих братьев. Кое-где в дальних филиалах Ордена поднялся, было, ропот. Братья требовали жестоко наказать зарвавшегося генерала. Но Оресис прекрасно понимал, что выступать против военных в открытую, означает полное уничтожение Ордена. Кто же тогда будет охранять порталы?

Разведчики доложили, что военные и так уже захватили десять из двенадцати камней. Но без соответствующих знаний они мало что могут сделать. Да и не сами военные тут виноваты. Это всё неумная, маниакальная фантазия генерала Шорка привела к тому, что сейчас случилось. Поэтому решать проблему надо или тайно, или привлекать сюда Правительство. Хотя последнее так же было равнозначно самоубийству, так как неизвестно ещё, кто хуже.

И вот теперь в их мир каким-то образом попали трое пришельцев и сразу оказались в плену у Шорка. Это было плохо. Очень плохо. Если пришельцы смогли воспользоваться порталом, значит они что-то о них знают и могут рассказать об этом военным. Нужно было любым способом вызволить их оттуда, а потом уже решать, что делать с ними дальше.

Оресис снова взглянул на карту и покачал головой.

— Да-а-а... Ну и задачку вы нам подкинули, разноцветные парни из неизвестного мира. И чего вас сюда понесло? Непонятно.

ГЛАВА 17.

После обеда настала очередь Гаши. Всё произошло так буднично, будто на приёме у терапевта. Просто вошёл тот же крепкий военный с аксельбантом и, ткнув пальцем-колбаской в нос пипла, коротко сказал:

— Волосатый — следующий.

Гаша чуть в обморок не рухнул. Эдик вовремя подхватил приятеля, пытаясь дать напоследок кое-какие шпионские советы:

— Ты главное не молчи. Говори что угодно, но только не молчи. Это их сильно бесит. Будут бить, сразу прикинься психом. Можешь даже укусить кого-нибудь, если получится. Может быть, отстанут. Держись, приятель. Если чё, мы за тебя конкретно отомстим.

Последние слова совсем не порадовали Гашу. Военный, между тем, настойчиво предложил не задерживаться и топать за ним по-хорошему. Кодла охранников была уже поменьше. Видимо, решили, что пленники не столь уж и опасны. Гаша совсем скис и понуро поплёлся за крепышом, прикидывая: сразу начинать косить под крэйзи или подождать немного.

В комнате для допросов вновь заседали трое: генерал, его советник и профессор. Последний весьма заметно волновался. Ещё бы! Пришелец из другого мира. Это вам не сопли жевать! Быть может, сегодня он посвятит их в такие тайны, что вскоре весь их мир изменится до неузнаваемости. Зендер даже заёрзал на стуле от нетерпения. Генерал шикнул на него и потребовал вести себя более достойно.

Гашу посадили на стул перед защитным экраном, и допрос начался. Возникла небольшая заминка, так как непонятно было с чего начинать. Генерал хмуро посмотрел на своих помощников и первым задал вопрос:

— Вы нас понимаете?

— Ну, типа того, — ответил Гаша, озираясь по сторонам в поисках пыточных орудий. Таковых поблизости не оказалось, и он несколько успокоился.

— Расскажите, как вы оказались в нашем мире.

Гаша почесал давно не мытый хайр и начал своё повествование:

— Короче, такая ботва, пиплы. Тусовались мы с фрэндами в одной кантри и хотели словить кайф, но тут проходили, что нашего фрэнда Горыныча гасят олдовые герлухи. Мы прикамали на стрит, и понеслось такое гасилово, что стрём один, да и только. Прикамал полис, стал давить напярэг и ломать кайф. Пришлось вэнтануть из кантри. Хотели ломануться стопом в Пицунду, да напярэг вышел с драйверами. Тогда замутили прикольный расклад и подписали Змея на стоп. По пути замитинговались с кантровой дринчкомандой и так надринкались, что меня потом всю дорогу кумарило. Хотел раскумариться, да обломы только вышли. Завернули мы к одной олдовой ведьме. Поитал я какой-то голимой высерухи и словил отходняк. Потом вэнтанули в другую кантри. Там решили хавчика нааскать и прикамали в шоп. Герла из шопа отпадно прикололась. Типа, её воркеры ещё слипают или дринкают в отходняке. Пришлось самим воркать до твэлв-о-клока. А потом вообще некайфы начались. Прикамала кантровая урла, которые воркеры и есть, и стала разборки чинить. Мой фрэнд спэниш круто их всех загасил. Я даже в осадок выпал. Потом мы по-быстрому скипнули. В другой кантри нас вписал

к себе перенайтывать клёвый мэн, завернутый на флайерах. Змей закосил под тичера и научил пипла флайть. Мы ништяково найтанулись и надринкались клёвого вайна. Правда, ночью случился стремак: Флайеру прикамал голимый предел. Какая-то тварь спалила айр. Мэн выпал в даун, но быстро словил отходняк и прикинулся Гагариным. Мы с фрэндами лукнули, что с мэном полный ништяк, и покамали дальше. Отвязно так стопили, пока не пролукали в голимом вудсе тусню пиплов. Поначалу мы думали, что это завернутые сектанты, но оказалось, клёвые пиплы, хотя и цивилы. За гуру у них отвязный мэн в навороченном прикиде. Клозняк — ну чисто для оттяга! Весьма продвинутый пипл. Зависает на астрале и дримсах. Я от этого тоже торчу. Он мне батон отпадный презентовал. От дримсовой урлы вампирской. А то меня уже зафакали эти долбаные напруги. Мы оттяжно тусанулись. Пиплы рыли землю за каким-то приком. Там ещё был такой крутой стоун. Мокасин пролукал, что это типа проход. Ну, мы и ломанулись. А там — фак мою бэк — вообще полный улёт! Старзы и спэйсы. Вот мы и прикамали сюда. Не успели с местным пиплом смитинговаться, как нас повинтили милитаристы. Я сразу в даун выпал. Больше токать не о чем. Как говориться, тхе энд.

Повисла звенящая тишина. Генерал так наморщил лоб, что в каждую из морщин можно было смело засовывать погон и он бы не выпал. Профессор сидел с отвисшей челюстью, пытаясь собраться с мыслями. Это плохо получалось. Один лишь советник генерала сохранял полное спокойствие. А чего тут удивляться: пришелец — он на то и пришелец, чтобы говорить на непонятном языке. Ничего страшного. У них имеются отличные лингвисты-переводчики. Стенограмма беседы уже отправлена им на обработку. Осталось только немного подождать, и всё станет ясно.

Но не тут-то было! Через несколько минут тягостного ожидания прибежал взмыленный начальник группы переводчиков и что-то прошептал на ухо советнику. От этого лоб у него тоже сильно наморщился, что крайне не понравилось генералу. Это могло означать полный провал группы и невозможность хоть что-нибудь понять из речи пришельца. Всё это было очень странно. Ведь в камере пленники общались на обычном языке. Хотя этот волосатый больше молчал, а шумел тот — смуглый. Генерал дал команду увести этого пришельца и доставить в зал для допросов смуглого. Может, хоть он прояснит ситуацию с камнями.

Гаша топал обратно в камеру и не верил, что так легко отделался. Было в этом что-то странное. Даже по почкам ни разу не вломили. У хомутов он бы давно уже размазывал кровавые сопли. И даже шизу гнать не пришлось. Да-а-а... Странно всё это. Он даже повеселел немного.

В камере на него с сочувствием, которое тут же сменилось недоумением, посмотрел Эдик. Что-то уж больно спокоен пипл. И не стремается вовсе.

— Ну, чё? Били?

— Не-а. Так, перетокнули литлово и камон по хазам.

— Ты кончай пипловать. Скажи толком, чего было?

Но Гаша не успел и слова сказать, как Эдика потащили на допрос. Хмурый крепыш молча подтолкнул его дубинкой к выходу, и Гонзалес понял, что настала его очередь. Он глубоко вздохнул, медленно выдохнул и очень спокойно произнёс:

— Ведите меня.

Вид при этом у него был крайне геройский. Гаша даже восхитился мужеству испанца. Ну, да. Ведь он же настоящий разведчик. Фигли ему бояться?

Между тем, Эдик вовсе не разделял настроений пипла, а очень даже сомневался: сможет ли он долго сопротивляться врагам. Кто знает, какие у них методы? Вполне возможно, что вколят какой-нибудь неизвестной дряни, и тогда никакой аутотренинг не поможет.

Глаза привычно цеплялись за объекты, запоминая обратный путь. В коридоре Эдик насчитал семь дверей. Одна вела в их камеру, две других были открыты настежь. Это были обычные рабочие кабинеты. В конце коридора находился лифт. Эдик смутно помнил, что когда их оглушенных привезли сюда, то лифт несколько секунд падал вниз. Стало быть, контора находится под землёй, и единственный путь отсюда — это шахта лифта. Хотя должны быть ещё какие-нибудь коммуникации.

Испанцу молча указали на его место. Эдик внимательно осмотрел стул, прежде чем на него садиться. Вроде бы ничего необычного. Скрытых иголок не видно. Хотя они на то и скрытые, чтобы их не было видно. Он аккуратно примостился на край и приготовился, в случае чего, быстро вскочить и действовать по обстановке.

— Вы знаете наш язык? — спросил первым профессор.

— Si señor, то есть — да.

— Прекрасно! Назовите ваше имя и род занятий.

— Хулио Эстебан, управляющий фермой, — не задумываясь, ответил Эдик.

Возникла небольшая пауза. Генерал недобро усмехнулся и покачал головой.

— И каким же образом, уважаемый, вам — обычному фермеру — удалось проникнуть сквозь портал в наш мир?

— Какой портал?

Генерал злобно хлопнул ладонью по столу.

— Прекратите изворачиваться! Вы прекрасно понимаете, о чём я. Никакому безмозглому фермеру не придёт в голову использовать портал для перемещения просто так. Вы должны знать, как работает это устройство! Отвечайте!!!

Эдика слегка покорило, что этот тип, судя по форме, в звании не меньше генерала, назвал его безмозглым. Но он спокойно ответил:

— Я не знаю, о каком портале вы мне талдычите, amigo. Если о камне с трещиной, то я сам не понимаю в чём тут дело. Мы с друзьями уселись рядом с ним перекусить после пахоты, а нас втянуло внутрь. И вот мы здесь. Встретили вашего земляка и почти закорешились, но тут нас арестовали ваши доблестные солдаты. Больше я ничего не знаю. Зуб даю.

— Зачем нам ваш зуб? — не понял профессор.

— Это образное выражение. Означает, что я говорю истинную правду.

Генерал не поверил ни одному слову этого смуглого пленника. Видимо, крепкий орешек. Придётся применить экстренные меры. Откладывать больше было нельзя: монахи что-то затевают. А, судя по последней схватке с ними, это ничего хорошего не сулит. Он хотел уже вызвать специалиста по трудным допросам, но всё дело испортил торопыга-профессор. Видя, что генерал крепко задумался, Зендер спросил пленника:

— А скажите нам, сударь, что вы там, в камере говорили, когда метались и бились головой об стены? Что-то про чанчо кочино.

И тут произошло нечто ужасное. То ли Эдик отвлёкся, то ли ещё что, но слова профессора он почему-то принял на свой счёт. Глаза у него налились кровью, как у быка на арене. Только что пар из ноздрей не повалил. Сжав кулаки, испанец вскочил со стула и сквозь зубы медленно выдавил:

— Никто и никогда, *canalla rata*, не назовёт меня грязной свиньёй!

И с криком «*Caramba!!!*» кинулся на прозрачную стену.

Никто не ожидал от пленника такой прыти. Хорошо ещё, что сразу сработала защита, и стена устояла. Сверкнула бледная молния, и Эдика с силой отбросило к противоположной стене. При этом он крепко приложился затылком и рухнул без сознания. Генерал аж с досады плюнул на пол. Опять промашка вышла, блин! Теперь жди, когда этот долбаный «фермер» очнётся.

Эдика уложили на носилки и отнесли в камеру. Гаша в ужасе смотрел на потемневшее лицо друга, представляя, как беспредельщики милитаристы жестоко пытали испанца.

А Эдик в этот момент снова витал где-то в сером мареве, выскочив, как пробка, из своего тела после удара током. Опять стало легко-легко и даже как-то приятно. Он вспомнил про мешок с глазами и тихонько позвал:

— Эй, Глазастый.

Но голос отказывался повиноваться, и вышло что-то сдавленно-непонятное. Однако не успел Эдик расстроиться по этому поводу, как перед носом появился мешок, медленно нарисовавшись из серой хмари. Вид у него был несколько помятый и недовольный.

— А, это опять ты — не совсем мёртвый.

— Да вовсе я не мёртвый, — рассердился Эдик и снова поразился тому, как резко меняется его настроение в этом странном мире.

— Во-во. Будешь сердиться, всю энергию потеряешь. С этим тут запросто. Чего звал то?

Эдик сразу как-то успокоился.

— Да так, просто. Я сам не понял, как снова тут оказался. Вот и решил позвать. Ведь я тут никого, кроме тебя, не знаю.

Мешок внимательно посмотрел на адепта и вынес свой вердикт:

— По всему видать, тебя крепко шандарахнуло какой-то энергией, вот ты и вылетел из своей оболочки. Постой-ка! Ну-ка, дай посмотрю. Ага, так и есть: у тебя верхняя часть отсвечивает. Видимо, ей ты и стукнулся обо что-то материальное и довольно крепкое.

Эдик вспомнил прозрачную стену и совершенно непрозрачный бетон напротив. Он почесал голову, но рука провалилась насквозь.

— Вот, блин! Забыл, что я здесь не настоящий.

— А вот это ещё вопрос: где ты на самом деле настоящий.

— Что ты имеешь в виду? — не понял испанец.

— Неужели ты всё ещё считаешь, что твоё настоящее «Я» где-то там, в той оболочке, которую ты сейчас оставил.

Эдик крепко задумался. Да так крепко, что в глазах потемнело, и он потерял из виду Глазастого. Выходила какая-то ерунда. На самом-то деле: если его тело где-то там, то кто же он сейчас? Вот этот прозрачный он — это кто? Логично предположить, что раз он думает и размышляет, то это он и есть. То есть, никто иной, как Эдик Гонзалес. А что же тогда тело? Там кто остался? Мёртвый труп или что?

Прежде ему и в голову не приходили подобные мысли. Тут он заметил, как вокруг всё потемнело и откровенно испугался.

— Глазастый, где ты!?

— Чего так кричишь? Тут я, и никуда не уходил. Это ты чего-то замерцал и чуть не исчез. Ты давай следи за настроением, а то сгинешь в неизвестном направлении, ищи тебя потом по всему астралу.

Это как-то обидно задело испанца. Ни фига себе корки! Он профессиональный шпион, а его шпыняют, будто салагу какого. Но быстро справился со вспышкой, справедливо рассудив, что мешок прав: в таком состоянии ему нужно ещё тщательнее следить за своими мыслями, чем даже под пыткой с наркотой. Он сделал несколько медленных вдохов-выдохов и, уже более спокойно, спросил:

— Скажи, Глазастый, а чем тут вообще занимаются?

— Кто чем.

— Но ведь тут ни фиги нет. Один туман серый. Это ж с тоски помереть можно.

— Это тебе так кажется, будто здесь ничего нет. На самом деле, этот мир бесконечно разнообразен. Ты пока не видишь этого, но вскоре сам всё поймёшь.

Эдик озадаченно огляделся. Может, и правда у него с глазами что-то не ладно? Но уж больно сомнительно всё это. Хотя постой. Вот марево слегка просветлело на горизонте. Если, конечно, то, что находилось прямо перед носом, можно назвать горизонтом. В воздухе замелькали разноцветные искорки, кружась, будто стаи мух. Сквозь туман стали проявляться, как на фотографии, смутные очертания деревьев и далёких гор. Вдруг картина резко прояснилась, словно одним взмахом мокрой тряпки провели по пыльному окну. Аж в глазах зарябило.

— Что это? — воскликнул Эдик, пытаясь прикрыть глаза призрачной рукой.

— Это я помог тебе немного, — объяснил мешок, — Хотя ты видишь не то же самое, что вижу я.

— Ух, ты! Здорово!

Мир всё открывался, и не видно этому было ни конца ни края. Заглядевшись в какой-нибудь из уголков, Эдик с удивлением замечал, что он прямо на глазах меняет очертания и уже через мгновение он совсем не тот, что был раньше. Это как во сне: по твоему желанию меняются ландшафты, погода, освещение. Да и вообще всё, что захочешь. Это захватывало и наполняло невыразимым восторгом. Глаза у Эдика загорелись. Хотелось подпрыгнуть и полететь.

— Так за чем же дело стало? — с усмешкой спросил мешок. — Полетели!

— Как?!

— Просто! Если сильно хочешь, то это просто. Давай!

Эдик зажмурил глаза и взмыл вверх, как реактивный снаряд.

— Эй, полегче!

Испанец открыл глаза и увидел, что он словно птица летит над красивейшей местностью, в которой он сразу узнал свою родину. Только цвета были гораздо ярче и воздух такой тугой, что можно было его откусывать, словно желе. Стало трудно двигаться, но и на землю он не падал.

— Это с непривычки, — прокомментировал его состояние Глазастый, — Со временем научишься передвигаться запросто. Запомни одно: всё, что ты сейчас видишь — это не то же самое, о чём ты знаешь.

— Как это?

— Очень просто. Вот что ты сейчас наблюдаешь?

— Мои родные места.

— Это вовсе не твои родные места. Они очень похожи на них, но ими не являются.

Тут произошло что-то странное. Непонятки в словах мешка сразу привели к тому, что Эдик опять оказался в сером тумане. Он даже немного расстроился, что всё так быстро закончилось.

— Ничего не закончилось. Брось обламываться. Ты всегда сможешь туда вернуться, когда захочешь.

— Но что ты имел в виду, когда сказал, что это не моя родина? — недоумевал Эдик.

— Я хочу, чтобы ты понял раз и навсегда: этот мир призрачный. Он лишь отражение миров проявленных. Таких, как твой мир и бесконечное множество других миров. В нём ты можешь увидеть всё, что когда-либо видел во сне и наяву. И даже то, что ещё не видел, ведь тут не существует времени в твоём понимании. Но это вовсе не сон. Он так же реален, как и твой

привычный мир. Здесь ты точно так же можешь жить и умереть, хотя последнее довольно спорно.

— Значит всё, что я видел — туфта?

— Ты не понял. Я же сказал: это — реальность, но только другая.

— Сложно всё это как-то. Ну, да ладно. Ты мне вот что скажи, — сразу стал практичным Эдик, — Могу я как-нибудь всё это использовать, чтобы выбраться из плена.

— Какого плена? Тебя же никто не держит.

— Я про своё тело. И про другие тела дорогих мне товарищей. Мы ж в плен попали к синим.

— Ах, ты об этом. Не. Извини. Про «физику» я мало чего знаю. Мой мир тут и ещё в пяти измерениях, но «физики» я не имею. Впрочем, если ты имеешь в виду разведку, то вполне можешь посмотреть всё, что пожелаешь в том мире, где находится твоё тело. Просто захоти этого и всё.

Эдик сосредоточился и представил себе камеру. Внезапно его сильно закружило. Мешок сразу исчез. Перед взором замельтешили звёзды, галактики, а потом резко всё остановилось. Эдик с удивлением увидел прямо перед своим носом спящего земляка. То, что это испанец, не вызывало никаких сомнений. Он даже был ему чем-то очень знаком. Может родственник? И тут внутри Эдика что-то сильно сжалось и похолодело.

— Canalla! Чтоб я сдох! Ведь это же я!!!

От суеверного ужаса по призрачной спине побежали вовсе не призрачные мурашки, топя, как слоны. Эдик с трудом сглотнул и повнимательнее присмотрелся к своему лицу.

— Блин, а ведь не похож. Будто и не я вовсе.

Глаз у физического Эдика дёрнулся, и у призрачного дёрнулся следом.

— Ладно, — решил испанец, — С самолюбием потом разберёмся, а пока надо слётать на разведку.

Он решительно прошёл сквозь стену и упёрся во влажный грунт. Значит, не ошибся. Их держат под землёй. Эдик вернулся в комнату, стараясь не смотреть на своё тело. Остальные парни молча сидели, каждый в своём углу. Эдик чувствовал, что они искренне переживают за него. Даже этот абориген. Как его? Санёк, во! Эх, приплющило парня! Да ведь он ещё и влюбился в какую-то краля. Эдик заметил, что вокруг Санаха, словно облачко, растекалось некое розоватое свечение. Ладно. Всё это мелочи. Эдик полетел вдоль по коридору, легко прошивая толстенные двери, как горячий нож сквозь масло. В лифте он стремительно рванул вверх и почти сразу оказался на поверхности.

— Мелковато окопались, ребята, — произнёс он с укором. — Случись заварушка, вас тут обычная авиация легко накроет.

На дворе был яркий полдень. Эдик быстро сориентировался на местности и помчался в сторону красного леса. Вскоре показались знакомые приметы. А вот и камень. Ну и лохи! А

ещё военные. На охране всего с десятков солдат. Из них службу «тащат» только двое. Остальные дрыхнут.

Камень слегка отсвечивал фиолетовым. В самой трещине свечение было ярче. Оно периодически пульсировало, словно камень находился в дежурном режиме. Это немного успокаивало. Значит, у них ещё есть шанс вернуться домой. Вот только надо из плена как-то выбраться.

Внезапно рядом мелькнула тень в длинных одеждах. Эдика пробрал неприятный озноб. Уж не один ли из тех, о ком предупреждал мешок, пожаловал? Встречаться с кем-то на плохо изученной территории было небезопасно.

— Не бойся! — раздался внушительный голос. — Я не причиню тебе вреда.

— Кто ты? — спросил Эдик, пытаясь разглядеть тёмную фигуру.

— Моё имя тебе ни о чём не скажет. Хотя можешь звать меня Оресисом.

— Ты такой же, как Глазастый?

— Не знаю, о ком ты, но могу сразу успокоить: я такой же, как и ты человек. Только из этого мира. Я монах, глава ордена чёрных монахов. Вижу, ты умеешь перемещаться вне тела, пришелец. Как зовут тебя?

— Эдуардо Гонзалес. Можно просто Эдик.

— Полагаю, ты очень мудр, если смог воспользоваться порталом?

— Ну, насчёт мудрости — извилиной мама с папой не обделили. Но вот про портал всё гораздо проще. Мы с дружбанами ломанулись на свой страх и риск сквозь него, и вот мы тут.

— Не пытайся меня обмануть! Я вижу людей насквозь!

Эдика уже откровенно достала эта бодяга с «не пытайтесь нас обмануть и всё такое». Чё за фигня? И тут допрос!?

Оресис хмуро посмотрел на пришельца. Что-то странное было в нём. Он видел, что пришелец говорит правду. Но как тогда он смог пройти портал правильно? Да ещё и вне тела передвигаться умеет. Это как-то не укладывалось в привычные рамки.

— Ты что, шпион? — спросил Оресис.

— Точно подмечено, — гордо ответил Эдик. Помня слова мешка, он решил, что отмазываться здесь бесполезно.

— Понятно. Ладно, не обижайся. На самом деле мы с тобой по одну сторону баррикад.

— Как это? — не понял Эдик.

И Оресис рассказал испанцу вкратце историю возникновения их ордена, про камни и про стычку с военными, которая теперь переросла в настоящий военный конфликт. Эдик сразу поверил всему, о чём говорил Оресис и почувствовал сильнейшее уважение к этому монаху.

Теперь предстояло обсудить план дальнейших совместных действий, но тут Эдик ощутил сильнейший удар по правой щеке и вынырнул из астрала, как пробка из бутылки шампанского.

Это друг Мокасин решил, что испанец слишком долго отсутствует в своём теле и вернул его обратно. Индеец хорошо знал о подобных путешествиях. У шаманов это обычное дело. Но Эдик не имел опыта и вполне мог где-нибудь застрять.

Испанец осоловело озирался по сторонам, явно не врубаясь, где находится. Мокасин дунул ему в лицо и произнёс короткое заклинание. Взгляд Эдика прояснился, но он тут же вскочил и с досады пнул мягкую стену.

— Вот запахло! Ну, и нафига ты меня отвлек, брат мой Мокасин?! Я уже с местным монахом связи наладил, и всё уже было на мази, но ты всё испортил. Что теперь делать то будем? А?

— С каким монахом? — не понял Гаша.

— Ладно. Проехали. Отстаньте от меня. Я думать буду.

Мокасин пожал плечами и отошёл в сторонку. Гаша с опаской глядел на Эдика и гадал: с какой балды испанец про монахов спикает? Может его какой дурью наширяли? Вот и глючит френда.

Санах же продолжал пребывать в сладостной прострации, строя призрачные планы их будущей совместной жизни с Миейей. Они, конечно же, будут счастливы. Не смотря ни на что. Он выберется из этой передраги, найдёт приличную работу, и они заживут припеваючи. Какое-то дурацкое слово: «припеваючи». И где он его слышал? Наверное, в какой-нибудь глупой песенке.

А в это время в штабе творилось нечто невообразимое. Генерал рвал и метал. Глаза его горели бешенством, а левое плечо поразил нервный тик, отчего Шорка постоянно кидало на спинку кресла. Свои команды он отдавал теперь исключительно криком, брызжа слюной. Профессора он приказал первым же самолётом отправить с базы куда-нибудь подальше, чтоб им тут даже не пахло. Иначе он собственноручно его пристрелит и спишет это на несчастный случай. Зендер сильно побледнел, но перечить генералу не решился. Шорк потребовал вызвать лучших специалистов по допросам. Можно даже извергов и садистов. Главное — чтобы был результат.

* * *

К вечеру погода стала ухудшаться. Небо затянули облака, противореча еженедельному прогнозу. Если бы пленников держали на поверхности, то Мокасин заметил бы интересную особенность: чем более хмурым становился он сам, тем сильнее темнело небо, и мрачнее становились тучи. Больше всего индейца угнетало полное отсутствие голосов Духов. Да и откуда ему было знать, что подземелье, в котором их содержат, когда-то давно принадлежало Ордену. Монахи всегда запечатывали свои владения заклятьями от любых Духов.

Мокасин затянул про себя заунывную индейскую песню, отгоняя сон и пытаясь найти способ выбраться отсюда.

На следующий день прилетел грузовой вертолёт и привёз команду весьма разношёрстной публики. Каждый из них тащил увесистый чемодан со своим инструментом. Все «специалисты» были неуловимо схожи между собой. Сближало их полное отсутствие какого-либо выражения в пустых глазах и отточенные, как у профессиональных хирургов движения. Будто зомби какие. Генералу даже стало как-то не по себе.

Профессор Зендер поспешил нырнуть в вертолёт и захлопнуть за собой дверь. Следовало поспешить: ещё с вечера погода стала странным образом портиться. По небу бежали чёрные тучи, сбиваясь в огромные, зловещие стаи. Иногда проскакивали жилки молний, но грома пока было не слышно.

Генерал отдал распоряжение спецам располагаться у него в кабинете на верхнем этаже, а своему помощнику дал команду: привести последнего из пленных с красным цветом кожи. Может, хоть из него они что-нибудь толковое выжмут.

В камеру к пленным вошёл крепыш-сержант и с сочувствием посмотрел на индейца. В глубине души он был обычным солдатом и никогда не издевался над врагом. Про команду спецов он услышал сегодня утром и откровенно жалел пленников. Молча, он указал индейцу на дверь и отошёл в сторону. Мокасин легко поднялся с пола, кивнул парням и пружинистым шагом пошёл по коридору. По странному поведению охранника он сразу понял, что сегодня будет нечто необычное. Тем лучше.

Поднявшись на лифте на верхний этаж, они прошли по длинному коридору. Это была уже надземная часть бункера. И тут индеец мельком увидел в окне почерневшее и страшное небо. Так вот оно что! Вот, что не давало ему покоя всю эту ночь! Он с благодарностью вспомнил Духа озера. Каким-то странным образом его мрачное настроение повлияло на местную погоду. В том, что это не просто намечающийся дождик Мокасин был уверен на все сто. Это прибавило ему решимости. А самое главное — он, наконец-то услышал своих «помощников» и голоса местных Духов. Амулеты в сумке, спрятанной в сейфе генерала, радостно зашевелились и наперебой завопили:

— Здорово, шаман! Какие дела!

— Где пропал-то? Мы тут чуть не загнулись от скуки.

— Командуй, блин! Чё делать-то?

Индеец мысленно остановил порыв своих бравых ребят и попросил обождать немного.

В кабинете генерала стало немного тесно от спецов и их чемоданов. На столах и где только возможно громоздились горы сверкающих инструментов, один другого вычурнее и страшнее. Мокасин сразу просёк намерения этих парней и понял, что времени у него в обрез. Нужно было сразу брать инициативу в свои руки. На предложение генерала занять место в кресле, как у стоматолога, индеец лишь зловеще усмехнулся и резко свистнул.

В один миг кабинет наполнился едким чёрным дымом и диким улюлюканьем. Это «помощники», проломив сейф, выскочили наружу и затеяли полный беспредел. В воздухе засвистели инструменты спецов, смачно втыкаясь во что-то мягкое. Вопли злодеев потонули в оглушительном грохоте снаружи. Небо над базой будто расколосось пополам, озарив всё вокруг ослепительными вспышками молний, которые били в землю, не переставая.

Большинство зданий базы тут же превратились в руины. Ополумевшие от страха люди бегали по территории, пытаясь укрыться от сумасшедшей грозы. Не всем это удавалось, и вскоре, то там, то здесь, повыврастали маленькие столбики пепла.

Посреди всего этого хаоса стоял невредимый индеец и счастливо улыбался. Сработало заклинание! Правда, чересчур сильно, но в данной ситуации в самый раз. Со стороны главного здания, от которого мало что осталось, донеслись знакомые крики.

— Эй, Мокасин, это ты или нет?

— Хау! Я это. Хорошая гроза, не правда ли?

— Ну, ты даёшь! — восхищённо крикнул Эдик, подбегая к другу.

— Не бойтесь, гроза вас не заденет.

Только теперь парни заметили, что молнии скачут, как бешенные, вокруг них, образуя некое кольцо.

Эдик рассказал, что после первого же сильного удара грозы, дверь в их камеру слетела с петель. По коридору носились офигевшие солдаты, не обращая внимания на пленников. Парни быстро подхватились и ломанулись к шахте лифта. Однако кабина просвистела мимо них с жутким скрежетом, унося в самый низ вопящих людей.

Тогда Эдик потащил всех на лестницу, которую он заприметил ранее, когда был вне тела. Тут повсюду валялись здоровенные куски бетона. Следовало быстро литься отсюда, пока здание совсем не обрушилось, как карточный домик.

У выхода дорогу им перекрыл генерал. Он был весь жутко изранен, будто дрался с кем-то на штурмовых ножах. На правой руке не хватало трёх пальцев, а через всю левую щеку пролегал страшный порез, обнажая верхнюю челюсть и делая его похожим на героя из фильма ужаса.

— Стоять всем! — вращая бешено глазами, прорычал Шорк и направил на бывших пленников пистолет.

Парни нерешительно остановились. Эдик хотел уже применить своё джиу-джитсу, но это не понадобилось. Следующий удар грома обрушил на генерала большой кусок штукатурки, навалив над ним приличной высоты курган.

— Canalla! — крикнул Эдик и потащил, впавших в ступор, Гашу и Санаха подальше от рушащегося здания.

Посреди двора он увидел знакомую фигуру индейца, окружённого пляшущими молниями. Выглядело это довольно жутко, хотя и красиво. Он окликнул Мокасина, и вот теперь парни стояли в кругу из ярких сполохов, решая, как быть дальше.

Эдик предложил пробираться к порталу обходными путями, держась подальше от той дороги, по которой их привезли сюда. Причём бежать нужно было немедленно, пока военные не прочухались. Никто и не спорил. Санаху предложили топать домой, но он был так напуган, что и слушать не хотел об этом.

— Нет, парни. Я с вами. Куда я сейчас один попрусь? Да и повяжут меня на хазах в момент.

Эдик аж удивился. И когда этот малый успел таких слов нахвататься? Он посмотрел на Гашу, но тот лишь развёл руками, мол, не при делах.

Возле приземистого бункера стоял под парами небольшой броневик. В голове у Гонзалеса что-то щёлкнуло, и он, не оборачиваясь, понёсся к машине. Из броневика раздались на встречу выстрелы. Эдик ловко уворачивался от свистевших пуль, лишь ещё больше распаляясь. В открытый люк он запрыгнул с яростным «Banzai!». Вскоре оттуда как попкорн повывлетали бойцы, падая на землю с явным отсутствием сознания. А броневик, взревев нутром, лихо подрулил к парням, и из центрального люка показалась сияющая физиономия Эдика.

— Камон, девчонки! Айда прокачу!

Парни, не долго думая, полезли внутрь. Гаша больно ударился о пушку, и Эдик со смехом крикнул:

— С боевым крещением тебя, пипл! Будешь заряжающим.

— Но я же не милитарист! У меня, вот, и пацифик имеется.

— Захочешь жить, будешь хоть оккупантом. А свой пацифик можешь в задницу засунуть, плашмя. Держись, братва!

С этими словами Эдик рванул рычаг на себя и притопил гашетку до упора. Броневик, как породистая лошадка, взбрыкнул всеми десятью колёсами и понёсся, разметая всё на своём пути. Никогда он ещё так безбашенно не носился, а потому откровенно радовался.

« — Вот это, я понимаю, водила! — думал он, — Не то, что этот долбанный лейтенант, который больше пятидесяти никогда не ездил. Вот если бы ещё этот герой на красную кнопочку надавил. Тогда я ему такое бы показал, любой гонщик от зависти удавился бы на месте».

Взгляд Эдика упал на приборную доску и призывно подмигивающую красную кнопку. С техникой испанец всегда был на «ты». Поэтому он не стал мучаться сомнениями и вдавил кнопку до упора.

Броневик радостно взвизгнул турбиной, подключив полный привод и реактивный баллон с окислителем. Машина лишь на секунду зависла в воздухе и затем рванула так, что пассажиры впечатались в жёсткие сиденья. Не успевший пристегнуться, Гаша пулей вылетел в открытый люк, сильно ударившись о дерево. От чего сразу лишился обычного, человеческого восприятия и погрузился в кому. А так как сидел он сзади всех, то его исчезновения никто сразу и не заметил.

Машина мчалась, не разбирая дороги и лязгая подвеской на ухабах. Эдик вцепился в руль, как клещ. Аж скулы свело от напряжения. Индеец что-то пытался ему сказать, но Гонзалес только раздражённо отмахивался: у броневика оказался характер с норовом, и удержать боевую машину было ох как не легко. Наконец, заряд окислителя закончился, а с ним и последняя капля горючего вылетела со свистом в выхлопную трубу. Броневик сразу скис и прокатился ещё сотню метров по инерции, пока не упёрся в железнодорожное ограждение.

Парни вылезли наружу, слегка очумевшие от быстрой езды. Индеец подошёл к Эдику и спокойно произнёс:

— Слышь, разведка, мы пипла потеряли.

— Как так!?! — всполошился Эдик и нырнул обратно в броневик, — Какого хрена!?!

— Я тебе всю дорогу пытался это сказать, но ты был слишком занят.

— Вот запаadlo, блин! И куда этого волосатого понесло? Может, за пивом решил сгонять на ходу?

— Хау! Я думаю, что его выбросило на кочке. Люк был не закрыт.

Эдик озадаченно почесал затылок, быстро соображая, как поступить дальше. Конечно же, пипла нужно было искать. И как можно быстрее. Военные долго сопли жевать не будут. Максимум через полсуток их начнут усиленно разыскивать, и тогда уже благоприятный случай сбежать может не представиться. Но где искать то? Возвращаться? Нет, повяжут сразу. Но ведь не бросать же его тут, в самом деле. Время поджимало. Задерживаться здесь было нельзя.

Испанец вспомнил, как в последний миг, перед тем, как вынырнуть из бестелесного состояния, он успел услышать слова Оресиса. Тот что-то сказал о камне. Будто щель скоро закроется и, вероятно, они не скоро смогут вернуться в свой мир. Поэтому нужно было срочно принимать решение.

— Возвращаться мы не можем, только время потеряем. Давно он исчез?

— Точно не знаю, — ответил Мокасин, — Скорее всего, после того, как ты нажал на ускоритель.

— Значит, почти рядом с базой. Это не *esta bien*. Ладно, слушай мою команду: искать сейчас мы его не будем, а двинемся в сторону леса. По пути зарулим к братьям-монахам. Они нам и помогут найти пипла. У них здесь под землёй широкая сеть тоннелей, которые доходят до самого камня. Это нам на руку.

— Пойдите, — возразил Санах, — Какие монахи? Уж не чёрные ли, из Красной области?

— Они самые. А что не так?

— Так ведь ими всех пугают. Говорят, что они ловят зазевавшихся туристов и затаскивают к себе на вечное обучение всяким книжным премудростям.

— Глупости говорят. Хотя некоторым ума прибавить вовсе не помешало бы. Ты же, Санёк, взрослый человек, а болтаешь *total del absurdo*.

Санах смутился. И чего это он, на самом деле? Ведь его всегда привлекали таинственные вещи. Может, он всё время и стремился к чему-то подобному? А как же Мийя? Что теперь с ней будет? Как же их любовь и счастливая дальнейшая жизнь? Да и будет ли она эта жизнь? Ведь военные теперь не оставят его в покое. Ещё, чего доброго, припишут полное разрушение их городка. Потом за всю жизнь не рассчитаешься. Вопросы выскакивали, как горох из дырявого мешка, а ответов что-то не приходило.

Эдик пытался прикинуть направление. В темноте это было совсем не легко. Здешних звёзд он не знал. Да и не видно их было из-за туч. А дорогу, по которой их привозили на базу, они проскочили поперёк с полчаса назад.

На помощь пришли «весёлые парни» Мокалина. Индеец вынул из сумки пару амулетов и шепнул несколько слов. Те даже засверкали от удовольствия. Перебивая один другого, они кинулись сыпать своими познаниями:

— Блин, зуб даю: нужно топтать в южном направлении!

— Чё ты мелешь то? Какой, нафиг, зуб? У тебя их никогда и не было. Я точно говорю: надо рулить на юго-восток.

— Да ты опупел, салага! Булыжник строго на юге!

— Сам ты салага. Меня за три зимы до тебя сделали!

— Зато я на шести ритуальных замесах с хозяином оттопыривался, а ты только на двух!

— А я! А я круче дым пускать умею!

— Ха! Удивил. Я этого дыма сколько хочешь напукаю.

— Цыц всем! Чё за базар устроили? — прикрикнул на них индеец, — Говорите толком, куда шагать?

Из сумки вылез самый старый амулет и, прокашлявшись, сказал:

— Шкните, салабоны! Моя дряблая печёнка чует, что идти надо на восток.

— Почему на восток, — спросил Мокалин.

— Там местные Духи зависают. Они помогут. А напрямки только лохи ходят. Прямая дорога не всегда самая короткая. Хау!

— Ладно. На восток, так на восток, — согласился Эдик, — Санах, кончай мечтать. Возьми в бронеке сумку с провизией, а ты, Мокалин, присмотри чего-нибудь из оружия. Я пока попробую рацию выдрать.

Эдик полез под щиток, обрывая провода и выдёргивая колодки из разъёмов. Это не очень понравилось самой машине, но помешать она никак не могла. Наконец, он добрался до корпуса радиостанции, но отключить её не успел. Машина в отместку запустила программу самоуничтожения. Блок с рацией быстро оплавился и потёк, издавая удушающую вонь. Эдик выскочил из машины с криком:

— *Salvese quien pueda!* Шухер!

Индеец и Санах вылетели из броневика, как ошпаренные. Эдик оттащил их подальше, но взрыва не последовало. Машина тихо расплавилась, превратившись в небольшую лужицу защитного красно-оранжевого цвета. Санах успел, всё же, достать чемодан с консервами, а Мокалин отломил пару острых лезвий от ножевых гранат. Эдик матерно выругался по-мексикански, но потом справедливо решил, что рация ему особенно и не нужна. Всё равно он

не знает местных кодов и названий объектов. А то, что их будут искать везде, не вызывало никаких сомнений.

— Ну, и хрен с ним! Айда, хлопцы.

Парни подхватили шмотки и собрались, было, отчаливать, как вдруг услышали сиплый свист приближающегося поезда. Из-за поворота показался белый фонарь, ярко освещая пути. На рельсах заплясали призрачные блики, вырастая в сияющие стрелы. Парни попрыгали в кусты и затихорились. Поезд шёл довольно медленно. Может, из-за грозы, а может, просто так. Это было заманчиво. Направлялся он почти в нужную сторону. Когда прошёл головной состав, парни убедились, что это местный товарняк. Часть вагонов была не заперта. По всей видимости, состав шёл порожняком. Упустить такую возможность было никак нельзя.

Парни выскочили из укрытия и стали по очереди запрыгивать в пустой вагон. Санах замешкался и чуть не угодил под колёса. Нога соскочила со ступеньки, и он повис на руках, брякая каблуками по насыпи. Глаза округлились от ужаса, а в горле моментально пересохло. Эдик с индейцем схватили его за шиворот и втянули в вагон, чертыхаясь и обзывая Штыща всякими нехорошими словами, значения которых он, к счастью, не знал. Поезд сразу стал набирать скорость, будто только для того и притормозил, чтобы подобрать беглецов.

Сказалось долгое напряжение, и парни сразу повалились спать, решив, что на сегодня хватит приключений. Санах во сне подёргивался и сдавленно стонал. Ему снились кошмары на тему катастроф, главным участником которых был он сам. Индеец находился в своей обычной шаманской полудрёме, окружённый защитой верных помощников-амулетов. А Эдик спал спокойным сном честного шпиона, без сновидений и тревог. Профессионал, одним словом.

Мимо проплывали смутные очертания деревьев, которые радовались долгожданному дождю и шелестели между собой о чём-то своём, деревянном. Им совершенно пофигу были все эти человеческие страсти. Лишь бы не срубили под корень, а так всё путём. Жить, как говорится, хорошо! А лесорубам — верёвку и мыло. Крепкий сук всегда найдётся.

ГЛАВА 19.

Бывает так, что ты уже, вроде как, проснулся, но глаза открывать не охота, да и повалиться ещё тянет. Лежишь себе и откровенно тащишься. Никуда спешить не требуется, никто ломаками не закидывает. Хотя... Чем это так отвратно пахнет? Аж в носу защипало. Гаша попытался открыть глаза, но сработал только один левый. Правый чего-то тормозил. Гаша дотронулся до него рукой и тут же завопил от боли: бровь, если теперь её можно было так назвать, выросла раз в десять и нависала над глазом, как скала. От прикосновения перед носом запрыгали яркие звёздочки. Гаша осторожно огляделся здоровым оком и конкретно застремался:

— Ну, ёлы-палы! Чё за грёбанный облом?!

Здоровый глаз с возрастающим ошизением осматривал голые земляные стены глубокой ямы, пока не наткнулся на незнакомого бомжа. Гаша аж подскочил от неожиданности, отчего в голове загудело, и перед глазами снова поплыли звёзды.

— Ты ещё кто такой? — истерично вскрикнул он.

— Ну, чего орёшь? Свободного человека никогда не видел?

— Издеваешься, бомжара долбанный!?

— Бом... кто?

— Ты чё, опух? Я не по-русски говорю?

— Что такое «поруски»?

И тут до Гаши дошло, что синяя физиономия пипла вовсе не от бухла. Это же параллельный мир, вспомнил он. Тут все такие. Но что здесь в яме делает он — Гаша? Да и этот тип тоже не похож на обычного цивила. Вон, весь в обносках, да и воняет по-чёрному. Может, это какой-нибудь местный бомж?

— Ты кто? — уже более спокойно спросил он.

— Я же говорю: свободный человек.

— Понятно. Бичуешь, значит. А я думал, глюк.

— Что такое «глюк»?

— Ладно, проехали. Ну, а я то, как тут оказался?

— Да кто тебя знает. Свалился мне вчера чуть ли не на голову, да и затих в уголочке. Видно башкой ты крепко приложился.

Гаша осторожно потрогал опухшую бровь. Странно, что сотрясения не ощущается. Во всяком случае, блевать не тянет. Но кто это его так? Вроде бы ни с кем не гасились. И тут он вспомнил про побег, броневик и стремительный полёт из люка. Последним фрагментом сознания было раскидистое дерево на обочине дороги. Похоже, что именно с ним Гаша и

подружился вчера тесно. Вчера?! Так что, он тут уже целую ночь проторчал?!? А где ж его боевые спутники, будь они не ладны? Бросили, падлы? Как же так?

Гаша не на шутку обломился. Хотя, чего зря бочку катить. Может они там все поубивались, в этом броневике и остался он совсем один в чужом мире? Вот, блин, стремак то какой! Аж внутри стало как-то холодно и неудобно, словно кишки сжались. Гаша медленно сполз по стенке и уселся на влажной земле.

— Э, да ты чего? Худо, что ли? — забеспокоился бомж.

— Не просто худо, а конкретный даун и попадалово, блин!

— Брось! Главное — живой пока, а остальное само придёт.

— Ты не понимаешь! — взволнованно зачастил Гаша, — Это не мой мир! Я ж с Земли. Я тут совсем случайно оказался. Мы вообще на юг пилили. Случайно в лесу пиплов из секты встретили. Они Землю насквозь рыли. Ещё камень здоровенный нашли. Мы только посмотреть хотели, а нас туда нафиг засосало. Мы — сюда. А тут нас милитаристы грёбаные повинтили. Пытать, гады, хотели. А мы взяли, да и скипнули в грозу. Надыбали броневик трофейный. Класная тачка! Только я — мудака — не удержался и вылетел из люка. А фрэнды куда-то умчались, и я не знаю, что с ними. Может уже домой свалили, а может, накрыли их нахрен какой-нибудь грёбаной гранатой, и лишь я один в живых остался. А мне тут — полный атас! Милитаристы вмиг повяжут и опыты будут творить бесчеловечные, суки.

При последних словах Гаша аж всхлипнул от жалости к самому себе, а кишки сжались ещё больше, призывно намекая на «сгонять в кусты».

— Я сейчас, — коротко бросил он, схватившись за живот и почти бегом направляясь к выходу из оврага.

Бомж пожал плечами и продолжил, не торопясь, сочинять в уме свои будущие мемуары. Это было его любимым занятием. Вскоре размышления прервал некий посторонний шум. Из кустов донеслись устрашающие звуки. Бомж усмехнулся, промолвив:

— Эк напугали парня! Будто из пушки палит. Да ещё и заговаривается малость. Сумасшедший, это точно.

Через некоторое время Гаша вернулся, с опаской озираясь по сторонам. Вроде бы вдалеке вертолёт пролетел. Наверное, это вояки их ищут. Вот попадалово! Хоть ты тресни. Взгляд упал на бомжа. Вдруг его нижний клапан снова придавило, но пятки словно приросли к земле, не давая сдвинуться с места. Изнутри пытался пробиться сдавленный крик ужаса, хотя тщетно. Гаша подумал, что видит один из своих ночных кошмаров. На миг даже промелькнула мысль, что вот он, дескать, сам осознал своё сновидение, но радости это не принесло совсем. Самое страшное: он отлично понимал, что это не сон, а значит всё взаправду. И вроде бы ничего такого, но как только Гаша увидел глаза этого «бомжа», то тут же выпал в осадок. Потому что это не были глаза человека.

— Т-т-ты Союзник? — спросил Гаша заикаясь.

— Нет, брат, не угадал. К неорганике я отношения не имею. Хотя со многими знаком. Вижу, ты боишься меня. Не стоит. Я не причиню тебе вреда. В прошлой жизни я тоже был

человеком, но покинул колесо Сансары. А потом мне стало скучно, и я вернулся в этот мир. Хотя и не на Землю, про которую ты упоминал.

Гаша с трудом сглотнул и протёр глаза. Нет, ему не мерещилось: это человек, но не совсем. Зрачки у него были совершенно чёрными и во всю глазницу.

— Но как же зовут тебя? — хриплым голосом спросил он.

— Сейчас — никак. А в прошлой жизни звали Шри Рама Харамарши.

— Харамарши?!? — воскликнул Гаша и просто ошизел.

— Ну да. А что тебя удивляет?

— Но ведь... Это... Ты же Просветлённый!

— Было и это, дальше-то что?

— Ну, как же? Ведь это предел всего! Мечта любого буддиста и... Это... Ну, блин, даже не знаю, чего ещё сказать! Просто улёт!

Бывший Шри Рама с усмешкой покачал головой:

— Слова, слова. Всё пустое, как и сам мир. Ты что, буддист?

— Нет.

— Тебя волнует, кто ты?

— Ну, есть маленько.

— Знаю. Ты даже ради этого пытаешься экспериментировать со своими снами, хотя не отдаёшь себе в этом отчёта. Небось, прочитал уйму книг, медитацией балуешься, дурь попыхваешь, а?

Гаша от слов Просветлённого смутился. Выходило так, будто он его подкалывал, а Гаша относился к своим увлечениям серьёзно. Он даже немного обиделся, но тут же спохватился, ведь перед ним сам Харамарши!

— Пустое, — повторил тот, — Я уже совсем не Шри и даже не Рама. Теперь я Никто. Можешь звать меня так.

— О, я понимаю! Это одно из ваших Имён.

— Отнюдь. Это слово лишь для удобства. Раз уж я с тобой разговариваю, то и тебе надо как-то ко мне обращаться. Ведь не будешь же ты вечно подыскивать подходящее местоимение, чтобы что-то сказать мне. Так что зови меня Никто, а про Харамарши забудь. Нет его больше, и не будет. Всё в прошлом. Даже Пустота и Самость.

— Но почему?

— Скучно. Хотя ты не поймёшь. Это надо знать. С одной стороны, это здорово: тебя ничто не волнует, тебе ничего не хочется, одним словом — кайф самый офигенный, какой только может быть. Ты всё обо всём знаешь. Все вещи мира для тебя равны, и нет никакой разницы между Сансарой и Нирваной — всё одно. Да ты и сам об этом уже не раз читал, наверное. С другой стороны, по прошествии некоторого времени начинаешь ощущать некое странное неудобство. Будто не хватает тебе чего-то. Всё это фигня, будто в Самости нет чувства времени. Сначала — да, но постепенно опять его чувствуешь, хотя и по другому. Ты плаваешь в Пустоте и пытаешься найти ответ. Это, словно маленький жучок, начинает буравить твою Самость и весь твой кайф куда-то незаметно улетучивается. Вскоре от него не остаётся и следа. Ты начинаешь заново перепроверять все свои постижения и озарения и не видишь в них изъяна. Но, почему-то тебя это больше не радует. И только тогда понимаешь, что не хватает тебе обыкновенных человеческих ощущений: запахи, вкус, осязание. Ведь как это здорово: после дождя с грозой почувствовать свежесть и влажность воздуха, который вдыхаешь, аромат цветов и молодых листьев на деревьях, пощипывание озона в носу. Как последние капли дождя падают тебе на лоб и стекают по лицу. Как приятно ощупывать вещи руками, не запариваясь на том, что это иллюзия. А вкус! Пробовал ли ты когда-нибудь, что-нибудь есть ради только вкуса? Не глотать кусками, чтобы набить брюхо, а чувствовать каждый вкусовой оттенок поедаемой пищи? Нет, приятель. Что бы там не говорили, а физический мир — вещь далеко ещё не познанная и совсем плохо изученная, чтобы пытаться наплевать на него и смыться в Ничто. На самом деле, последнее сделать проще всего. А вот остаться в этом мире и наслаждаться им — это, брат, целая наука. Похлеще всякой Самости будет. Я тебе говорю. Поэтому-то я и вернулся в мир. Да, в общем-то, хрен с ним. Ты давай говори, чем я могу помочь тебе?

Гаша совершенно растерялся. Ну, блин, корки! Встретить настоящего Просветлённого и не знать, о чём спросить его. Ну не запахло ли, а?

— А почему же ты здесь, а не на Земле?

— А какая, в общем-то, разница? Жить везде хорошо!

— Но ты выглядишь, как натуральный бомж.

— Ты опять употребил это слово. Что такое «бомж»?

— Ну, этот, как его, мэн без жилья и прописки.

— Ах, ты об этом. Так это мелочи. Не стоит на них обращать внимания. Как и на свою внешность. Что есть, того достаточно. Я вот не моюсь с детства и ничего. Другие носы воротят, а мне плевать. Зато никто не пристаёт. Даже из общественного контроля. Тут вообще с этим проще.

Гаша задумчиво почесал репу, чуть не задев синяк на лбу. Он страдальчески поморщился. Никто посмотрел на него внимательно и уверенно произнёс:

— Тебе идёт. Ещё бы вторую бровь подправить, был бы вылитый Брахман.

— Издеваешься, — надулся Гаша, — А ведь я тебя не подкалывал с твоими носками-бумерангами.

— Не обижайся. Это шутка!

Никто встал с маленького чумазого коврика и выглянул за край оврага. Некоторое время он внимательно прислушивался и даже ловко пошевеливал ушами, словно кот. Гаша не удержался и прыснул в кулак.

— Чего смеёшься? — с любопытством спросил Никто, сам весело улыбаясь гнилыми зубами.

— Как это тебе удаётся — так ловко лопухами водить в разные стороны?

— А, ты про уши. Так это просто. Попробуй сам.

— Да я не умею, — почему-то смутился Гаша.

— Ну-ну, не надо скромничать. Ты попробуй!

Гаша попытался напрячься в районе ушей и с удивлением обнаружил, что они шевелятся! Да ещё как! В этом было что-то противоестественное. Он прекрасно понимал, что человек не может так владеть своими ушами. На какой-то миг ему сделалось страшно. Видимо этот бывший Просветлённый как-то воздействовал на него, и вот он теперь хлопает лопухами, как слон. И самое главное — уши, похоже, вошли во вкус и уже сами трепетали, словно крылья бабочки. Гаша не на шутку испугался и закричал благим матом:

— Эй, Никто, кончай нафиг! Чё за прикол, а? Кончай свои долбанные шуточки! Останови их!

— Я тут не причём, — смеялся Никто, держась за живот, — Ты сам этого захотел. Теперь тебе надо захотеть в обратную сторону. Вот и всё. Действуй!

Гаша несколько раз глубоко подышал, как учили на курсах по йоге, и мысленно сказал:

« — Уши, мать вашу фак, а ну стоять!!!»

Поддействовало. Трепет прекратился, будто и не было его вовсе. Однако теперь Гаша с опаской смотрел на, угорающего от смеха, Просветлённого и прикидывал, как лучше слинять отсюда. А самое главное — куда? Никто умолк так же неожиданно, как и начал смеяться. Лицо его стало серьёзным и даже немного озабоченным.

— Тебя ищут, — сказал он уверенно, будто только что сбегал на разведку, — Причём ищут военные. Ты преступник?

— Нет, что ты! — воскликнул Гаша, пытаясь заранее оправдаться.

— Ладно, успокойся. Мне до лампочки кто ты и что ты. Но тебя ищут и, если ты хорошенько не спрячешься, то вскоре наверняка найдут. Колись, чего натворил, засранец!

И с этими словами Никто резво подскочил к офигевшему Гаши и схватил его за грудки. Тот аж присел от неожиданности и, чуть было, не завопил:

— А-а-а! Только по почкам не бейте, менты поганые!

Никто пару секунд неотрывно смотрел своими чёрными, огромными зрачками прямо внутрь Гашиной Самости, а потом слегка толкнул его и от души заржал, обливаясь слезами и

фыркая носом. Сердце у пипла бешено колотилось. Хотелось тут же убежать, но ноги не двигались, словно впали в локальную кому. А Никто всё смеялся и размазывал сопли по немытому с детства лицу. Наконец, он успокоился и вытер слёзы.

— Ты просто умора! — воскликнул он, — Нельзя же так серьёзно всё воспринимать. Эдак ты мигом в крезу угодишь.

— А ты откуда про крезу знаешь? — дрожа от страха спросил Гаша.

— В твоей израненной башке прочёл. Это тоже просто. Кстати, фонаря у тебя уже нет.

Гаша недоверчиво ощупал бровь и удивился. А, ведь, и правда: синяк исчез! Чё за ботва? Не бывает такого. Может он, всё-таки, спит?

— Да не спишь ты, чудак. Я, хоть и никто теперь, однако много чего могу. Снять опухоль — плёвое дело. А сейчас внимательно слушай.

Никто весь как-то подобрался и заметно преобразился. Теперь он уже не был похож на занюханного бомжа. Даже вонь исчезла. В чёрных зрачках замелькали золотистые искры, и Гаша подумал, что сейчас его начнут гипнотизировать.

— Ошибаешься, приятель. В этом нет никакой нужды. Просто слушай: тебя ищут не просто военные. Главный у них — на всю башку отмороженный генерал, который хочет завладеть секретом порталов. Он думает, что ты или твои друзья много знаете об этом. Хотя я вижу, что вы ни хрена не знаете. Это даже к лучшему. Но знай, что скоро проход закроется. У вас есть не больше двух суток, чтобы добраться до портала и вернуться в свой мир. Иначе вам придётся мазать рожи синим гримом и ныкаться по подвалам следующие тридцать лет. Я не смогу вам помочь. Мне это не интересно. Приключения прикольны лишь тем, кто в них участвует с самого начала. А мне не хочется врубаться во всю эту хрень на середине пути. Так что извини. Но я знаю, кто сможет вам помочь. Это местные монахи. Они так же заинтересованы, чтобы вы поскорее слиняли отсюда и не выдали их тайну. Да-да. Они являются Хранителями порталов, и у них уже было несколько стычек с сумасшедшим генералом. Тебе не стоит искать сейчас своих друзей...

— Но...

— Не перебивай! — воскликнул Никто, да так, что у Гаши мурашки забегали не только по спине, — Слушай сюда! Ты не сможешь сейчас найти их. Знай, что они живы и тоже беспокоятся о тебе, но и они не смогут сюда вернуться, так как их тут же повяжут. Тебе нужно замаскироваться. Вот универсальный крем. Держи!

В руках у Никто появился обыкновенный тюбик без каких-либо надписей и обозначений. Он протянул его Гаше и решительно сказал:

— Давай, мажь.

Гаша дрожащими руками взял тюбик и стал неловко размазывать прозрачную массу по лицу. Крем был совершенно без запаха и сразу же впитывался в кожу. По мере размазывания менялось и восприятие окружающего. Небо стало не таким ярким, цвет растений уже не казался неестественным, а очень даже гармонично вписывался в местный ландшафт. Да и сама планета стала как-то роднее.

— Не тормози! — прикрикнул на него Никто, — Это не просто крем. На некоторое время ты станешь настоящим танайцем.

Гаша опять испугался.

— Как это!?! Не хочу я ни в кого превращаться, — закапризничал он.

— Заткнись, пожалуйста. Это лишь на время. Как только ты пройдёшь через камень, всё вернётся обратно. А пока тебе лучше не отсвечивать своим белым фэйсом, как фонариком, приглашая всех заинтересованных: « Вот он я — тупой, белорожий пришелец. Ловите меня скорее и пытайте, сколько пожелаете!»

Гаша на этот раз даже не обиделся. Никто был прав. С его физиономией ловить нечего — вмиг заметут. Не милитаристы, так менты местные или кто у них тут по этому делу. Он взглянул на руки и обомлел: они стали натурального синего цвета. Причём выглядели совершенно естественно, как только бывают по настоящему чёрными негры, а не намазанный гуталином актёр. Вот бы в зеркало на себя полукать, но такого удовольствия, видимо, не представится.

Никто с явным удовольствием разглядывал новоиспечённого танайца и откровенно радовался. Приятно что-то в этом мире натворить! Затем он ещё разок высунулся из-за края оврага, огляделся и поманил Гашу пальцем. Тот осторожно подошёл и тоже высунул нос наружу. На горизонте маячили тёмные точки, в которых угадывались очертания вертолётов. Они бороздили участок неба и явно кого-то искали. Не было никаких сомнений, что это ищут беглецов, коим Гаша и являлся. От этого зрелища опять задрожали коленки, и захотелось нырнуть на дно оврага, чтобы спрятаться под каким-нибудь корешком или кустиком. И как это он раньше не заметил этих вертолётов, когда выбегал облегчаться?

Никто ухватил сползающего Гашу за шиворот и решительно сказал:

— Значит так. План следующий...

ГЛАВА 20.

Поезд мерно постукивал колёсами на стыках, создавая своеобразный медитативный ритм. Яркое солнце прошивало пространство грузового вагона голубыми пыльными лучами сквозь щели в стенах. Один из лучей, вслед за поворотом поезда, сдвинулся с уха Гонзалеса и впился ему прямо в глаз. Эдик зажмурился, морщась всем телом, и отвернулся. Под стук колёс так славно спалось, что просыпаться вовсе не хотелось.

Однако что-то насторожило шпиона. Профессиональный нюх подсказывал, что в окружающей обстановке появился какой-то напряг. Эдик лишь на один миллиметр приоткрыл правый глаз и тут же увидел перед носом пару нехилых сапог. В сапогах явно кто-то был. Гонзалес сделал обманное движение, будто хотел перевернуться на другой бок, а затем резко вскочил и с боевым кличем обрушился на владельца кирзачей. Тот не успел даже хыкнуть, как потерял весь воздух из груди и отлетел к дальней стенке вагона. Им оказался местный абориген из рода оборванцев. Видимо, тоже путешествовал на халяву, да только парни его вчера не заметили. Мужик скривился у стенки и обиженным голосом прохныкал:

— Забрались, понимаешь, в мой вагон, да ещё и дерутся гады.

— Ты кого это гадом обозвал? — сурово спросил Эдик.

— А чего дерётесь то? — ещё жалостливее запричитал дядька, — Я же только поинтересоваться хотел.

— А вот любопытных я с детства не люблю, — ядовито промолвил Эдик, медленно кивая головой и намекая на последствия.

Мужик испуганно забился в угол и подумал, что сейчас его начнут бить по-настоящему. Но тут за него вступился Мокасин:

— Ладно тебе, не пугай человека. Может он нам ещё пригодится.

— Точно-точно, я пригодюсь, вот увидите, — запричитал дядька, заискивающе заглядывая в глаза суровому индейцу.

Гонзалес тут же смягчился, так как был по натуре не злобным, и широко улыбнулся.

— Ну, nativo синерожий, давай мириться. Я ж не со зла, а только по причине рефлексии и профессиональной привычки. Но об этом тебе лучше не знать. Держи кардан!

Мужик с опаской пожал руку испанца. Мокасин сказал привычное «Хау!» и поднял ладонь на уровне лица, а Санах просто кивнул. Эдик с интересом разглядывал неожиданного подселенца, всё больше убеждаясь в его антиобщественном образе жизни. Одежда представляла собой некий гибрид рабочего комбинезона и до боли знакомой армейской химзащиты. Физиономию мужика украшала свалывшаяся борода серо-синего цвета, навевая какие-то непонятные ассоциации. Где-то Эдик об этом уже читал.

— Женщин любишь? — спросил он неожиданно.

— Да кто ж их не любит? — удивился мужик.

Эдик рассмеялся и похлопал дядьку по плечу.

— Расслабься. Это я так. Давай колись, barba, как тебя кличут.

— Колес Васах. Можно просто — Борода.

— Подходяще, — усмехнулся испанец, — Ладно, будем звать тебя Колян. Ну, а меня Эдиком зовут. А это кореша мои: Мокасин и Санёк. Был у нас ещё один пипл, да потерялся по дороге.

При этих словах Эдик снова нахмурился. Вчера они конкретно ухайдакались и так толком не решили, где найти монахов, а с их помощью и Гашу. Оресис ни фиги не рассказал, как с ним связаться, когда испанец был во внетелесном состоянии. Может, и хотел, да не успел.

— Слушай, Колян, а ты про монахов местных чего-нибудь знаешь?

— Это про чёрных то? Ну, знаю. Только опасно с ними связываться. Говорят, они под землёй живут и всякими тёмными делами ворочают.

— Туфту говорят. Знаю я одного, нормальный мужик. Немного с прибабахом, но это от большого ума. Служба у них очень ответственная: от всяких мудаков вроде нас порталы охраняют. А теперь у них ещё и войнушка завязалась с крезанутым генералом. Кстати, парни, это у него мы были в гостях. Про мировое господство мечтает, милитарист долбаный.

— А ты откуда про монахов знаешь? — спросил Эдика Мокасин.

— Да я ж говорил: когда меня на допросе током шандархнуло, я в осадок выпал и в бестелесном состоянии обретался. Да ты ж знаешь. Ну, вот тогда я и встретил их предводителя. Его Оресисом зовут. Мы уже почти договорились о побеге, да ты меня по роже хлестанул, вот я и не успел всё обтяпать. Где теперь их искать?

Всё это время молчавший Санах вдруг подал голос и задумчиво произнёс:

— Если вы имеете в виду их подземные коммуникации, то искать надо возле небольших холмов. Говорят, они каким-то образом иногда из них выходят, чтобы подловить зазевавшихся путников. Хотя, наверное, это тоже лишь глупые слухи. Я слышал об этом в одной телепередаче.

— Молодец Санёк! — радостно воскликнул Эдик, — Точно! Теперь и я вспомнил, как Оресис что-то упоминал про холмы. Надо найти подходящий и попытаться отыскать проход.

— Что-то я никак не догоняю, мужики, о чём это вы треплетесь? — спросил озадаченный бородач.

— Тебе, Колян, лучше не знать об этом. Ты, кстати, не заметил, что мы не совсем танайцы?

Тут только до мужика дошло, что двое из его новых знакомых не похожи на обычных людей. Страх с новой силой заиграл где-то между животом и коленками. Что за наваждение? Может, выпил вчера лишку? Вон, ведь, и не заметил даже, как парни в вагон забрались. Только утром их и обнаружил. А теперь выясняется, что они какие-то совсем не местные. Далеко-о-о не местные.

— Да вы, хоть, кто ж такие? — севшим голосом спросил он.

— Не ссы, паря. Мы, типа, из параллельного мира, но так вполне обычные люди.

— Вот те раз! А я смотрю, чего это рожи у вас такие разноцветные. Думал сначала, может, вы синяки какие. У нас, если гадости какой нажрут, тоже морды бывают — не приведи Господь. А вы, значит, из этого, как его, параллельного мира будете. Слышал я где-то про такие. Только думал, сказки всё это. А, гляди ж ты, всамделе, значит, бывает!

Эдик хитро усмехнулся:

— Во вселенной ещё и не такое бывает. Но, как говорится, ближе к телу. Не желает ли местный товарищ подействовать и препроводить нас к ближайшему холму?

— Чё?

— Я говорю, помощь твоя требуется, Колян. Мы должны найти проход в подземелье. А ты, судя по всему, хорошо знаешь эту местность. Поможешь нам, а мы тебя отблагодарим.

— А как? — загорелись глазки у мужика.

— В живых оставим, — мрачно ответил Эдик.

Дядька испуганно отпрянул и снова чуть не расплакался.

— Да пошутил я, успокойся! Чего ты такой зашуганный? — рассмеялся Эдик, хотя глаза у него по-прежнему оставались серьёзными и цепкими, как у кота на охоте.

Между тем, поезд замедлил ход. Похоже, подъезжали к очередной станции. Эдик прикинул щели в стене и внимательно осматривал окрестности. Остальные тоже последовали его примеру. После небольших домишек на окраине, показались высотки крупного города. Поезд, видимо, не собирался здесь останавливаться, а шёл через город транзитом. Дальше, по словам бородатого, состав помчится на восток почти без остановок. Это было не совсем правильное направление. Нужно сойти в этом городе и попытаться затеряться в нем на время.

Эдик решительно распахнул дверь. Свежий воздух упругой струёй влетел в вагон, разметая остатки неизвестного порошка на полу. В носках противно защипало. Подождав, пока скорость упадёт до минимума, Эдик скомандовал:

— Всем за борт, canalla!

Первым выскочил индеец, ловко увернувшись от встречного столба. Бородач натужно крикнул и спрыгнул следом. Быстрыми шажками он пробежал по инерции несколько метров, балансируя, как цирковой артист, но споткнулся об торчащую железку и плюхнулся на живот, расцарапав нос.

Санах нерешительно прижался к косяку двери и со страхом смотрел на щёбёнку, что пронеслась под ногами. Камни мельтешили быстро-быстро, и от этого казалось, что скорость поезда ничуть не уменьшилась. Эдик не стал ждать, пока Санах впадёт в ступор, схватил его за локоть и резко рванул за собой. Санах даже вскрикнуть не успел, как оказался на земле, больно ударившись пятками о твёрдую поверхность. Эдик привычно сгруппировался и умудрился удержать Санаха от нырка башкой под колёса поезда.

Высадка прошла в целом благополучно. Борода уже бежал к низкому приземистому зданию. Судя по разбитым стёклам, давно заброшенному. Парни последовали за ним. Внутри помещение оказалось бывшим угольным складом и ничем не отличалось от подобных заброшек на Земле: все те же залежи мусора и сушёных фекалий. Похоже, что здесь давно никого не было. На полу ровным слоем лежал толстый слой пыли. Похоже, что в ближайшее время здесь никто не появится. Однако задерживаться не стоило.

Эдик поднял воротник, экспроприировал на время у Бороды шляпу «а ля Челентано» и сказал, чтобы парни ждали его здесь. Затем внимательно осмотрелся через разбитое окно и выскочил наружу. Через секунду он исчез, словно сквозь землю провалился. Мокасин уважительно произнёс:

— Профессионал, ничего не скажешь.

Потянулись томительные минуты ожидания. Мокасин мысленно пересчитал своих подопечных. Все амулеты были на месте и рвались в бой. Но воевать пока было не с кем. Санах тосковал по своей возлюбленной, прикидывая в который раз уже за последние сутки, как им жить дальше. А Борода просчитал варианты и пришёл к выводу, что пока лучше оставаться с

этими необычными парнями. Бить, вроде бы не собираются, а выклянчить у них, возможно, чего-нибудь удастся. Какую-то штуку ценную, которую потом можно будет выгодно толкнуть на барахолке.

Вскоре на заднем дворе раздался мерный рокот мощного автомобиля и короткий сигнал. Мокасин осторожно выглянул из-за двери и увидел сияющую физиономию Гонзалеса, торчащую из внушительной тачки, похожей на джип, только с тремя парами колёс. Эдик призывно махал рукой и порывивал, нажимая на газ.

— Во приколы! У них сцепление, как у танка! Никакой мягкости: чуть отпустил, и уже летишь. Классная тачка! Занимайте рублёвые места!

Парни попрыгали на кожаные сиденья. Изнутри машина казалась ещё огромнее и пахла очень дорого. В центральной консоли блестела хромом солидная магнитола с кучей наворотов, а под задней полкой угадывалась мощная акустика.

— Ты где откопал такое чудо? — поинтересовался Мокасин.

— Да стояла, понимаешь, такая красавица без дела возле какого-то кабака. Ну, я и решил, что она нам нужнее, чем тому, кто сейчас квасит в той тошниловке.

Санах с Бородой переглянулись. Это могло закончиться весьма плачевно. На таких машинах простые танайцы не ездят.

Эдик повертел пальцем над магнитолой и решительно вдавил, сияющую матовым светом, синюю кнопку. Машина тут же взорвалась оглушительным рёвом чего-то, сильно напоминающего хэви-метал. Амулеты из сумки индейца выскочили наружу и на глазах изумлённых аборигенов пустились в такой дикий пляс, будто их всё это время держали на цепи.

Индеец не стал их привычно осаживать и дал вволю оторваться, сам притопывая ногой в ритм забойной музыки. Эдик проорал что-то матерное по-мексикански и впечатал педаль в пол. Машина взревела всеми двадцатью шестью цилиндрами, взвизгнула колёсами, а затем понеслась по широкому проспекту, громяхая басом и барабанами из открытых окон и распугивая редких прохожих.

А в это время в кабаке, на столике возле сцены, тревожно запиликал брелок. Его хозяин — весьма объёмистый дядька в шикарном костюме — недовольно поморщился и с досадой произнёс:

— Блин, вот уроды, а?! Третий раз за неделю тачку угоняют! Да за что я бабки плачу этим грёбаным сервисменам? «Супер-сигнализация! Миллиард секретных кодов!». Блин! Миллиард способов угнать вашу тачку. Это уж точно.

Взяв широченной ладонью пищалку, он наморщил лоб и долго прицеливался в маленькие кнопочки. Палец норовил нажать сразу на четыре. Дядька ещё больше разозлился:

— Не, блин, ну точно уроды! Под какие руки заточена эта хрень!? Я чё, пианист, какой? Вот козлы!

Наконец его терпение лопнуло, и он с силой запустил девайсом в тощую девицу на сцене. Но не попал. Брелок звонко врезался в колонку и с жалобным писком разлетелся на кусочки.

Батарейка весело подпрыгнула на неровном полу, прокатилась пару метров и забила в щель, радуясь досрочной отставке.

Дядька поманил пальцем официанта, потребовал телефон. Тот шустро сбегал к стойке, схватил аппарат и любезно преподнёс дорогому клиенту. Дядька снова с недоверием воззрился на миниатюрную конструкцию. Возникла небольшая пауза, во время которой официант желал бы провалиться сквозь пол, так как выражение лица клиента не предвещало ничего хорошего.

— Послушай, любезный, ты видишь эту руку? — спросил дядька и весело покачал кулаком перед самым носом бедняги.

— О да, конечно! Такую руку невозможно не заметить!

— Так вот. Если не хочешь попробовать её на вкус, живо притащи мне нормальный телефон.

Официант быстро кивнул и кинулся в кабинет к начальству. Через пару минут, когда дядька уже присматривал, с чего начать крушить эту грёбаную забегаловку, официант также стремительно вернулся и протянул обычный аппарат, за которым тянулся шлейф провода из кабинета шефа. Сам шеф поспешил слинять куда-нибудь подальше.

Дядька тяжело вздохнул. Желание крошить всё вокруг не успело толком оформиться, но оставило внутри некое чувство неудовлетворённости. Он немного подумал и решил пойти нетрадиционным путём. Обычно все предыдущие угоны разбирали его охранники. Но это стало утомлять. Пусть менты теперь поработают. А то слишком много ненужных вопросов задавать стали. Он набрал всем известный номер и постарался говорить вежливо, насколько это было возможно. Дав описание своей ненаглядной, он с силой треснул телефоном по столу и заказал целый графин крепкой.

Официант ловко прибрал на столе, сбегал на кухню, заказал горячее, а затем с подобострастием выставил на стол клиента запотевший графин самого лучшего пойла.

— Это за счёт заведения, — поспешил угодить он, взяв на себя смелость, распоряжаться хозяйским добром.

Дядька хмуро налил себе целый фужер и залпом опрокинул содержимое внутрь. По телу пробежала приятная дрожь. Настроение стало понемногу приходить в норму, и вскоре он уже не вспоминал о своей пропаже, целиком захваченный танцем невиданной красоти с южного континента.

* * *

Тем временем экипаж джипа всюду угорал над потешными анекдотами на волнах местного радио. Они уже успели нарезать по городу несколько кругов, удивляясь, что патрульные машины, коих в центре было предостаточно, совершенно не обращают на них внимания. Пару раз Эдик даже заметил, как местные гаишники специально отворачивались, когда они проезжали мимо. Это наводило на соответствующие размышления. Стало быть, машинка весьма крутого мэна. Ну, им это на руку — меньше хлопот с властями.

Однако очередной патруль вдруг неожиданно включил сирену и помчался вдогонку. Видимо что-то изменилось. Эдик не особенно волновался, в его жилах текла кровь настоящего *el macho*, и удирать от властей было делом привычным.

На широком проспекте было достаточно места для маневра. Гонзалес ловко вертел баранкой, не пропуская патруль вперёд. Индеец сидел рядом и широко улыбался. Его амулеты совсем взбесились и всё норовили выпрыгнуть наружу, да навешать преследователям по шее. Мокасин нехотя тормозил их заклинанием и не давал потратить запас силы на глупую драку.

Вскоре показалась окраина города. Борода что-то прокричал сквозь грохот музыки, которую Эдик снова включил на всю катушку. Его никто не услышал. Тогда он хлопнул испанца по плечу и указал на магнитола, прося сделать потише. Эдик вырубил звук, но в ушах продолжало звенеть тарелками и визжать гитарным запилом. Борода снова крикнул Гонзалесу в самое ухо:

— Я говорю, скоро за небольшим леском начнётся длинный пустырь. На нём я когда-то прятался от полиции. Там есть холмы. Может это то, что вы ищете?

Эдик кивнул и прибавил газу. Машина бодро рыкнула, обдав преследователей удушливым выхлопом обогащённого топлива. Патрульные явно матерились на местном наречии и махали вдогонку жезлами, удивительно похожими на знакомые полосатые палки. Парни в джипе только посмеивались да восхищались водительским мастерством Гонзалеса.

Но тут патрульные как по команде спрятали свои жезлы. Некоторое время обе машины мчались, только урча моторами. Затем из патрульной машины прозвучала команда остановиться. Эдик показал в окно неприличный жест. В ответ преследователи сделали несколько предупредительных выстрелов.

— Пугают, — нехотя успокоил своих спутников Гонзалес.

Но вскоре пули звонко застучали по кузову джипа. Для его бронированного тела это были семечки. Полицейские это тоже поняли. Из их машины донеслось последнее предупреждение, а затем крыша съехала назад, и оттуда появилась самая настоящая пушка.

— А вот это уже серьёзно. Держаться всем! — крикнул Эдик, крепче вцепившись в руль и внимательно следя за патрульной машиной. Помня о пристрастии местных силовиков к звуковым гранатам, испанец и на этот раз ожидал чего-нибудь подобного. И не ошибся. Сзади мелькнула вспышка. Это полицейская пушка выплюнула тонкий длинный снаряд. Когда до джипа оставались считанные метры, Эдик резко крутанул ручку громкости на магнитоле до упора.

Мощный гитарный рёв, вместе с грохотом двигателя сработали, как детонатор. Снаряд взорвался раньше времени, не долетев до джипа каких-то пару метров. Последствия этого были ужасны: машина преследователей сама влетела в зону поражения и, завертевшись на месте, по очереди выплёвывала из своего нутра оглушённых патрульных, которые тут же выпадали в осадок, выпучив глаза и держась за уши.

Кроме того, в окрестных домах на километр вокруг повывлетали все стёкла, а недостроенная высотка сначала слегка покачнулась, а потом медленно-медленно стала складываться этаж за этажом. В конце она с гулким эхом обрушилась прямо на дорогу, едва не придавив джип. Его спасло только некоторое ускорение от взрывной волны.

Эдик аж вспотел от такого напряжения. По инерции они пролетели за ограждение трассы и понеслись по пустырю, о котором говорил Борода.

Вскоре показали невысокие холмы. Эдик решил, что пора снова превращаться в пешеходов, так как тачка у них слишком заметная, и полиция в курсе, куда они свернули. Лихо затормозив у крутого пригорка, он скомандовал всем на выход, а сам полез в необъятный багажник машины. Через минуту он вынырнул оттуда, довольно улыбаясь. В руке у него нарисовалась нехилая труба, непонятного назначения. Эдик ловко пристроил её к педали газа, а затем с треском воткнул первую скорость. Машина дёрнулась и покатила потихоньку в сторону леса.

— Пусть теперь попробуют найти, *canalla!* — усмехнулся он.

Парни стояли в нерешительности, не зная, куда двигаться дальше. Эдик внимательно оглядел местность, но ничего интересного не заметил. Холмы, как холмы. А где искать монахов, не понятно.

— Ладно, — махнул рукой Гонзалес, — Чешем на юг. Всё ближе к камню. А там, глядишь, по пути кого-нибудь встретим.

Маленький отряд быстрым шагом направился в сторону полуденного солнца. В авангарде шагал Эдик, показывая руками одному ему понятные знаки. Это было профессиональной привычкой при работе в группе. Парни сзади недоумённо переглядывались, но спросить, что это значит, не решались. Уж больно суровая физиономия была у Эдика в этот момент. Замыкал колонну индеец, ловко заматаывая следы веником из местного кустарника, который он соорудил на ходу.

Идти пришлось довольно долго. Весеннее солнце палило от души, почти как летом. Вскоре ноги стали сами собой спотыкаться, а подлые камни, будто специально лезли под каблуки. Впрочем, это только аборигенов плющило и коробило. Борода теперь жалел, что связался с этими сумасшедшими пришельцами и прикидывал, как бы слянуть. Санах тоже сильно устал, но крепился. А Эдик с Мокасином топали так бодро, словно совершали послеобеденный моцион и нисколько не запарились, хотя прошли уже километров шесть. Всё дело в привычке.

Внезапно Эдик резко остановился и поднял кверху сжатый кулак. Борода чуть не сшиб его с ног, когда по инерции уткнулся поникшей головой в спину испанца. Эдик зашипел на него и сунул кулак под нос. Борода скорчил нелепую рожу, мол, нечаянно, но ворчать сразу перестал. Гонзалес прислушивался, поворачивая голову, как настоящий локатор.

Вот опять невдалеке зашуршал осыпающийся песок. За ближайшим холмом явно кто-то прятался. Эдик приложил палец к губам и дал знак остальным оставаться на месте, а сам

осторожно стал обходить холм стороной. Парни с тревогой озирались по сторонам. Индеец тоже почувствовал, что за холмом кто-то есть, но доверился шпионскому нюху Гонзалеса. Всё-таки, у него боевого опыта больше.

Испанец скрылся за холмом, а потом там кто-то резко вскрикнул. Послышались хлёсткие удары, как в индийских фильмах. Ещё пара непонятных возгласов. А затем всё стихло. Индейцу это не понравилось. Аборигены вообще насмерть перепугались. Борода стал потихоньку отползать за ближайший куст, но Мокасин недвусмысленно провёл ладонью по горлу, и тот решил пока остаться. Надо было выручать испанца.

Но оказалось, что выручать никого и не требуется. Эдик сам вырвался из-за холма в обнимку с неизвестным, закутанным в тёмную рясу. По всей видимости, это и был один из монахов, которых парни искали. Гонзалес сиял, как медный пятак и махал рукой приятелям. Он искренне радовался, что его бестелесное состояние не было глюком, и монахи существовали по-настоящему. До недавнего времени он в этом, всё-таки, немного сомневался.

Эдик с монахом подошли ближе, и испанец торжественно объявил:

— Имею честь представить вам моего друга, брата Оресиса — главу местного Святого Ордена. Между прочим, неплохой боец. Мы с ним немножко в спарринге поупражнялись — Чак Норрис отдыхает! Если бы все его бойцы так умели, то генералу давно бы уже кердык настал.

— Пяткой танки не одолеешь, — скромно улыбаясь, возразил монах.

— Ну-ну, не стоит скромничать. Я так думаю, что главное не сила, а тактика. Верно Мокасин?

— Хау!

Оресис уважительно поклонился и предложил следовать за ним. За холмом был тщательно замаскированный вход в подземелье. Оказывается, монах уже давно поджидал здесь пришельцев, так как видел внутренним взором все их передвижения. Знал он и про Гашу, но пока не стал говорить об этом. С Гашей был Никто, а он правильный танаец. Хотя Оресис подозревал, что Никто вовсе не танаец, но это уже не его тайна. А в чужие тайны лезть совсем не хотелось, своих хватало по уши.

ГЛАВА 21.

Никто прищурил чёрный глаз и придирчиво осмотрел Гашу.

— Не нравишься ты мне, ох не нравишься!

— Чем же это я тебе не нравлюсь? — обиделся пипл. Он уже с полчаса стоял перед строгим Просветлённым и чувствовал себя неловко. Будто двоечник перед училкой.

— Да, блин, заметный ты очень. Тут с такими патлами никто не ходит. Да и рожа у тебя соответствующая.

— Это ж какая такая соответствующая? — еще сильнее насупился Гаша.

— На местного ни хрена не похожая! Вот какая! — воскликнул Никто, — И нефиг обижаться. Я ж для тебя стараюсь.

Гаша недоумевал: вроде бы кремом специальным намазался, синим стал, как распоследний алкаш, а тому, видишь ли, не нравится.

— Так, короче: вот тебе чепчик, — и с этими словами Никто протянул пиплу грязную вязаную шапочку неопределённой расцветки. — Давай, напяливай.

Гаша поморщился, однако спорить не стал и нацепил шапку, спрятав под неё хайр. Вид у него стал ещё более придурковатый, но выбирать не приходилось. Никто опять заржал, держась за живот и поливая землю слезами. Гаша остервенело скинул шапку и надулся. Давно невымытые волосы топорщились клочками в разные стороны, делая его похожим на огородное пугало.

Никто просто угорал со смеху и даже начал постанывать от напряжения в животе. Гаша отвернулся, матерно ругаясь про себя и снова подумывая о том, чтобы сбежать от этого крезанутого Просветлённого.

— Ну, и куда ты сбежишь? — с трудом переводя дыхание, спросил Никто. — Не удивляйся, твои мысли легко прочитать. Ты слишком эмоционален.

— Уж кто бы говорил, — съязвил Гаша.

— Ты про смех? Но смех полезен. Он продлевает жизнь и очищает от вредных энергий. К тому же, ты не учитываешь одной важной детали.

— Какой ещё детали? — буркнул Гаша.

— Я смеюсь, но не испытываю эмоций так, как это делаешь ты.

— Не понял. А чего ж тогда смеёшься?

— Можно смеяться, можно плакать, можно внешне проявлять тысячи эмоций, но при этом оставаться вне их влияния. Не быть вовлечённым — вот что самое важное!

Гаша задумался. Он, конечно же, не раз уже об этом читал, однако толком понять не мог.

Никто внимательно следил за пиплом и буквально видел, как плющит у волосатого ум, пытаясь переварить услышанное. Есть такое удачное выражение: скрипеть мозгами. Гаша сейчас именно этим и занимался.

— Для пушей убедительности кое-чего не хватает, — произнёс Никто задумчиво и сделал неуловимое движение.

Мгновенно вокруг разлилась такая вонь, что Гаша сразу сморщился и поспешно заткнул нос.

— Фу-у-у! Чё, блин, творишь то? Дерьма нажрался, что ли?

— Ты не прав! Это от тебя так воняет. Можешь убедиться сам.

Гаша осторожно понюхал свои руки и остолбенел. Точно! Это он так противно вонял. Но почему?! Ведь только что был нормальным человеком. Ну, не мылся с неделю. Так что? Неужели такое возможно?

— Возможно, возможно. Ещё как возможно! Подделать натуральную вонь, конечно, сложно, но вполне возможно. Каламбур, однако!

— Ты это, кончай, блин, каламбуричь. Нафига ж ты со мной это сотворил?

— Вот чудак человек! Я же говорю: для пущей убедительности. У тебя документы есть?

— Нету.

— Вот. Без документов ты, как и я — никто. Поэтому выглядеть должен соответственно, чтобы не вызывать подозрения. Местные менты, как ты их называешь, теперь за километр к тебе не подойдут. Усёк?

— Урлайт, Рама хренов, уболтал. Но чтобы потом избавил меня от этого «подарка».

— Само собой, о чём речь! Порыли.

— А куда?

— Увидишь.

С этими словами Никто ещё раз осмотрелся и решительно зашагал в сторону дымящейся вдалеке трубы. Рядом с ней угадывался небольшой посёлок. Похоже, это начинался пригород.

Гаша двинулся следом, ощущая, как за ним тянется густой шлейф отнюдь не «Шинели №5». Ему даже показалось, что насекомые намеренно разбегаются в разные стороны, а мухи вообще облетают его по широкой дуге. Гашу такое дело откровенно плющило. Он, конечно, как и любой пипл, был вовсе не привередливым. Порой и в сортирах ночевать приходилось. Но уж не до такой же степени! Во! Точно мухи его сторонятся! Брезгуют, сволочи. Ну, и хрен с ними. Перетерпим.

Вертолёт на горизонте куда-то исчезли. Видимо, сменили квадрат поисков. Хотя было совсем не понятно, почему они рыскают тут, когда любому дураку понятно, что беглецы постараются добраться до камня. Но недооценивать военных было нельзя. Всё-таки не урла какая — серьёзные мэны.

Гаша еле поспевал за Просветлённым. Тот, словно заводной, пилил и пилил по пыльной дороге, весело насвистывая что-то из Рави Шанкара. Мимо потянулись унылые серые домишки, удивительно напоминающие родные «хрущобы», только трёхэтажные. Множество из них было заброшено и зияло пустыми глазницами окон. Но вскоре стали попадаться вполне приличные дома.

Редкие прохожие сторонились колоритную парочку. Просветлённый совершенно не обращал на них внимания. Впрочем, Гаша тоже. Его сильно разморило на жарком весеннем солнце. Даже вонь перестала доставать. Откровенно хотелось есть, но что-то Просветлённый не спешил с обедом. Может он и не ест вовсе?

— А куда это мы топаем, а? — спросил Гаша, вяло пиная камушки.

— К одному моему знакомому. Замечательная личность, скажу я тебе. Тоже свободный человек и живёт свободно.

— Пипл что ли?

— Почти.

— И где флэтует этот свободный человек?

— Разумеется на свалке!

Гаша не понял, почему это разумеется. Он тоже, в некоторой степени, свободный пипл, но не обретаётся на какой-то там свалке. Хотя, Просветлённого он тоже принял сначала за бомжа. А вот теперь и сам на него похож. Так что всё логично.

Посёлок остался позади, а прямо по курсу возвышалась здоровенная труба, из которой валили клубы серого дыма. Это и была та самая свалка. Мусор тут попросту сжигали, не особенно беспокоясь об экологии.

Гаша сразу заметил, что свалка не была похожа на Земную. Тут, конечно же, тоже возвышались горы мусора, однако горы эти были аккуратно отсортированы по материалу и по ним не ползали местные бомжи. Как потом выяснилось, эту породу людей здесь представляли только двое: Никто и его друг по имени Чик. Ну, если конечно, не считать Гашу, который косил под бомжа временно.

Чик — весьма шустрый малый неопределённого возраста, вырос, словно из под земли и растянул беззубый рот в широкой улыбке.

— Здравова, пацаны!

— Привет, Чик! Какие дела! Вот знакомься — это Гаша, пришелец с планеты Земля. Я тебе как-то про неё рассказывал.

— Ух ты! Здорово! Чё, правда?

— Обижаешь. Когда я тебя обманывал?

Чик подкатился к Гаши на коротких ножках, словно колобок и протянул чумазую ладошку. Гаша аккуратно пожал её и подтвердил:

— Точно. С Земли.

— А чё, там тоже все синие? Как у нас?

— Не, это меня Никто кремом намазал, да вонью снабдил, чтобы косить под местных.

— Да ты, вроде, и не воняешь вовсе.

Тут Гаша сам заметил, что смрад, к которому он уже немного привык, исчез. Он с благодарностью посмотрел на Просветлённого и вздохнул полной грудью. Правда, тут же закашлялся от дыма.

— Послушай, Чик, а почему, если вы всё равно сжигаете мусор, прежде раскладываете его в разные кучи?

— А, это? Так мы ж не всё палим. Только то, что уже невозможно переработать, а остальное увозят на завод. Да и палим всего раз в неделю, как сегодня, когда наберётся достаточно мусора.

Гаша понял, что с экологией он немного поспешил. А Никто отвёл Чика в сторонку и что-то долго ему втирал. Тот иногда взрывался восклицаниями типа: «Ух ты!», «Во здорово!», «Ну зашибись!», и при этом хлопал себя по ляжкам. Иногда он оборачивался и с любопытством разглядывал Гашу. Наконец, «совещание» закончилось и Никто, прокашлявшись, объявил:

— Чик знает один старый и давно заброшенный подземный ход, который может вывести нас к монахам. А может и никуда не вывести. Нужно проверить. Другого пути всё равно у нас нет. Про этот проход даже сами монахи забыли. Но вполне вероятно, что его могли обнаружить военные.

— Да, точно! Тут недавно один такой с громадными погонами вертелся. Не иначе генерал. Всё про какие-то камни выспрашивал. А какие, блин, тут камни? Кто ж их в мусор выбрасывает? Ещё меня болваном обозвал, гнида. Я бы ему залепил морду плюшкой навозной, да ординарец у него шибко злой и здоровый. Чуть не прибил меня железкой. Я вовремя увернулся, да в свой заглазничник нырнул. Только меня и видели!

Никто заразительно заржал, а за ним и маленький Чик, катаясь в пыли и держась за круглый живот, просто угорал со смеху. Гаша тоже не удержался и впервые за всё время пребывания на этой планете от души рассмеялся.

— Про плюшку — это ты здорово загнул! — сквозь слёзы выдавил из себя Никто. — Только у нас здесь коров нету. Где бы ты её взял, а?

— Сам родил бы! — брызжа соплями, ответил Чик.

У Гаши стало сводить челюсть от смеха, и он вдруг подумал о траве. Кто-нибудь со стороны точно решил бы, что они обкурились дури. Но тут Никто так же резко прекратил смеяться и уже серьёзно сказал:

— Всё это, конечно, ништяк, но нам надо поспешать. Скоро портал закроется, а мы ещё и монахов не видели. Ты знаешь, пипл, что-то мне стало нравиться это дело. Давно я так не развлекался на этой скучной планете. Так и быть: помогу я тебе до самого конца. Интересно будет посмотреть, чем всё это закончится.

— И я с вами! — воскликнул Чик, — Задолбало с мусором возиться. Никаких тебе приключений и прочих радостей жизни.

— Но это весьма опасно! — предупредил его Никто.

— Так это ж зашибись! Если бы не опасно, какой же интерес?

— Это ты верно заметил. Давай, показывай свою берлогу.

Чик сразу как-то подобрался и стал двигаться точно и ловко, словно и не был круглым толстячком. Он повёл маленький отряд тайными тропами среди мусорных куч, по пути показывая Гаше свои «богатства».

— Вот тут у меня собственный склад практически новых вещей. Их, бывает, прямо с фабрик везут. Брак там, или ещё какая фигня. Я выбираю, что получше и складирую здесь. Когда-нибудь пригодится. А тут — цветмет. Этого барахла здесь тоже навалом.

Гаша в недоумении уставился на внушительный ящик с жёлтыми брусками.

— Это что, золото?

— Оно самое. Никудышный металл. Мягкий слишком. Ничего толкового из него не сделаешь. Правда, тяжёлый. На грузила, разве что, сойдёт. Вы там, на Земле, ходите на рыбалку?

Гаша с трудом сглотнул и кивнул. Ну и корки! Золото у них тут — никудышный металл! Офигеть можно.

— А чё, разве золото здесь не ценится? — спросил он.

— Не забывай, ты не на Земле, — напомнил Никто, — тут совсем другие правила. В цене свинец, которого мало. А этого добра здесь — завались. Только не вздумай тащить его с собой. Проход через портал с таким количеством золота может сильно исказить пространство и хорошо, если ты попадёшь обратно на Землю или в похожий мир. А ведь может занести и туда, где ты в один миг изжаришься в небольшую шкварку и даже пикнуть не успеешь. Или окажешься в желудке у какого-нибудь вселенского монстра и будешь медленно перевариваться в течение столетий. Как тебе такое, а?

Гаша с сомнением посмотрел на Просветлённого, пытаясь понять: правду он говорит или опять прикалывается. Выражение лица у того было крайне серьёзным, но это могло быть и стебаловом. Во всяком случае, пиплу сейчас было не до золота. Даже, если бы у него был этот ящик, то он с готовностью отдал бы его за хорошую тарелку борща со сметаной.

— Ну, борщей мы тут не варим, а сытно пожрать — всегда пожалуйста! — крикнул Чик и пнул железную дверь.

В одной из куч деревянных ящиков оказалась замаскированная лачужка, в которой обитал Чик. Он широким жестом пригласил дорогих гостей в «дом» и сам первый запрыгнул внутрь. Гаша вдруг подумал, что в слух не говорил про хавчик. Неужели и этот коротышка умеет мысли читать?

— Не называй его коротышкой, — тихо сказал Никто, — он этого страсть как не любит.

Гаша поспешил подумать о чём-нибудь нейтральном, но мысли больше крутились вокруг жратвы. В домике, кстати, вкусно пахло. Гаша только надеялся, что пища не из отходов производства и худо от неё не станет. С его-то желудком!

Но оказалось, что готовит Чик те же самые консервы, что при первой встрече варил в своей кастрюле Санах. Похоже, что здесь не особенно любят разносолы. Да и хрен с ним! Выбирать не приходилось. Гаша уселся на табурет, предложенный гостеприимным хозяином, и огляделся вокруг.

Домик был довольно сумбурно обставлен разнокалиберной утварью, главным образом — посудой. Она была везде: на столе, на полках вдоль стен, на полу и даже на потолке! Гаша подозревал, что Чик туда её, просто напросто, приколотил гвоздями и оказался прав. Ну, это было и понятно. Учитывая округлые тела колобкообразного Чика, никто бы и не усомнился, что товарищ любит пожрать. Помнится, Санах что-то говорил про толстяков, которые есть только в музее в качестве чучел. Выходит, не всех ещё туда определили.

Чик что-то колдовал над большим чаном в нише камина. Запах стоял умопомрачительный. Гаша даже слюной поперхнулся. Наконец, Чик со звоном разбросал по столу железные миски и наплюхал в них густого варева бурого цвета. На вид «пища» выглядела не очень аппетитно, но пахла приятно. Чем-то похоже на мясное рагу.

Гаша огляделся в поисках ложек, но Чик и не думал их доставать. Вместо этого он решительно запустил руку в свою тарелку и стал есть, как заправский бабай, звонко чавкая при этом. Видимо, здесь так принято. Гаша обтёр руки об штаны и последовал примеру Чика. Еда оказалась на самом деле весьма вкусная и очень сытная.

— Ты...н... прив... Эт... не... бычай, — пробубнил Чик с набитым ртом.

— Чего? — не понял Гаша.

— Я говорю: это не обычай. Просто лишнюю посуду мыть неохота. Тут с водой напряг.

— А-а. Понятно.

После обеда потянуло в сон. Чик уснул прямо за столом. Просветлённый почти совсем не ел и Гаша снова подумал, что тот — не человек.

Никто сидел на высоком стуле с отсутствующим видом и глядел немигающими глазами в неопределённость. Сам же Гаша нажрался от пуза и тоже был не прочь пару часиков послепать.

— Можешь дрыхнуть. Пара часов у нас есть. К тому же, без Чика нам всё равно не найти проход, — словно сомнамбула сказал Никто.

Гаша пристроился на ящиках с консервами и буквально провалился в сон. Ему снилось, как они с ребятами летят на Змее над красивым морем, разгоняя крикливых чаек и жмурясь от солнечных бликов на воде. День замечательный. В меру жарко, а лёгкий, прохладный ветерок приятно обдувает загорелую грудь. Дышится так легко, словно после дождя. Мокасин с Эдиком, почему-то отвернулись и не слышат, как Гаша их зовёт. Они о чём-то тихо переговариваются. Ну и фиг с ними.

Вот вдали показались лёгкие облака. Они стали быстро приближаться и, вскоре, превратились в зловещие, чёрные тучи. Тут Гаша заметил, что Эдик с Мокасином куда-то исчезли. Он остался совсем один в корзине. Да и корзина ли это? Нет, скорее какой-то ящик, на котором Гаша плывёт по бешеным волнам тёмного моря. Из глубины тянет чем-то ужасным и неотвратимым. Страх сковывает движения. Вот близко показалась лодка. Гаша хочет крикнуть, чтобы его спасли, но с ужасом видит, что в лодке сидят и злобно посмеиваются двое старых знакомых: мужики — вампиры.

Гаша стал остервенело рыскать по карманам в поисках пуговицы, но не мог найти её. Затем вспомнил, что гуру Дима говорил, будто надо представить её себе. Он напряг мозги и вуаля!

Пуговица появилась на ладони, поблёскивая гранями. Однако мужиков и след простыл. Они исчезли вместе с лодкой. Да и не море это уже, а тёмное и мрачное подземелье. Впереди с факелом идёт Чик. Он молча указывает дорогу. Сзади нагоняет Никто. У него встревоженный вид. Он что-то хочет сказать, о чём-то предупредить. Но тут слышится жуткий грохот и скрежет. Гаша снова поворачивает голову вперёд. Что это? Что-то быстро мелькает перед глазами, а затем становится темно. Чика нигде не видно. Его факел лежит на полу в окружении кучки камней. Что-то снова сильно грохнуло и Гаша проснулся, обливаясь холодным потом.

На него внимательно смотрел Никто. Он покачал головой, но ничего не сказал. Чик уже по хозяйски сутился и собирал котомку. Путь предстоял неблизкий. Следовало захватить с собой котелок с рагу, спички и факелы. Когда он достал из под кровати небольшие дубинки, обмотанные паклей, Гаша сразу узнал факел из своего сна, и ему стало не по себе.

Никто сосредоточенно молчал и словно прислушивался к чему-то. Иногда он удручённо качал головой. Гаша не решился его расспрашивать, считая странное поведение проявлением нечеловеческой сущности Просветлённого. Тот с кислой улыбкой посмотрел на пипла, но снова промолчал.

— Так, парни, слушайте сюда, — сказал Чик очень серьёзно, и Гаша даже удивился, как в таком маленьком человечке может быть столько решимости. — В подземелье этом я сам тоже давно не был. Лет пять точно. Но хорошо помню, что стены у него уже конкретно просели. Поэтому идём осторожно. Лишних звуков не издавать и не болтать. Если понадобится, будем общаться знаками, а ещё лучше мысленно. Тебя, пришелец, это тоже касается.

Гаша хотел, было, возразить, что не умеет телепатировать, но Никто так пронзил его своим мрачным взглядом, что пипл не решился спорить.

— Если всё пройдет гладко, то первых монахов мы встретим часов через пять. Это зависит от проходимости катакомб и от того, где они сейчас обитают. Может быть, они ушли ещё дальше отсюда. Тогда придётся поплутать. Хотя я знаю одно верное средство. Если, конечно, мы его найдём.

— Что за средство? — спросил обеспокоенный Гаша.

— Коммуникатор. Это такое устройство. Похоже на круглый камень. По сути, это и есть камень. Только монахи как-то хитро его обдeldывают, что он может передавать мысли на расстоянии. Если мы такой камень найдём, то сможем попробовать с ними связаться. Только предупреждаю сразу: я с ними разговаривать не буду. Мы слишком по-разному мыслим. Скорее у Никто это получится лучше.

Просветлённый пожал плечами и как-то неопределённо ответил:

— Посмотрим.

Чик ещё раз заглянул в свою котомку, немного подумал и кинул туда ещё пару банок консервов. Затем плотно завязал шнурок и выкатился за дверь. Следом вышли Гаша и Никто.

День уже клонился к закату. В воздухе заметно похолодало. Пробираясь в лабиринте мусорных куч, маленький отряд всё дальше и дальше углублялся в заповедные дебри свалки. Похоже, что этот участок был давно заброшен, так как мусор уже не был распределён по отдельным кучам и представлял собой одну большую и довольно зловонную гору. Стали попадаться одичалые собаки. Они зло посверкивали глазами, отрывисто гавкали, но к

путникам не приближались. Чик периодически попискивал какой-то штуковиной, от чего собаки злобно рычали и вздыбливали шерсть, разбегаясь в разные стороны.

Вскоре Чик остановился перед кучкой ветхого тряпья. Вывернув из соседней горки длинную палку, он с силой хлопнул по этому хламу. Кучка зашевелилась, и из неё полезли такие жирные крысы, каких Гаша видел только в фильме ужасов. Они клацали зубами, злобно поглядывая на людей красными глазками.

Чик что-то переключил в своей штуковине и нажал кнопку. Раздался еле слышный свист, который, однако, в один момент разогнал всех крыс, словно их и не было. Чик той же палкой разворошил кучку тряпок, и под ними обнаружился обыкновенный люк, какие попадаются в городе на каждом шагу. Мужики, кряхтя и попукивая обедом, с трудом своротили эту крышку в сторону и заглянули внутрь.

Из тоннеля пахло сыростью и дохлыми крысами. Первым вниз полез Чик, запалив факел. Следом, морщась от вони, спустился Гаша, а за ним — Никто, который одной рукой легко задвинул крышку на место.

— Опять прикалывается, — подумал Гаша.

Пипл никогда не мечтал стать диггером. Нужно быть напрочь крезанутым, чтобы добровольно ползать среди дерьма и что-то там искать. Поэтому он довольно ощутимо нервничал, лихорадочно оборачиваясь на каждый подозрительный шум за спиной. Ему мерещились мужики – вампиры из снов. Неровный свет факелов порождал на земляных стенах страшные колышущиеся тени. Успокаивало только то, что сзади и спереди шагали его спутники и, вроде как, прикрывали.

Топать пришлось довольно долго. Пару раз Чик приказывал ждать, а сам уходил далеко вперёд на разведку. Возвращался он неизменно с довольной ухмылкой на круглом лице и говорил нечто неопределённое:

— Всё в порядке!

Гаша не разделял его оптимизма и откровенно недоумевал: какой же тут порядок, если уже несколько часов, как кроты, они забуриваются неизвестно куда, а конца пути все не видать. Хорошо хоть дерьмо закончилось, и пошла голимая глина. Правда, она противно чавкала и налипала толстым слоем на ботинки. От этого шагать становилось всё труднее и безрадостнее. К тому же сырость постепенно проникала под одежду и наводила на мысли о кашле и насморке.

Возле очередной развилки, счёт которым Гаша уже давно потерял, Чик снова потребовал всем остановиться и прислушался. На лице его заиграла самодовольная улыбка, и он заговорщицки произнёс:

— Тс-с. Кажись, скоро! И коммуникатор не понадобился.

Гаша с надеждой посмотрел на маленького Сусанина и всей душой возжелал, чтобы тот был прав. Никто сохранял полнейшую невозмутимость. Хотя, если бы кто-нибудь хорошенько присмотрелся к нему, то смог бы заметить лёгкую грусть в бездонных зрачках.

Чик запалил свежий факел и скрылся за левым поворотом. Потянулись томительные минуты ожидания. Неожиданно Никто произнёс:

— Хороший парень Чик. Мне будет не хватать его.

До Гаши не сразу дошёл смысл его слов. Он хотел, было, переспросить Просветлённого, но тут раздался очень низкий гул, от которого затряслись стены. Гаша испуганно уставился на Просветлённого и ухватился за какую-то корягу, торчавшую из стены.

— Что это!?

— Разве ты не видишь? — невозмутимо спросил Никто, — Это землетрясение. Обычное дело.

— Но ведь нас тут завалит!!! — дико завопил Гаша.

— Нас не завалит, и перестань так орать, — снова спокойно ответил Никто, делая акцент на слове «нас».

Гул опять повторился с ещё большей силой. На ногах устоять уже было невозможно, и путники повалились на землю, хватаясь за выступы на стенах. Впереди послышался сдавленный вскрик. Гаша встрепенулся, начиная потихонечку завывать, как в своих ужасных снах. Ему стало так жутко, что свело судорогой челюсть, и вместо полноценных вскриков и мольбы о помощи получалась лишь жалкая пародия.

Никто, напротив — весь как-то подобрался и решительно побежал туда, куда несколько минут назад ушёл Чик. Он прекрасно знал, что ничего уже не исправить, но не сидеть же на месте. Гаша припустил следом, спотыкаясь и падая.

Земля продолжала трястись, медленно успокаиваясь. Тяжкий гул и рокот укатились куда-то вдаль, оставив только шорох осыпающегося песка и мелких камушков. Гаша в очередной раз споткнулся и чуть не влетел носом в горящий факел. Тот лежал на земле в окружении россыпи камней, а впереди проход был по самый потолок завален большими валунами.

Гаша медленно поднялся, отряхиваясь и тяжело дыша. Никто молча стоял рядом, не говоря ни слова. По его скорбному взгляду Гаша понял, что случилось что-то очень плохое. И тут до него дошло. Это же факел Чика! Он в эту сторону пошёл и отсюда же донёсся крик. Внутри у пипла сразу стало невыносимо холодно и тоскливо. Как же так? За что? Не хотелось верить, что вот так быстро, раз — и не стало человека. Ведь вот только что он хитро улыбался и что-то говорил, а теперь — голяк.

На глаза сами собой навернулись слёзы. Гаша с невыразимой тоской посмотрел на Просветлённого и поразился: из бездонных чёрных глаз Никто тоже капали крупные слёзы. Они попадали на догорающий факел и вспыхивали голубыми огоньками.

— Ты знал, да?

— Конечно, знал, — спокойно ответил Никто.

— Но почему?!

— Ты хочешь спросить, почему я не остановил его? А что изменилось бы? Ни ты, ни я не уговаривали его идти с нами. Чик всё сделал сам. И свою Судьбу он сотворил сам. Разве ты не знаешь, что человек всегда получает то, к чему он стремится. Даже собственную Смерть. Да, я

знал, что Чик не вернётся, но я не смог бы предотвратить то, что произошло. Это неизбежность. Как, впрочем, и твоё появление на этой планете.

— Но это не правильно! Это не... Блин! Это не должно было случиться вот так!

— Ты говоришь глупости. А как, по-твоему, это должно было случиться? Сидя в удобном кресле-качалке с клизмой в заднице и с кислородной маской на морде?

— Не знаю я! — в отчаянии крикнул Гаша. — Но не так!!!

Никто ласково потрепал пипла по плечу.

— Успокойся, друг мой. Чик был замечательным парнем и душа его уже очень далеко отсюда. Я знаю, что его будущая инкарнация произойдёт на Земле, и Судьба будет к нему более благосклонна.

— Правда? — всхлипнув, спросил Гаша.

— Точно. Во всяком случае, на свалке ему работать больше не придётся.

Гаша немного успокоился, но в груди что-то продолжало сильно давить и хотелось плакать, как в детстве. Он вдруг поднял голову и посмотрел в глубокие, как колодцы, глаза Никто.

— Слушай, а почему ты грустишь? Ведь ты не должен испытывать эмоций.

— Ты не внимателен. Я уже говорил тебе: я могу испытывать эмоции, но я не увлечён ими.

— Мне сложно это понять!

— Это не страшно. Когда-нибудь поймёшь. Но тогда ты сам станешь Просветлённым, — сказал Никто и улыбнулся.

Гаше сразу стало как-то легче. Давление в груди ослабло, превратившись в некое грустное впечатление. словно просмотрел кучу старых фотографий и вспомнил давно забытых людей, с которыми когда-то общался и даже дружил. Он вытер слёзы, решительно подобрал факел Чика и вопросительно посмотрел на Просветлённого.

— Идём?

— Ты знаешь, куда идти? — спросил его Никто.

— Я думаю, что вы уже пришли, — раздался незнакомый голос у них за спинами.

Гаша подскочил от неожиданности. Сердце вновь бешено заколотилось, готовое выпрыгнуть из груди. Только Никто оставался спокойным, как танк. Он медленно повернул голову назад и с укором произнёс:

— Ты хочешь сделать из нашего гостя параноика, Оресис?

Из темноты выступила высокая фигура в рясе. Гаша с каким-то благоговением уставился на монаха и подумал, что вот оно — настоящее. Не какие-нибудь там крезанутые кришнаиты с

бубенцами или сектантами, а серьёзные пиплы, которых даже цивилами язык не поворачивался назвать. Казалось, что монах, как и Просветлённый, видит его насквозь. Такие у него были пронзительные глаза. Оресис поклонился и тихо произнёс:

— Братья позаботятся о вашем ушедшем друге, а нам пора. Скоро портал закроется. Нужно спешить.

В проходе появились другие монахи с кирками и лопатами. Они стали методично раскапывать завал, не произнося ни слова. Оресис благословил работников и пригласил путников следовать за ним.

Гаша удивился, когда они двинулись в обратную сторону, но вскоре увидел возле развилки открытую дверь, которая снаружи была похожа на обыкновенный камень. А ведь по пути им не раз попадались такие «камни».

Через несколько десятков метров путники вышли в широкий и высокий тоннель, похожий на метро. А вот и рельсы! Только узкие и словно игрушечные. На них стояла небольшая тележка с двумя рычагами. Оресис пригласил садиться, а сам занял место за штурвалом. Тележка на удивление быстро понеслась, постукивая звонко на стыках. Гаше это напомнило некий приключенческий фильм, название которого он забыл.

Вскоре тележка плавно вкатилась в какой-то подземный гараж, и Оресис пригласил следовать за ним. Пройдя несколько весьма запутанных коридоров, путники попали в большой и светлый зал. Глаза отвыкли от яркого света, и Гаша зажмурился, прикрываясь рукой. А впереди раздался хорошо знакомый голос с лёгким акцентом:

— Buenos noches, amigo! А вот и наш пипл нарисовался!

ГЛАВА 22.

Генерал был бледен до черноты и метался по широкой, походной палатке, словно хищный зверь. Раненая рука была наспех забинтована, а по щеке пролегал ряд стежков. Фельдшер постарался на славу: вид у генерала стал поистине героический. Правда щека сильно распухла, и говорить было трудно. Однако генерал держался молодцом.

Его «спецам» повезло меньше. В живых остались лишь двое, да и те поспешили смыться: боевые действия уже не их стихия.

Шорк приказал собрать оставшихся людей, чтобы наметить дальнейший план операции. Скоро сюда нагрянут правительственные войска. Взрыв на военной базе просто так не скроешь. Придётся как-то ответить за людские потери. А было их уже предостаточно. Только солдат полегло до половины состава. А про обслугу и говорить нечего — до сих пор всех найти не могут. Несколько этажей под землёй сложились в стопку, похоронив под собой многих.

Во всём этом была какая-то странность. И эта страшная гроза, и странный пришелец с красной кожей. Генерал сильно подозревал, что одно с другим тесно связано. В ушах до сих пор стоял дикий свист краснокожего, от которого вдруг по всему кабинету полетели инструменты спецов, нанося обжигающие, как лёд, порезы.

Раненую руку снова стала дёргать пульсирующая боль. Генерал поморщился и вызвал фельдшера.

— А ну, давай, вкати мне чего-нибудь покрепче, а то рука дёргается, как у паралитика.

— Это опасно! Я и так ввёл вам лошадиную дозу обезболивающего.

— Значит, не совсем лошадиную, если до сих пор дёргает! Давай, коли.

Доктор опасливо покосился на генерала, но спорить не стал. Он прекрасно знал, что Шорк — шизофреник, и заклинить его может в любой момент. Вколов лекарство, он быстро ретировался.

Генерал откинулся в походном кресле, ощущая, как по конечностям прокатываются колючие волны мурашек, замораживая мышцы. Зато руку перестала дёргать изматывающая боль. Теперь можно было сосредоточиться на предстоящем плане действий.

* * *

В стане противника тоже кипели мозги. Было совершенно ясно, что генерал так просто не отступится. Портал усиленно охраняли несколько танков, а в небе постоянно барражировали два вертолётa.

Оресис собрал своих братьев в большом зале библиотеки. Здесь же кучковались пришельцы и Санах в придачу. Решено было пока оставить его среди братьев. Парень и так натерпелся страху за последние дни.

Борода получил от Оресиса несколько монет и тихо исчез. Ему вовсе не хотелось принимать участие в военных действиях, да и полиция была где-то на хвосте.

Эдик с видом знатока склонился над красочной картой леса, но не мог найти ни одного толкового пути. Незамеченным мог пробраться лишь он один. Ну, и ещё, наверное, индеец. Но для пипла это было чистое самоубийство. Да и военные только и ждут, когда кто-нибудь портал откроет. Ещё чего доброго — ломанутся следом, да наворотят таких дел на Земле, что просто шухер.

Оресис сказал, что к portalу есть подземный ход, но он тоже занят военными. Можно, конечно, попытаться пробиться через него, однако будут большие потери, и проблема с порталом также не решится. Генерал все равно получит доступ к проходу. Нужно было придумать что-нибудь более кардинальное.

— А может мы того, зафрахтуем автобус, увешаемся фотиками и прикинемся туристами, — вдруг предложил Гаша.

Эдик с Оресисом недоумённо посмотрели на него. Мокасин сохранял каменное спокойствие.

— Дык, я про это, про элемент неожиданности! Они ведь ждут трёх совсем не местных парней с толпой монахов, а на туристов и внимания не обратят.

— Ну ты, пипл, просто диверсант какой-то! — восхитился Эдик, — Только что нам после этого делать прикажешь?

— Э-э-э... Дык, я ещё не придумал. Ты же у нас спец.

Оресис хмуро покачал головой, явно не одобряя такую афёру. Рано или поздно, всё равно придётся столкнуться с танками противника. Да ещё эти вертолёты.

— Вертолёты я беру на себя. Мне лишь бы к ним поближе подобраться, — сказал Эдик, — Тут как раз прикрытие с автобусом подойдёт. Только нужно выбрать правильный момент. Когда у них дозаправка?

— Через каждые два часа. Последняя была ровно в восемь вечера. Садятся по очереди. Пока один заправляется, другой продолжает патрулировать, — доложил один из братьев.

— Отлично! Это нам на руку, — улыбнулся Гонзалес, — Вот тут мы их и прихватим. А танки — это уже твоя забота, Мокасин. Справишься?

— Хау! Мои помощники позаботятся об этом.

Амулеты в сумке индейца радостно зашептались и засуетились:

— Ты слышал?! На танках покатаемся!

— Во, зашибись!

— Чё гоните то?

— Да в натуре! Шаман слово дал.

— Ну, блин, оторвёмся!

Индеец ещё раньше предложил Оресису организовать новую грозу, но монах был против. Орден вполне лояльно относился ко, всякого рода, проявлениям Духов. Но по местным климатическим условиям следующая подобная гроза могла стать настоящим стихийным бедствием и неизвестно ещё, чем вообще могла закончиться.

Просветлённый всё это время тихо сидел в уголке и с умилением наблюдал, как по залу растекается энергия всеобщего энтузиазма, полыхая яркими красками и сжимаясь в тугие комочки. Он мог бы давно уже свалить с этой скучной планеты, но сейчас намечалось кое-что интересное. Так и быть: он посмотрит, чем всё это закончится. Хотя и про это Никто знал все наперёд.

Выступить решили рано утром. Так, чтобы к шести часам прибыть на место.

Автобус угнали со стоянки вместе с водителем и чемоданами группы иностранцев, которые собирались утром съехать из шикарного отеля. Водила мирно спал прямо в автобусе, решив сэкономить время утром, так как жил далеко от центра города. Увидев суровых парней в рясах и совершенно невероятного смуглого человека, который что-то зловеще прошипел на незнакомом языке, он решил, что всё это ему снится. Поэтому, когда парни однозначно приказали заводиться и ехать, то он легко согласился и порулил к воротам стоянки. Охранник лишь спросил:

— Куда так рано?

— Да тебе это снится, приятель, — ответил водила, смеясь.

— Ага, а ещё я министр охранных будок. Ладно, проваливай.

Среди багажа нашлось много разноцветного тряпья, несколько смокингов и множество вечерних платьев. Гаша для прикола примерил одно из них. На удивление платье пришлось ему впору. То ли у мадам фигура была нестандартной, то ли сам Гаша так ловко подошёл, но сидело оно на нём, как влитое.

— Ну-ка постой, — с прищуром посмотрел на него Эдик, — А что, если слегка добавить грима?

И не успел Гаша толком испугаться, как Гонзалес подскочил к нему с необъятной косметичкой и сноровисто намазал лицо пахучими тенями и помадами, на зависть любому профессиональному визажисту.

— Э, погоди! Нафига это, а? Я ж просто так, приколоться только.

— Не до приколов сейчас, пиплуха. Ты с твоим длинным хайром как раз за бабу сойдёшь. А то, какие ж мы туристы, если кругом одни мужики? Да и при случае отвлечёшь охранников, если понадобится.

Гаша ещё немного пожеманился, но потом согласился. Эдик хотел ещё кого-нибудь нарядить в платье, но братья, как один, наотрез отказались, а Мокасин в женском наряде выглядел бы более чем нелепо. Сам Гонзалес примерил пару-тройку костюмов, но всё не годилось. Может тоже бабой нарядиться? В лицедействе он, как настоящий разведчик, знал толк. Так и быть.

Тщательно побрившись необычным лезвием, больше похожим на садовый секатор, он намазал лицо синим гримом, слегка подвёл глаза и нарисовал большие чувственные губы. Затем выудил из пухлого чемодана шикарный парик и напялил на голову. Получилась жгучая испанка местного окраса. Мокасин поднял вверх большой палец и сказал:

— Хау!

— *Muy bien!* Держите меня четверо — не удержите всемером! Кто влюбится — зарежу!

У Гаши аж челюсть отвисла. Если бы не знал Гонзалеса, точно решил бы, что это местная красотка.

— Ёлы-палы! Вот это герла-а-а!

— Но-но. Руки прочь, лесбиян хренов.

Братья так и прыскали со смеху, хотя и пытались сохранять серьёзность. Правда, им это плохо удавалось. Наконец, самый молодой не выдержал и весело засмеялся на весь зал. Остальные заржали следом, падая на пол и держась за животы. Оресис долго хранил суровое выражение лица, но вскоре и его тоже прорвало. Он и не помнил, когда так в последний раз смеялся.

А Просветлённый просто угорал со смеху. Даже в конвульсиях немного побился. Нет, не зря он согласился помочь этим пришельцам. Не всё в мире так скучно и однообразно.

Всеобщий смех и веселье разрядили напряжённость, и в людях появилась уверенность в своих силах и в успехе предстоящей операции. До выступления оставалось несколько часов. Нужно было хорошенько отдохнуть и выспаться.

Мокасин заварил чудесные травки Марфы-Яги, предложив всем отведать ароматного чая. Эдик с Гашей, не задумываясь, маханули по кружке и тут же захрапели в обнимку, как две старые девы.

Братья монахи отнеслись к отвару более настороженно. Мало ли что. Но Оресис сказал: можно. И вскоре по всей библиотеке разносился богатырский храп вперемешку с менее богатырским посвистыванием.

Просветлённый спать не стал совсем. Ему это было не нужно. А Мокасин, спросив разрешения у Оресиса, отправился на пустырь немного пошаманить. Нужно было как-то договариваться с местными Духами. Глава Ордена скептически отнёсся к доводам индейца, но спорить не стал. Впрочем, и благословлять тоже. По его мнению, общение с Духами было делом людей Прошлого. Сейчас не те времена. Мокасин пожал плечами и каждый остался при своём.

На пустыре было темно и ветрено. Так хотелось ещё раз попробовать вызвать дождь с грозой, но Оресис был прав. Рисковать не стоило.

Индеец удобно устроился на верхушке большого холма и прислушался. Со стороны города кроме беспорядочного шума не слышно было ничего. Оно и понятно: какой нормальный Дух поселится в этой клоаке. Мокасин повернулся в сторону далёкого леса и тихонько запел старую индейскую песню шамана. Она была настолько простая, что понять её смог бы любой более-менее образованный Дух.

Он всё пел и пел, не уставая и никуда не спеша. Вскоре до него донёсся ответ: кто-то не совсем складно повторял за ним мотив. Мокасин подождал ещё немного, продолжая петь. Да, так и есть: вот со стороны леса подул прохладный ветерок, никуда не отклоняясь и не меняя направления. Шаман медленно встал и скрестил руки на груди.

— Хау! Приветствую тебя, о Великий Дух Красного Леса! Я — шаман по прозвищу Прыткий Мокасин — благодарю Тебя за то, что Ты отозвался на мой призыв.

— Приветствуем тебя, шаман. Ты немного ошибся: я не один, нас несколько. И вовсе мы не такие великие, как ты думаешь.

— Хау! Я стараюсь быть вежливым, — почесав затылок, ответил озадаченный индеец.

— А ты хорошо поёшь! Спой нам ещё, пожалуйста.

— Да легко!

И, немного подумав, Мокасин затянул долгую и немного заунывную песню про степного койота и его голодное семейство. Духи некоторое время молча слушали и даже иногда всхлипывали — настолько песня была жалостливая. А потом стали подпевать в припевах, путая некоторые индейские слова, отчего смысл порой настолько менялся, что Мокасин не выдержал и засмеялся.

— Почему ты смеёшься, когда песня такая грустная? — спросили Духи.

— Да так, не берите в голову. Если, конечно, она у вас есть. Может, нарисуетесь для порядку.

— Ах да! Извини.

Духи стали постепенно проявляться, стараясь быть похожими на людей, чтобы не пугать сильно шамана. Но ему было совершенно без разницы, в каком виде они предстанут. У себя на родине, а потом и в русских лесах он такого насмотрелся, что уже ни чему не удивлялся. Тогда и Духи не стали сильно париться и проявились, кто как сумел.

— Так чего звал то?

— Дело есть. Сугубо важное.

— Ну, так уж и сугубо?

— А то! Сейчас. Погодь. Я только трубку раскурю, тогда и потолкуем.

Мокасин выудил из шаровар Трубку Мира, которую тщательно прятал от Гаши, помня наказ бабки Марфы, и насыпал спецсмесь.

— Огоньку не найдётся?

В воздухе появилась обыкновенная горящая спичка. Мокасин только чуть приподнял бровь, но виду не подал. Чинно раскурив прибор, он сделал глубокую затяжку и передал трубку по кругу. Потекла неспешная беседа, во время которой индеец красочно описал их путешествие из одного мира в другой, о каменном портале, о столкновении с генералом и предстоящем военном предприятии. Духи только удивлённо покачивали головами, у кого сколько их было, да посмеивались над проделками помощников шамана.

Амулеты в сумке индейца скромно помалкивали, не считая себя достойными показываться на глаза местным Духам. Но неожиданно шаман сам их позвал. Парни застенчиво вылезли наружу и боязливо огляделись. Ещё бы! Не каждый день выпадает такая честь: пообщаться с настоящими Духами Леса, да ещё иноземного. Но оказалось, что местные Духи вполне свойские парни, без лишней заносчивости и зазнайства. А когда те предложили поработать вместе, то помощники шамана просто засветились от счастья. Было решено поделить танки противника поровну и устроить настоящее драгстер – шоу.

Обговорив все детали, шаман спел прощальную песню, и Духи чинно отбыли в направлении леса. До времени «Ч» оставалось ещё пара часов.

Индеец спустился в подземелье, но спать ложиться не стал. Ему не давала покоя какая-то навязчивая мысль. Она витала вокруг, да около, но никак не хотела оформиться толком. Амулеты настолько возбудились, что своими боевыми выкриками мешали нормально думать. Пришлось на них шикнуть и пригрозить ужасным заклинанием. Подействовало. Хотя и не надолго.

Наконец он понял, что его так беспокоило: ведь в этом, в общем-то, чужом мире он не нашёл для себя ничего интересного. Правда, и времени на поиски особенно не было, но уходить отсюда с пустыми руками было жалко. Хоть бы какую траву необычную найти или предмет силы. Но на глаза пока ничего путного не попадалось. То, что растительность почти вся красная

— в этом ничего примечательного не было. Духи местные, кроме помощи, ничего больше не предложили. Ну и ладно. И на том спасибо. Может, возле камня чего-нибудь появится? Ведь когда сюда прибыли, шаман и оглядеться толком не успел.

Незаметно Мокасин впал в некую полудрёму, из которой его вытряхнул Гонзалес, трясая за плечо.

— Эй, вождь, вставай давай! Пора выкапывать топор войны!

— Хау! Уже иду.

В библиотеке царило оживление. Братья монахи дружно переодевались в туристские шмотки, подкалывая друг друга. Не было ни намёка на нервозность. Будто на работу собирались. Оресис отдавал короткие приказы, и братья ловко распахивали по карманам круглые камни. Эдик с сомнением глядел на такое «вооружение», недоверчиво качая головой. Но глава Ордена пояснил, что против техники они, конечно же, с камнями не попрут. Это всего лишь камни связи и кое-каких заклинаний. Огнестрельное оружие они не признавали вовсе и рассчитывали только на силы Духовные, да на своё боевое искусство.

В уголке сидел, крепко задумавшись, Санах. В эту ночь ему плохо спалось, и физиономия здорово опухла. Эдик вчера предложил бежать вместе с ними. На Земле его уж точно не будет никто преследовать. Во всяком случае, в их деревне. А на цвет лица и внимания не обратят. Мало ли на Земле «синяков»?

Но Санах думал вовсе не о преследованиях или пропавшей работе. Все его мысли были устремлены к любимой. Он не сможет без неё жить. Но и открыто встречаться с ней он сейчас тоже не может. Это его угнетало и «плющило», как выражается Гаша. Оресис благосклонно предложил ему переждать некоторое время у них в ордене. Скучать Санаху не придётся: с его любопытством ко всему необычному можно было сутками не вылезать из этой богатейшей библиотеки. Хотя ему сейчас было совсем не до книг. Всю ночь в перерывах между забытьём, который вряд ли можно назвать полноценным сном, он обдумывал различные варианты своего неопределённого будущего, но так толком ни к чему и не пришёл. Под утро появилась даже мысль пойти в бой вместе со всеми, а там будь, что будет. Но от такого решения его сразу отвалил Эдик. Самоубийцы сейчас ему не требовались.

А вскоре судьба сама распорядилась участью Санаха. Когда небольшой отряд в пёстрых одеждах вышел на поверхность, то обнаружилось, что автобус исчез. Оресис гневно потребовал объяснений от охраны, но те не могли и слова вымолвить. Похоже, что они вообще находились где-то в другом измерении.

Эдик потемнел лицом и готов был рвать и метать. Однако делать этого не пришлось. Из-за холма показался столб пыли, а за ним и сам автобус. Он с визгом тормозов лихо подрулил к толпе и приветливо распахнул дверцы. А оттуда, как бабочка, выпорхнула Мийя в лёгком малиновом платье и бросилась на шею изумлённому Санаху. Следом вышел сияющий Никто и подмигнул бездонным глазом. Водила весь взмок от усердия. На лице блуждала бестолковая улыбка. Казалось, он находился в какой-то прострации. В эту ночь он гонял по улицам города так, как никогда в жизни и помыслить не смел. И ему это понравилось.

Таким образом, судьба в лице Просветлённого решила всё за Санаха сама и поднесла ему щедрый подарок. Он был счастлив, как никогда. Все заботы о будущем куда-то вмиг улетучились, и жизнь виделась, как прямая, светлая и широкая дорога. Что, впрочем, и случилось потом, но это уже другая история.

В автобус погрузились быстро и без лишней суеты. Правда, Гаша немного замешкался на входе, зацепившись юбкой за ручку двери, чем вызвал смех у братьев и пару крепких выражений от Эдика.

Водила резво взял с места, подняв тучу пыли, и понёсся на юг. По дороге ещё раз обсудили план действий. Решено было, что когда один из вертолётов приземлится для дозаправки, Эдик вырубит пилота, а братья возьмут на себя заправщика. Топлива нужно было налить только на пять минут полёта. Больше времени у них не будет. Военные не лохи какие-нибудь. Быстро прочухаются, и тогда всем настанет кердык. На стороне повстанцев только неожиданность и Его Величество Случай. С танками обещал управиться Мокасин.

— Хау! Духи помогают нам!

Оресис озадаченно почесал затылок. Про каких, интересно знать, духов говорит этот краснокожий? Любопытно, любопытно. Неужели ему на самом деле удалось вызвать кого-то из Древних? Эх, жаль не было времени толком пообщаться с этим пришельцем. Возможно, они могли бы обменяться ценными знаниями. Но сейчас уже было не до того.

Автобус медленно подкатил к опушке красного леса. До камня оставалось около полутора километров. Один из вертолётов немедленно направился в их сторону, мигая мощными прожекторами. Из динамиков донеслось грозное предупреждение оставаться на месте. Эдик и еще двое братьев накинули на головы красные маскировочные плащи и скрылись в кустах. До вертолётной площадки было рукой подать.

Остальные братья, пипл и Никто усердно изображали туристов: крича, размахивая руками и непрерывно щёлкая «мыльницами» со вспышками в сторону вертолёта. Пилот с помощником жмурились и откровенно проклинали этих, непонятно откуда взявшихся, туристов.

Пока остальные отвлекали вертолёт, Мокасин без всякого маскировочного плаща тихо растворился в лесу. Найдя достаточно высокое дерево, он влез на самую вершину и огляделся. Камень он увидел сразу. Тот, как и прежде, светился фиолетовым и излучал мощный и ровный поток энергии. А вот и танки. Но подобраться к ним не так-то просто: всё было огорожено тремя рядами колючей проволоки. Индеец тихо просвистел старый мотив. Лесные Духи тут же отозвались. Это хорошо. Будем ждать сигнал от испанца.

А Эдик с братьями залегли за поваленным деревом у самой заправки. По расчетам выходило, что очередной вертолёт приземлится через пару минут. Так и есть: один улетел проверять автобус, а второй, полетав немного над обширной поляной, заложил вираж и пошёл на посадку. Эдик ещё раз проинструктировал монахов, а затем исчез в кустах.

Вскоре он вихляющей походкой, шурша платьем, направился прямо к вертолёту. Винт продолжал крутиться, отчего платье на ногах Гонзалеса задиралось, обнажая довольно стройные ноги. Чтобы их тоже не мазать гримом, Эдик благоразумно натянул тёмные чулки. Это зрелище настолько выбило из колеи пилота и его помощника, что они забыли даже про второй вертолёт, который кого-то там обнаружил.

Эдик ослепительно улыбался и строил глазки. Военные только что слюни не пускали. Однако, подойдя на расстояние не более пяти метров, Эдик почувствовал, что голове стало как-то прохладнее. Лица лётчиков сразу изменились, а рука помощника пилота потянулась за пистолетом.

« — Парик! — догадался Эдик, — Canalla! Ветром снесло».

Помощник не успел достать пистолет. И даже расстегнуть кобуру. Его, как и самого пилота, выбросила из машины какая-то неведомая сила. Только дыхание у обоих сразу заклинило, и они лежали на траве, высунув языки, и с непомерным удивлением наблюдали, как леже – баба ловко вскочила в вертолёт. Сбоку подбежали вовсе не заправщики, а какие-то странные типы в красных плащах со шлангами наперевес.

Как и было обговорено, братья залили топлива на пять – шесть минут полёта, а потом растворились в лесу.

Эдик окинул быстрым взглядом приборную панель, сразу отметив, что управление такое же, как и на Земле. Ну, почти такое. Вот только кнопка отстрела лопастей не красная, а синяя. Он лихо взлетел и взял курс на второй вертолёт, примеряясь к немного необычной гашетке. Кровь забурлила в жилах. Летать Эдик любил. Да ещё если на боевой машине! Рембо отдыхает.

Вертолёт противника стремительно приближался. Стрелять по нему сразу было опасно, потому что он завис прямо над автобусом. Краем глаза Эдик отметил, как старательно изображает Гаша бестолковую туристочку, махая шляпой и непрерывно щёлкая фотиком. Остальные братья под управлением Оресиса дружно пели какой-то военный гимн в честь храбрых лётчиков. Помощник пилота уже охрип, требуя убраться с территории «учений», но всё было бесполезно.

Эдик прицелился и выпустил пару очередей чуть выше второго вертолёта. От неожиданности тот покачнулся, срубив винтом несколько верхушек деревьев. Гаша сразу кинулся на землю пластом и замер. Остальные братья последовали его примеру. Только Оресис продолжал стоять, гордо вскинув седую голову.

Вертолёт выправился и развернулся в сторону стрелявшего. Эдик подлетел поближе, чтобы развеять последние сомнения у противника. Лётчики с изумлением уставились на странного пилота в женском платье со свирепой улыбкой на раскрашенном лице. Эдик подал сигнал, что намерен атаковать и развернул свою машину в сторону лагеря военных. Только тогда лётчики сообразили, что произошла какая-то диверсия, и это вовсе не туристы. Сначала они хотели сразу накрыть этот дурацкий автобус и его пассажиров одной ракетой, но Эдик уже поливал огнём из всех пушек территорию лагеря и следовало заняться в первую очередь им. Пилот развернул машину, набирая высоту.

В лагере, тем временем, царила суматоха и откровенный бардак. Ещё сонные солдаты выбегали из палаток и тут же падали, сражённые огнём собственного вертолёта. Генерал, брызжа в бешенстве слюной, требовал объяснений от подчинённых, но никто толком не мог понять, что происходит. Наконец со второго вертолёта пришло сообщение о диверсии. Генерал приказал сбить захваченный вертолёт любой ценой, а в сторону «туристов» направить все танки и укатать противника в землю. Сам он остался в передвижном КП и ежеминутно требовал доклада от связистов.

В небе над лагерем завязалась нешуточная битва. Эдик ловко уходил от снарядов противника, выделявая в воздухе такие пируэты, что любой профессионал позавидовал бы. При этом он умудрялся прицельно поливать огнём позиции военных, нанося ощутимый урон. Генерал просто почернел от злости и, стоя на пороге КП, сам стрелял из автомата, а потом и из своего именного оружия по вертолёткам, особо не парясь где свой, а где чужой.

Танки, не разбирая дороги, напрямик ломанулись через лес в сторону автобуса. Мокасин подождал, когда они подойдут поближе, а затем резко свистнул. Амулеты вмиг выскочили из сумки и помчались к боевым машинам, обгоняя друг дружку, и споря, какой кому достанется.

Лесные Духи тоже не стали задерживаться. Подняв в лесу сумасшедший ветер, они разметали как щепки все постройки и палатки военных. КП держался дольше всех.

Генерал, уже не глядя, палил из всего, что попадалось под руку. Шрам на лице снова разошёлся, делая перекошенную физиономию просто ужасной. Связисты давно разбежались из бункера, опасаясь, что Шорк ненароком застрелит их всех.

А в стройных рядах танкистов началось нечто невообразимое: три головных танка резко остановились, и оттуда в панике стали выпрыгивать танкисты, разбегаясь в разные стороны и что-то крича. Следом и остальные экипажи также спешно покинули свои машины, теряя на ходу портки и прочую амуницию, и в глазах у всех стоял неподдельный ужас. Каким-то невероятным образом их техникой завладела нечистая сила. Сначала снаряды сами собой стали прыгать с одной полки на другую и при этом смеялись самым жутким образом. Затем у бойцов стали отлетать пуговицы и больно щёлкать по физиономиям.

В последнем в строю танке вообще начался такой расколбас, что хоть святых выноси. Это один из амулетов индейца не поделил машину с младшим лесным Духом, который по сравнению с ним был ещё салагой. Они даже немного подрались, но потом испугались, что получают по шее от своего начальства и по-честному поделили аппарат. Один взялся за управление, а другой прикинул к окуляру прицела и стал сам себе командовать и палить в «молоко».

Другие танки разделились поровну, а затем понеслась мочилровка. Стрелять, понятное дело, не стали, а как в настоящем драгстер-шоу принялись с разгона врезаться друг в друга, сминая стальные машины в нечто бесформенное. Глядя на такое представление, многие танкисты падали в обморок, а кто-то и вовсе умом поехал.

Оресис с остальными братьями не стали терять времени даром и понеслись к передвижному КП, намереваясь захватить все имеющиеся документы относительно порталов, чтобы никто из военных не получил больше к ним доступа.

Но это оказалось не так-то просто: генерал был словно заговорённый. Пули и снаряды рвались вокруг него сплошной стеной, но, каким-то странным образом, не задевали его. Это был словно некий тайный знак, который Оресис понять пока не мог.

Гонзалес ушёл от новой пулеметной очереди противника и услышал тревожный писк. На консоли требовательно мигала лампочка, показывая, что вертолёт проголодался. Стоило немного отвлечься, как тут же машину сотрясла могучая дрожь. Над ухом Эдика со свистом пронеслось несколько пуль, обдав жаром. Переднее стекло с треском рассыпалось на куски, и кабину наполнил грохот двигателя, к которому примешивался некий посторонний скрежет. Машина стала валкой и непослушной. А противник уже закладывал новый вираж. Но внезапно второй вертолёт будто замер на миг в воздухе, а затем лопнул огненным шаром, падая прямо на передвижной КП.

Генерал опустил дымящийся гранатомёт и победно вскинул кулак. Ему уже не важно было, чей вертолёт он сбил. Главное — попал! В последнюю секунду обезображенное лицо ощерилось зловещей улыбкой, а затем всё накрыла огненная пелена, погребая под собой и генерала, и его КП, и всё, что там было. Оресис с братьями едва успели рассыпаться в разные

стороны. Вот тебе и знак! Ни генерала, ни документов. Видимо так и должно было всё случиться.

А Эдик боролся с непослушной машиной, пытаясь посадить её на землю. Вертолёт стал постепенно раскручиваться вместе с винтом. Похоже, что аппарат заклинило. Высота была ещё приличная, но для парашюта маловата, да и некогда было искать этот парашют. Взгляд упал на синюю кнопку. Не долго думая, Эдик с силой вдавил её. Послышался резкий хлопок, и машина судорожно дёрнулась. Лопасты со свистом улетели в разные стороны. На какую-то секунду вертолёт завис неподвижно, а потом, медленно набирая скорость, помчался к земле.

Эдик распахнул дверцу и приготовился. Земля, такая твёрдая и жёсткая, неумолимо приближалась. В последнюю секунду перед столкновением Гонзалес что-то крикнул на мексиканском диалекте и прыгнул резко в сторону и вверх. Это немного замедлило скорость, однако не настолько, чтобы упасть мягко. Прямо перед носом возник ствол громадного красного дерева, и Эдик успел мысленно попрощаться с жизнью.

Но что-то изменилось. Удара не последовало, а испанца будто кто-то легко подхватил и бережно поставил на землю. Он открыл глаза и увидел перед собой невозмутимого Мокалина. Если бы он не закрывал глаза, то заметил бы, как за миг до неизбежного столкновения дерево сделало шаг в сторону, а потом встало на место.

— Canalla! Ты спас меня, amigo!

— Хау! Но это не я, а Духи. Я же говорил, что они помогут нам.

Эдик молча обнял друга и слегка прослезился. Даже профессиональные разведчики не лишены чувств.

— Всё равно, спасибо! И тебе и твоим Духам.

Выстрелы смолкли. Раскуроченный КП тихо догорал, коптя чёрным дымом. На поляне возле камня собрались все братья Ордена. Следовало поторопиться. Портал вот-вот закроется. Но внезапно из-за леса послышался тяжёлый гул. Все с тревогой уставились в рассветное небо. Гул приближался, и вот над верхушками деревьев показались военные самолёты. Их было так много, что небо даже слегка померкло.

— Чё за грёбанный атас?! — вскричал Гаша испуганно.

— Это правительственные войска, — упавшим голосом поведал Оресис, — Видимо, наша битва не осталась незамеченной. Похоже, что за генералом давно следили.

— Так значит, нам бояться нечего? — с надеждой спросил Гаша.

— Это вряд ли. Такую заварушку нам точно не простят, — со вздохом произнёс Эдик, — Canalla! Такого провала у меня ещё не было.

Вдруг стало так тихо, будто в наглухо задраенной комнате. Ни гула, ни ветра, ни треска пламени, ничего. Люди недоумённо оглядывались и всё сильнее офигевали от необычной картины. Всё в этом мире словно застыло, как на фотографии. Не было ни малейшего шевеления чего бы то ни было. А воздушная армада зависла в воздухе, производя странное впечатление некоего сюрреализма. В полной тишине послышался тихий смех. Все

обернулись и увидели Просветлённого, который стоял в каком-то золотистом сиянии и счастливо улыбался.

— Я думаю, у вас есть немного времени, чтобы завершить свои дела.

— Но как это? — не понял Гаша.

— Ничего особенного. Просто я чуть-чуть остановил этот мир. Это просто.

Оресис, в который уже раз за последнее время, сильно поразился тому, как мало он ещё знает, и дал себе слово перелопатить все самые древние фолианты в библиотеке и найти сведения о чём-нибудь подобном.

— Отлично! Спасибо тебе, samrad! Айда, хлопцы, до дому! — крикнул Эдик и первым прыгнул в камень. Гаша нырнул следом, махнув всем на прощание рукой, а Мокасин немного задержался.

Он подошёл к Оресису и протянул что-то в кулаке. Это оказался самый молодой из амулетов, который успел подружиться с лесным Духом за время совместного управления танком. Тот сам изъявил желание остаться и попросил об этом разрешения у шамана. Индеец был не против. Он объяснил Оресису, как им пользоваться и чем кормить. Остальные амулеты вылезли из сумки и махали, кто чем, на прощание:

— Пока, братуха! Не поминай лихом!

— Давай, чувак, держись!

Молодой утёр соплю и помахал лапкой в ответ:

— Покедова, пацаны! Может, ещё свидимся!

Оресис поблагодарил индейца и, сняв с груди медальон на цепочке, повесил его на шею Мокасину. А ещё отдал личный камень связи. Кроме всего прочего, этот камень обладал многими магическими свойствами. Даже сам Оресис не все из них изучил. Индеец сложил руки на груди и коротко ответил:

— Хау!

А затем нырнул в проход.

Камень вспыхнул ярко-фиолетовой вспышкой и погас. Теперь уже надолго. За этот портал в ближайшие тридцать лет можно не опасаться. Братья покинули поляну через подземный ход и замуровали следом двери.

На поляне остался только Просветлённый. Он с удовлетворением окинул местность взглядом и довольно произнёс:

— Отлично повеселились! Давно так не расслаблялся. Пожалуй, теперь надо линять с этой планеты. Больше тут ничего интересного долго не случится.

И с этими словами он моргнул своими бездонными глазами, и всё исчезло. Не стало ни поляны, ни останков раскуроченного лагеря, ничего. А ожившие самолёты армады пронесли мимо, так как спешили на военный парад в честь нового министра обороны.

Часть третья. Море.

ГЛАВА 23.

Тарас со страхом смотрел на свой отпаренный, со «стрелками» на брюках, свадебный костюм. Его только сегодня привезли из города. Денег заплатили уйму!

— Лучше бы водки больше купили, а костюм и у Стёпки можно было взять, — проворчал Тарас, — Он как в прошлом году женился, так больше его и не надевал.

Но пугала его не привычная нехватка горячительного продукта, а сам процесс обзаведения семьёй. Костюм казался каким-то официальным представителем власти, и от его строгого взора никуда было не спрятаться. В башку лезли трусливые мысли сбежать и кинуть всё нафиг. Но Катю он любил. Эх, жили бы без всякой свадьбы спокойно. Так нет. Приспичило предкам, чтобы всё было чин-чинарём, с кучей гостей, с тамадой и прочими дурацкими обрядами.

От всего этого пробирал противный озноб и холодели ладони. Пришла даже мысль, что когда-нибудь его в этом костюме и схоронят. От этого стало ещё тоскливее, и даже слеза накатила.

— Это кто тут сопли по щекам мажет? — весело крикнул Пашка, ввалившись в комнату и сразу заполнив её собой, — Ты разве невеста, чтобы слёзы лить, а?

Тарас криво улыбнулся. Пашка был его лучшим другом и на свадьбу снарядился свидетелем. Через всю его обширную грудь пролегла широченная голубая полоса, на которой полыхал красный бант. Видеть Пашку в костюме было, ну совсем непривычно. По селу тот всегда ходил в широких, мятых штанах и тельняшке, а зимой накидывал сверху невероятных размеров бушлат, отчего казался крупнее любого быка.

— Чего сидишь то? Давай, облачайся. Скоро за невестой порулим. Семён своего «Москвича» наладил, так что мы сегодня на колёсах.

— Тошно мне, братуха. Во, аж руки трясутся.

— Ничего-о. Не дрейфь! Это всего лишь свадьба. Тебе и делать-то ничего не надо. Знай — жену тискай, да целуй под «Горько!» крепче, и все дела.

— Ну да. Тут ко мне уже тамада забегала. Такого наговорила, что я чуть не опух. Ты и это, ты и то. Ни хрена не запомнил.

— Не ссы, паря. Я всегда рядом. Справимся! Ну, давай, одевайся уже.

Тарас непослушными руками стянул полиэтилен с костюма и примерился. Брюки казались слишком длинными, но сидели удобно. Ещё бы! Три раза мотался в город на примерку. Пиджак сразу сделал Тараса не то, чтобы солидным, но и не пижоном каким-нибудь. Самое сложное

было с галстуком. Мамаля сразу завязала его как надо. Осталось только надеть на шею и затянуть. Почему-то подумалось о петле. Тарас встряхнул головой, отгоняя мрачные мысли, и уставился в зеркало. Оно было только по грудь, и оглядеть себя всего не получалось. Тарас хотел, было, снять зеркало со стены и поставить на пол, чтобы ещё и снизу на себя посмотреть. Но Пашка резко остановил его:

— Да ты чё! Не тронь! Ещё разобьёшь нафиг, тогда каюк всей твоей будущей семейной жизни.

Тарас аж вздрогнул от неожиданности. Уж от Пашки он не ожидал такого суеверия. Но зеркало трогать не стал.

— А, ладно! Будь, что будет. Поехали за невестой! — махнул рукой новоявленный жених и первым вышел во двор.

У ворот стоял под парами Семён на своей «лайбе». Машина изрядно чадила и постреливала выхлопом. На лице у Семёна сияла самодовольная улыбка. Почти двое суток он не вылезал из гаража и завёл, таки, свою ласточку. Это было настоящей победой ума и природной смекалки над техникой.

— Прощу сэров в мой лимузин. Навоз от штиблетов оттирать здесь, — и показал на специальный коврик, лежащий на земле перед дверцей.

Парни по-очереди влезли в машину. Пашка с трудом уместился на переднем пассажирском сиденье, отодвинув его назад, насколько это было возможно. Под его весом аппарат ощутимо накренился. Семён с опаской выжал сцепление и потихоньку тронулся.

Машина сначала заурчала натужно, однако потом на удивление легко потащила увесистую компанию в гору. Только из выхлопной трубы повалил густой чёрный дым. На крыше поблескивали на солнце два пересечённых обруча из латунных трубок, надраенные пастой ГОИ. Девки обещали ещё ленточек дать разноцветных. А куклу на капот лепить не стали. Не нашлось в селе ни одной подходящей. Была, правда, у одной девахи какая-то заморская Барбья, но такая дохлая, что и смотреть не на что.

Ехать пришлось недолго. Как на горку взобрались — так и приехали. Семён машину глушить не стал: вдруг больше не заведётся? Когда вылез Пашка-здоровяк, рессоры облегло скрипнули.

Народ уже основательно кучковался возле дома Катьки. Бабы повешали разноцветных верёвочек с цветами и молодыми веточками, всем своим видом намекая, что просто так невесту не отдадут. Тарас густо покраснел, чувствуя себя неловко в новом костюме. Сзади его настойчиво подталкивал Пашка и при этом зычно здоровкался с народом:

— А не тут ли жениха ожидают в нетерпении? А?

— Да тут, тут! Тока невесту мы за так не отдадим. Готовь валюту!

— Ладно, ладно! Вон как жениха застращали! Убежит сейчас!

Тарас ещё сильнее покраснел и как гусь злобно шипел на друга:

— Чего городишь-то. Куда я убегу? Чё я, совсем что ли нюня какой?

— А ты не парься так, а лучше пасть оскаль пошире. А то вид у тебя, как у нашкодившего двоечника, — так же тихо пробубнил Пашка.

Тарас криво ухмыльнулся, вяло отвечая на подколки баб. А те уже и в пляс пустились. Дед Петро лихо запилил на своей старой тальянке, путаясь в пальцах, но ловко выводя чуть нестройные переливы. Малышня, как воробы, суетились под ногами, заглядывая в лицо жениху и гадая: тот ли это Тарас, что они знали или какой-то гость невиданный. Из всех окон дома торчали любопытные физиономии. Кто-то махал рукой и заранее поздравлял. На него шикали, чтоб не сглазил.

Тарас, как робот, на миг одеревеневших ногах поплёлся вслед за свидетелем в подъезд. Хорошо знакомые ступеньки были словно чужими. Пашка вышагивал вперёд, гордо подняв голову. На втором этаже скрипнула дверь, и на лестницу вырвался гул голосов. Тарасу померещилось, что его ведут на казнь.

В коридоре Катькиной квартиры было не протолкнуться от народа. Тут и её подружки вертелись в красивых платьях перед зеркалом, и соседи по площадке чего-то ждали, и даже пёс Тишка с первого этажа суетливо носился под ногами, ловко поджимая хвост, чтобы не наступили ненароком.

Родители невесты, как истуканы, сидели рядышком на кухне. Тамада — знойная баба Вера из столовки — что-то шептала им, указывая на внушительный каравай хлеба с солонкой сверху. Отец всё порывался ухватиться за этот каравай, но тамада его терпеливо останавливала, говоря, что ещё не время.

Тарас кивнул будущим тестю с тёщей и содрогнулся от самих таких названий. Придумают же люди! Аж мурашки по спине как слоны промчались. Вот ведь были: тётя Маша, да дядя Вова. А теперь тётца, да тесть. Кошмар какой-то.

Девки хихикали и больно щипались. Даже Пашка слегка растерялся. Тут за дело взялась тамада и начала какой-то непонятный обряд. Под дружные вопли и рукоплескания из комнаты появилась красавица невеста. У Тараса аж дыхалку перехватило: такой Катерину он ещё никогда не видел — чистая королева. Белейшее, воздушное платье и сплошные блёстки по нему сияли, словно в сказке. Высоко взбитая причёска была прикрыта легковесной, как паутинка, фатой. Щёки у невесты алели ничуть не меньше, чем у жениха. Она лишь мельком взглянула на Тараса и сразу опустила глаза, чтобы не зареветь: такой он был красивый и представительный.

Тамада соединила руки новобрачных алой ленточкой и подтолкнула к выходу. Тарас думал, что в доме у Катьки они слегка примут для храбрости, но не получилось. Нужно было успеть к двенадцати часам на роспись, а времени оставалось в обрез. Тяжко вздохнув, он лишь крепче сжал ледяную ладошку невесты и направился к выходу. Впереди снова важно шествовал свидетель Пашка, украдкой бросая жгучие взгляды на свою помощницу. Свидетельницей со стороны невесты была её давняя подружка Татьяна, которая нравилась Пашке. Он втайне надеялся, что Катька непременно пригласит свою подругу в свидетельницы, и в душе ликовал, что так оно и случилось.

У выхода из подъезда дорогу перегородили бабы, растянув, как минные растяжки, свои украшенные цветками верёвочки. Тамада кивнула головой: можно. И понеслась торговля похлеще, чем на базаре. Бабы всю расхваливали достоинства невесты и требовали с жениха непомерный выкуп. Пашка широкой спиной загородил обоих новобрачных и сноровисто торговался, предлагая то бутылку водки, то конфет кило, а то и по шее горячих. Бабы смеялись

и держали дистанцию, но твёрдо стояли на своём. Тут и дед Петро бросил терзать тальянку и решительно шагнул в круг.

— Вот что, паря! Катюху на халяву не получишь! А по шее и сам огрести могёшь!

При этом дед насупил мохнатые брови и подступился к Пашке вплотную. Тот в смятении попятился назад и больно наступил Тарасу на ногу. Жених скривился от боли, но матерные слова похоронил внутри себя, только зубами скрипнул.

— Что ж ты, батя, хочешь? — миролюбиво спросил Пашка.

— Значится так: даёшь литру водки, на закусь что-нибудь, бутыль шипучей и кило конфет для девок и топайте с Богом, женитесь себе на здоровье!

Бабы зашумели, недовольные скромным требованием деда, но тот грянул что-то забористое на своей гармошке и заглушил ропот. Пашка опять слегка растерялся. Ведь впервые свидетелем-то. Но тамада ловко пихнула ему в руки откуп, и Пашка, не глядя, всё вручил деду. Тот пожамкал губами, жалея, что не запросил два литра, но потом махнул рукой и сам стал первым распутывать верёвки.

Жених с невестой и свидетели загрузились в тарыхтелку Семёна, отчего машина просела до самых осей, но выдержала. Нещадно пыхнув удушливым чадиллом, «Москвич» напруг все свои шестьдесят с небольшим лошадиных сил, из которых только половина была жива, и потащил новобрачных в сельскую управу.

Церемония бракосочетания должна была начаться через пятнадцать минут. Для этого специально из города приехала представительница ЗАГСа. Остальной народ битком нагрудился в старенький ПАЗик и поехал следом.

Тараса ощутимо потряхивало. У Катьки на лице застыла глупая улыбка, а в глазах стояли слёзы. Мысли её суетливо носились по всей голове, не зная, на чём остановиться. Тарас легонько потряс невесту за плечо:

— Кать, ну ты чё?

— Н-н-не знаю. Страшно как-то.

— Не бойся, я ж рядом, — пытался храбриться Тарас, хотя самому было до жути боязно. Даже в животе свело и неприятно похолодело.

Пашка со скрипом развернулся на своём сидение и подмигнул как бы всем, но больше Татьяне.

— На жениха и невесту рассчитайсь!

— Будет тебе подкалывать, — буркнул Тарас, — Вот запрягут сейчас тебя с Танькой всякие свидетельские обязанности выполнять — мало не покажется.

— А ведь и правда, — почесал затылок Пашка, — Чё делать-то надо, я ведь и не знаю толком!

— Да ладно вам придуриваться, — нахмурилась Танька, — Вон Катька аж посинела вся со страху. Всё нормально будет! Тётка Вера ещё та тамада. Ты, Пашка, только поглядывай на неё почаще, да делай, что она говорит.

— Да-а-а. Тётка Вера всему голова. Ишь, как вырядилась! Я такое только в кинe видел.

— В кинe-е-е, — передразнила его Танька, — Ну и валенок же ты, Пашка. Никакой культуры.

Пашка надулся и резко повернулся обратно. Пиджак предательски затрещал в подмышках.

Семён с тоской глянул на расплзающуюся обивку сиденья. Жалость к древней машине и желание шикануть теснились в его душе, рождая смешанные чувства. Но вскоре показался сельсовет, на крыше которого развевался триколор. Семён аккуратно подкатил к ступенькам широоченной лестницы.

Пашка замешкался со своей дверцей, и Тарасу пришлось по-очереди выуживать из недр автомобиля свою невесту, а затем и Таньку, которая зацепилась лентой за ручку и тихо материлась. Наконец все выбрались на лестницу и стали поджидать гостей.

Солнце пекло нещадно. Жених со свидетелем взмокли в своих костюмах, не зная, куда скрыться. Дверь в сельсовет была почему-то заперта. Из-за поворота показался автобус с гостями. Шумной толпой они стали вываливаться из узких дверей. Кто-то был уже конкретно навеселе и распевал невнятно «Ой мороз, мороз...».

Тамада решительно поднялась по ступеням и сильной рукой пихнула массивную дверь. Оказывается, было не заперто. Просто дверь слегка заело. Гости ломанулись в прохладу коридора, но тётка Вера, раскинув руки, словно ковш громадного экскаватора, пропустила вперёд новобрачных и их свидетелей:

— Соблюдать мне регламент, етитская сила!

Поднялись на второй этаж. В актовом зале уже сидел за столом председатель Пётр Иваныч и его заместитель Никита. Зам, хоть и имел почётную должность, но все его почему-то называли просто: Никита. Лицо его всегда выглядело молодым, словно у пацана, несмотря на то, что лет ему было уже около сорока.

Рядом с ним разложила свои бумаги дама из ЗАГСа. Её высокая причёска каким-то чудом не падала с головы, зашпиленная невиданным количеством булавок. Она оторвала взгляд от бумаг и оценивающе посмотрела на брачующихся. Затем кивнула, дежурно улыбнулась и предложила гостям рассаживаться.

Народ засуетился, гремя откидывающимися сиденьями и тихо переговариваясь. Даже пьяные присмирели. Сельсовет — это тебе не сельпо какое! Шуметь не полагалось. Стоять остались лишь жених с невестой. Свидетелям указали на место рядом со сценой. Таньке показалось, что дама из ЗАГСа слишком откровенно разглядывает Пашку, и в ней разыгралась ревность. Она зачем-то просунула свою руку ему под локоть и с вызовом посмотрела на даму. Та только усмехнулась и попросила Никиту включить магнитофон с маршем Мендельсона.

Пашка покраснел, как рак и замер, боясь, что Танька вытащит руку.

Ведущая слегка прокашлялась, посмотрела на председателя и начала торжественную речь:

— Дорогие Тарас и Екатерина! В этот знаменательный для вас день..., — и понеслось-поехало. Про совместное счастье и любовь, про семейную жизнь, ответственность и прочая, и прочая.

В зале играла тихая, лирическая мелодия, навеявая лёгкую грусть. Тарас почему-то вдруг вспомнил, как в одном иностранном фильме священник долго и напыщенно венчал новобрачных, а под конец спросил что-то типа: «согласны ли вы любить друг друга до гроба?».

Перед глазами появилась странная картина: он и Катька старые и сморщенные, как печёные яблоки, лежат в двухместном гробу с умиротворёнными улыбками на лицах, а вокруг стоят многочисленные дети и внуки. Вот гроб заколотили под одну широкую крышку и опустили в просторную могилу. Потомки побросали по горсточке земли и немного всплакнули. Чумазые копальщики ловко накидали сверху скромный холмик и поставили один на двоих крест. А на кресте их свадебная фотография на жестяном овале.

Блин, аж слезу прошибло. Тарас украдкой смахнул её и скосил взгляд на Катерину. Та находилась в полном расколбасе и готова была в любой момент разреветься. Тарас ещё крепче прижал её руку к себе, томясь от долгой процедуры. Родня сзади притихла в возвышенных чувствах, а свидетели выглядели немного испуганными. Пашка побледнел, но держался молодцом. А Танька, глядя на подругу, тоже копила слезу. Наконец, ведущая дошла до самого главного. В ответ на её вопрос о согласии стать мужем и женой Тарас хрипло буркнул:

— Да.

— А Катька еле слышно прошелестела:

— Согласна.

— Объявляю вас мужем и женой!

— Ура-а-а!!! — заорал Пашка и подбросил к потолку пухлый букет. Ведущая нахмурилась и хотела сделать ему замечание, но остальной народ также зашумел и захлопал в ладоши. Дама махнула рукой и молча подала новобрачным блюдце с кольцами.

Непослушными пальцами Тарас еле ухватил тонюсенькое колечко и нацепил на посиневший палец Катьки. Та следом быстро напялила кольцо покрупнее на клешню Тараса, стараясь не смотреть на него.

Родня кинулась поздравлять новобрачных, но тут дорогу загородила собой тётка Вера и громогласно потребовала соблюдать распорядок. Гости поутихли. Ведущая пригласила Тараса с Катериной расписаться в документах. Следом настала очередь свидетелей. Танька первой подскочила к столу и ухватила массивную ручку. Дама показала, где расписаться. Чиркнув неразборчивую закорючку, Танька пихнула ручку Пашке и прошипела:

— Давай, теперь ты!

Пашка, ощущая огромную ответственность, со страхом вывел свою фамилию полностью, потому что не умел расписываться кратко. Ведущая хотела ещё что-то сказать молодым в напутствие, но тут уж родственники не выдержали и кинулись лобызать новобрачных, одаривая букетами цветов.

Катку прорвало. Слезы бурной рекой потекли по пылающим щекам, оставляя тёмные дорожки туши. Танька вслед за подругой тоже заревела, хотя и пыталась одновременно улыбаться. Родственники и гости подходили по очереди, складирова цветы на руках жениха. Вскоре у Тараса уже не хватало рук, чтобы удержать столько, и он беспомощно оглянулся.

— Пашка, выручай!

Друг расторопно подхватил букеты, сложив их на опустевшие стулья. Потом приезжий и весьма пижонистый фотограф всех застроил и нащёлкал снимков аж на две плёнки. У Тараса даже щёки заболели от постоянного требования улыбаться.

Наконец, официальная церемония закончилась, и народ облегчённо вывалился на улицу. Шумно погрузились в автобус. Тарас с Катериной и свидетели снова полезли в Семёнову лайбу, повторно матерясь и цепляясь нарядами за выступающие железки. Водила автобуса дал пронзительный гудок, и вся процессия двинулась в обратный путь к дому невесты. Гулять решили у них, так как там места больше. За Семёновой машиной бежали чумазые детишки и складно дразнились про жениха, невесту и, всем известное, тесто. Семён, в свою очередь, длинно сигналил, оглушая своих пассажиров.

ГЛАВА 24.

В селе Тарас работал электриком. Бывало: нацепит «когти», заберётся на столб и смотрит сверху на мир. С верхушки слегка покачивающейся опоры всё выглядело чуть уменьшенным и немного непривычным. Дома становились объёмными, а люди маленькими. Кошки с собаками и вовсе походили на муравьёв.

Тарас любил мечтать, сидя на опоре. И направление его мыслей чаще всего зависело от времени суток. Если было утро, то он поворачивался лицом на восток и мечтал о будущем, а если вечер, то смотрел на закат и вспоминал что-то из прошлого.

В будущем ему виделось всё в ярком голубом свете и обязательно оптимистично. Вот он станет богатым, женится, настрругает пару-тройку сорванцов, станет уважаемым и почётным работником. Может быть, и на Доску повесят. Провода будут вечными и перестанут постоянно обрываться или закисать. Зарплату будут давать три раза в месяц и без задержек. Короче — лафа!

А в прошлом ему часто виделось беззаботное детство, дворовые игры с пацанами и девками, любимый чердак и старинный ламповый приёмник, который ловил забугорные программы и таинственную азбуку Морзе. Тарасу всегда казалось, что это шпионы переговариваются между собой, и ему было нестерпимо жаль, что в сельской библиотеке не было литературы про эту непонятную азбуку.

Вспоминались так же клубные танцы, где Тарас какое-то время играл на басухе и оттого больше нравился тогда девкам, чем теперь. Дешёвый портвейн и посиделки на реке до самого утра. Иногда вспоминалась армия. Порой не верилось, что такие долгие два года, которые, казалось, никогда не кончатся, пролетели в один миг и теперь убежали далеко-далеко. Да-а-а... было дело...

И очень хотелось когда-нибудь снова вернуться в это прекрасное прошлое и пережить всё ещё раз. Хорошо бы занять машину времени! У Тараса на этот счёт даже своя гипотеза имелась.

Где-то он прочитал, что в нашем мире есть только три измерения. А будь их все четыре, то с перемещением во времени не было бы никаких проблем.

Как профессиональный электрик, Тарас прекрасно разбирался в трёхфазном токе. Вот бы изобрести такой хитрый трансформатор, чтобы тот выдавал четырёхфазный ток. Тогда и до четвёртого измерения рукой подать. Замастрячить какой-нибудь хитрый преобразователь, да напругу подать побольше. Глядишь, и получится слетать куда-нибудь.

Но на практике осуществить это как-то не получалось. Видимо, не хватало путяжных знаний, а в институт поступать было уже поздно. Настала пора обзаводиться семьёй.

Так Тарас и мечтал по вечерам, сидя на столбе и глядя на убегающее солнце...

И вот он уже муж, а Катька — его жена. Теперь и она стала Ковальчук, а была Степанова. Прикольно. Словно сеструхой обзавёлся. Он ласково посмотрел на свою супругу и снова поразился — такая она сегодня потрясная, словно сказочная фея.

Танька приводила физиономию невесты в порядок, заново рисуя ресницы и ругая Семёна, чтобы не тряс. Не дрова ж везёт! Катерина украдкой поглядывала на мужа и почему-то смущалась.

К дому невесты подкатили в клубях пыли и громко сигнали. Отец с матерью уже стояли у входа в подъезд и держали в руках каравай с солью. Семён специально чуть приотстал от автобуса, чтобы предки успели подготовиться. Об этом его заранее проинструктировала тамада.

Тарас с Катериной выбрались из «Москвича» и, взявшись под руку, чинно подошли к родителям. Мать Тараса стояла рядышком и счастливо улыбалась, промакивая глаза платочком. Тесть с дрожью в голосе поздравил молодых, путаясь от волнения в словах. Обе мамы, хлюпая носами, тоже добавили от себя несколько напутствий, а затем настала очередь каравая.

Тарас только теперь понял, какой он здоровенный. И где только такой раздобыли? Не иначе, тётка Вера в своей столовке расстаралась. Смутно помня обычай, Тарас понимал, что им предстоит откусить от этого монстра. Но как?! Это ж какую пасть надо иметь, чтобы ухватить кусок?

Вот тамада что-то проворковала с шутками, да присказками, а родители с поклоном предложили молодым отведать хлеба. Тарас пригляделся, где там есть место повыпуклее, и с размаху вонзил зубы в ароматную корку. Хлеб оказался на удивление мягким и податливым. Тарасу удалось с первого укуса отхватить приличный кусок.

Катке повезло больше: она приложилась уже к откусанному месту, и у неё кусок вышел еще больше, чем у мужа. Бабки стали подкалывать Тараса, но он не обращал внимания. Нужно было как-то теперь всё это прожевать, а во рту, как назло, от волнения пересохло, и хлеб жевался с трудом. Хорошо, что Пашка вовремя подскочил с бутылкой шампанского и с двумя большими фужерами. Это ему тётка Вера ловко подсунула продукт и подтолкнула к молодым.

Катка не стала лопать весь кусок и потихоньку отдала подруге, а та незаметно сунула его в пакет. Выпив шипучее вино, она посмотрела на мужа. Фужеры полагалось одновременно разбить. Жалко было, но обычай есть обычай. Размахнувшись, оба саданули посуду об асфальт, и разноцветные осколки разлетелись, как брызги, в разные стороны. Народ зашумел одобрительно, а Тарас, ловко подхватив взвизгнувшую невесту, понёс её в дом, прикидывая, что уж до второго этажа он жену точно доставит.

Музыка гремела со всех сторон. В квартире у родителей, где собрались все гости, молотил что-то забойное кассетник, а во дворе ещё громче наяривал на своей гармошке, изрядно подвыпивший, дед Петро.

Свадьба шла своим чередом, через пару часов достигнув своего апогея. Народ повалил на улицу плясать и отрываться. Чтобы далеко не бегать, решили вынести столы прямо во двор. Пока тащили, переколотили кучу посуды, но ни одна ёмкость с горячительным не пострадала.

Тарас держался молодцом: он старался много не пить, но и не скромничал особенно. После нескольких рюмок стало заметно бодрее на душе, да и невеста уже всю улыбалась и даже строила глазки мужу. Кто-то попытался у неё стащить туфлю, пока ещё были в доме, но Пашка, не глядя, стукнул нахала в репу, и попытки прекратились. Нахалом оказался Семён. Он вначале сильно обиделся на Пашку и на тамаду, которая посоветовала ему эту затею. Но вскоре его утатила танцевать длинноногая Маринка из соседнего подъезда, и он успокоился.

Дед Петро умаялся соревноваться с магнитофоном и сунул гармонь под скамью, откинувшись на спинку. В глазах сильно двоилось, но на душе было хорошо, как никогда. На горизонте появилась тёмная точка. Она быстро росла в размерах, хотя слезящиеся старческие глаза не могли толком рассмотреть объект. В паузе между песнями он, шутя, крикнул, указывая скрюченным пальцем на небо:

— А вон, Тараска, твою невесту дракон похищать летит! — и тут же икнул от изумления, когда и впрямь разглядел, летящего прямо на них, Змея.

Что тут началось!!! Народ схлынул со двора с воплями и визгами, прячась в подъезде, под столами и под кустами. Катька бухнулась в обморок, а Пашка уволок Таньку под стол и чуть не придавил своей массивной тушей, прикрывая её, словно от летящей бомбы.

Тарас не шелохнулся с места, но не от изрядной смелости, а от напавшего неожиданно столбняка. Только глаза с возрастающим ужасом наблюдали, как шутка деда Петро превращается в неотвратимую явь. На двор приземлился самый настоящий Змей Горыныч, только не с тремя головами, а с одной. А с ним ещё и трое колоритных личностей, которых вполне можно было принять за кощея, лешего и Бармалея.

— Вот те, блин, и четвёртое измерение, — прохрипел Тарас и залпом опрокинул фужер водки, не спуская глаз с необъяснимого явления.

А явление, тем временем, неспешно приблизилось к столу, и тот, что смахивал на Бармалея, бодренько эдак произнёс:

— Buenos Dias, senoras y señoritas! Мои наилучшие пожелания новобрачным и да будет мир в вашем доме и немножечко guerra для разнообразия. Позвольте представиться: Эдуардо Гонзалес, собственной персоной и мои друзья: Гаша, Прыткий Мокасин и Горыныч, который Змей!

— Хау! — молвил «кощей» с красным оттенком кожи, который вблизи был больше похож на Чингачука.

А третий пришелец оказался просто длинноволосым парнем, у которого странным образом выделялся синий нос, хотя не как у алкоголика. Он только кивнул, жмурясь от яркого солнца и вытирая потный лоб. Но вот Змей был самый вразправдашний, и от этого мурашки, не переставая, носились по спине Тараса.

— Хочу сразу всех успокоить, — повысив голос, сказал Эдик, — Змей не кусается и невест не крадёт. Это вы, батенька, зря так девушку напугали, — попенял он деду Петро, который так и сидел на лавке с открытым ртом.

Змей заковыристо расшаркался и поклонился, как настоящий джентльмен, коим в душе себя и ощущал. Народ потихоньку стал выползать из под столов и во все глаза зыркать на удивительных гостей. Кто-то предположил, что это артисты из города приехали на свадьбу по заказу. Порывались даже заглянуть Змею снизу, чтобы увидеть ноги людей-кукловодов. От этого Горыныч смутился и для острастки пыхнул слегка огнём вверх. Народ кинулся врассыпную, не веря собственным глазам. Настоящий!!!

Эдик пожал одеревеневшую ладонь жениха и кивнул индейцу. Шаман ловко подсунул под нос невесте маленький пузырьёк. Катька громко чихнула, очнувшись из обморока, но готовая тут же в него обратно провалиться. Гонзалес ласково улыбнулся и галантно представился.

Катя от такого реверанса слегка обомлела, но зато в обморок снова падать раздумала и уже с интересом наблюдала за происходящим.

— Вас тётка Вера пригласила, да? — глупо спросила она.

— Нет, *mió querida*, мы всего лишь туристы, спешащие на море погреть старые косточки. А к вам завернули случайно, увидев с небес такую красивую пару. Мои наилучшие пожелания молодожёнам! И, как говорится, «Горько»!!!

— Горько! Горько! — подхватил народ и зазвенел стаканами.

Гостям поднесли по штрафному фужеру. Эдик легко маханул одним залпом хмельной продукт и солидно выдохнул в сторону. Гаша слегка поморщился, помня последствия последней пьянки, но тоже последовал примеру испанца. А индеец выпил водку, словно воду, и даже глазом не повёл.

— Ну, орё-ё-ёл! — похвалил его дед Петро.

Змею наливать не стали. Сначала вообще к нему подходить боялись, но потом, видя, что Горыныч никого пожирать не хочет, осмелели и даже украдкой стали трогать за хвост. Гостей усадили за стол рядом с молодыми, и свадьба понеслась с новой силой и размахом, невиданном прежде.

Змея накормили до отвала на кухне, куда он легко просунул голову через окошко. Поварихи из столовки сначала пугались необычного гостя, но он так вежливо и обходительно с ними общался, что вскоре и они осмелели, подливая в громадный таз добавки.

Тарас хоть и захмелел основательно, однако так и не мог расслабиться и всё думал про своё четвёртое измерение. Втемяшилось ему в башку, что странные гости именно оттуда, но спросить прямо он чего-то стеснялся.

Дед Петро вскоре умаялся давить на кнопки и завалился спать под крыло Змея. Банкет продолжился под вопли магнитофона из окна. Пашка вначале приревновал Таньку к Эдику. А Танька — стерва — будто специально строила испанцу глазки. Но Гонзалес не поддался на её уловки и даже, вроде как, не замечал. Танька обиделась и стала снова липнуть к Пашке, чему он был несказанно рад. Однако вскоре ей стало дурно от избытка выпитого, и Пашка, как истый джентльмен, потащил её в кусты блевать.

Через некоторое время водка логично закончилась, и народ, также логично, перешёл на субпродукт в виде самогона и неизвестного происхождения спирта.

Гаша, видя такое дело, решил, что с него хватит, но не тут-то было. Семён, который в молодости тоже таскал клеши и волосню, нашёл в Гаше друга и брата и всё подливал и подливал пиплу горячительных напитков «чиста от души!».

Тогда Гаша решил, что такое дело нужно хорошенько закусывать. Благо, на столе еды было просто море. Он и объелся до скрежета в желудке. Пришлось пить порошок, который ему заблаговременно сунул в карман Мокасин. Вроде, полегчало.

Тарас, наконец-то, решился и, оставив невесту спать в салате и уронив по пути двоих-троих гостей со скамейки, пробрался к Эдику. Еле ворочая языком, он спросил:

— Слышь, ув-ув-вжаемый, ты это, с какого, блин, измерения будешь, а?

Эдик, как всегда почти трезвый, вне зависимости от количества выпитого, хитро прищурил тёмный глаз и ухмыльнулся:

— А сам-то как думаешь?

— Ты это, ик... того. Не подкалывай, понял? Я, ик... блин, электрик пятого разряда. У меня, ик... трёхфазный ток имеется! А вот четвёртую, ну никак не могу найти, ик... Колись, если знаешь, где взять? Ты ж со своим Драконом не отсюда будешь?

— Это ты верно заметил, amigo! Но только про измерения забудь. Земляне мы, самые натуральные земляне. Из Московской губернии. На юг летим, к морю. Только и всего!

— Ну, да! Как же, ик... Да что за фигня! Икота, падла, замучала. Ещё скажи, что у вас там драконы везде водятся.

— Не, не везде. Этот единственный в своём роде экземпляр. Сам к нам прибился. Но тоже местный. Не из каких-нибудь там измерений. Зуб даю!

Эдику вовсе не хотелось обсуждать сейчас эту тему. Хватит с них этих параллельных миров. Едва успели на Землю вернуться. Когда в лесу вывалились из камня, тот ярко вспыхнул и весь почернел. Даже трещина исчезла. Ещё бы немного — и неизвестно где бы их выбросило.

На поляне перед камнем их встретили, как героев. Адепты гуру Димы наперебой кинулись расспрашивать о другой стороне Земли, но быстро потеряли интерес, когда Эдик со всей ответственностью заявил, что они оказались совсем не на другой стороне нашей планеты, а в параллельном мире. Это почему-то оказалось никому не интересно. Только на Гашу смотрели с некоторым любопытством, так как у него стала сходить синяя краска с лица. Причём не сразу, а частями: нижняя половина до носа стала опять белой, а верхняя посинела ещё сильнее, отчего вид у него был, как у футбольного фаната.

Больше всех обрадовался возвращению друзей Горыныч. И хотя отсутствовали они не больше суток, он успел соскучиться, а ещё больше боялся, что с ними что-нибудь случится, и придётся таскаться везде с этими чокнутыми сектантами.

Прятели сильно поразились, узнав, что на Земле прошли только сутки. По их подсчётам, на Тане они пробыли не меньше недели. Гуру Дима объяснил это неоднородностью времени в различных мирах. Вполне могло случиться и так, что они вернулись бы в прошлое и не нашли бы здесь ни их, ни Змея. Или наоборот, встретили бы самих себя, ещё не улетевших. У Гаши чуть мозги не завернулись от такой путаницы. Хотя было бы, наверное, прикольно.

Быстро попрощавшись с сектантами, приятели накормили Змея и полетели дальше на юг. До моря оставалось совсем немного. Гуру Дима на прощанье дал свою визитку, на которой ничего кроме имени не было. На недоумённый взгляд Гаши он ответил, что это почти то же, что и пуговица, только мощнее. Если им понадобится его помощь, то нужно просто помахать визиткой в воздухе, и он непременно услышит и появится. Хоть бы и с другой стороны Земли. Гаша даже прослезился от избытка чувств.

Дальнейший перелет к морю предполагался быть быстрым и без приключений, но недалеко от Краснодара их подхватил сильнейший ветер и отнёс на несколько десятков километров в сторону. Сверившись с картой, Эдик сказал, что сегодня они уже не успеют долететь до моря и

нужно искать место для ночёвки. Таким образом, они и оказались в селе, где гуляли свадьбу Тараса и Катерины. Решив, что народ уже конкретно набрался и не станет сильно пугаться пришельцев, они плавно спикировали прямо к столу, где и были встречены офигевшей публикой.

Народ на удивление быстро привык к их присутствию. Пашка, как родному, с кучей всяких подробностей рассказал Эдику про свою армейскую службу на флоте. Добавив, что пришлось подписывать кучу секретных бумаг и за бугор теперь только через сто лет или после смерти. Во как!

Эдик, хоть и захмелел немного, но с интересом слушал, отмечая про себя, какой безалаберный у нас народ. И пытаться не надо. Достаточно выпить с ним хорошенько, и тебе самому всё-всё расскажут. Как лучшему дружану и, естественно, по большому секрету.

Мокасин незаметно исчез. Ему не нравились шумные застолья. После всего пережитого ему больше всего хотелось побыть в тишине и одиночестве. Он задворками вышел к реке и уселся на камне у самой воды. На поверхности гуляла лёгкая рябь, отражая яркое южное солнце. Мимо пролетели чайки, крича о близком море и косо посматривая на человека, сидящего на их любимом камне. Человек явно не собирался уходить. Пошумев немного, чайки умчались по своим срочным делам, оставив индейца в покое. Мокасин задумчиво вертел в руках подарок Оресиса, не зная, что с ним теперь делать. Монах говорил, что они используют эти круглые камни для связи, но тут, на Земле это вряд ли сработает. Кругляш слабо отсвечивал зелёным цветом и был похож на кусок неизвестной руды. Потерев его ладонью, Мокасин заметил, что камень засиял чуть ярче.

« — Хм, — подумал он, — Прямо как в сказке про Алладина. Только джинна мне сейчас и не хватало».

Но джинн не появился. Зато река вдруг неожиданно исчезла, и шаман увидел перед собой свой маленький городок на юге штата Айдахо, который практически не изменился. По высохшей и потрескавшейся земле гулял знойный ветер, закручивая маленькие буранчики. Где-то выл голодный койот, а в ответ глухо лаяла чёрная собака, которая пряталась в тени сарая и тяжело дышала, высунув язык. На пустынных улочках никого не было. Город словно вымер. Только на постоялом дворе уныло звякала пароходная рында, тускло отсвечивая давно не чищенной медью.

Мокасин смотрел, не моргая, прямо перед собой и дивился. Видимо, камень обладал неким свойством перемещать взор владельца в другие места, порой довольно далёкие. Это было интересно. Выходит, прав был Оресис, когда сказал, что свойства камней ещё не до конца изучены. Как знать, может ещё и не такое покажет этот маленький кругляш?

Индеец бережно положил камень в холщовый мешочек вместе с амулетами. Тем пришлось немного потесниться и вначале они заворчали, но потом смирились. Жаль было братана, которого шаман подарил монаху, но с колдуном не поспоришь. «Се ля ви», как говорится, оно и в Африке «Се ля ви». Оставалось надеяться, что в синем мире ему не будет скучно. Духи красного леса — тоже парни отвязные.

Мокасин ещё долго смотрел на тихое течение реки, не боясь, что оно его унесёт. Шаманам это можно. Хотя и не всем.

К вечеру на небе появились лёгкие облака и заметно похолодало. Индеец завернулся плотнее в своё походное пончо и завалился спать под кустом акации. Завтра они, наконец-то, увидят море. С таким громадным Духом ему ещё не приходилось общаться.

ГЛАВА 25.

Утро было похоже на разруху в Помпеях. И даже хуже. Стол, который был вынесен на улицу, Пашка разрубил пополам топором, который одолжил у деда Петро. Это он показывал, как нужно валить мачты во время шторма, хотя настоящий парусник видел всего лишь раз, да и тот издалека. Вместе с обломками стола в «морскую пучину» погрузилась битая посуда и стеклотара. Остатками сознания Пашка допёр, что получит от предков Катьки хорошего нагоня за учинённый разгром и под всеобщий бардак поспешил слинять домой.

Танька, оставшись без ухажёра, загрустила и даже поревела немного на плече у подруги. Потом они стали примерять свадебное платье на Таньку, путаясь в складках и хитроумных застёжках. Умаявшись, обе завалились спать в обнимку на диванчике в комнате у Катьки.

Тарас сильно набрался, и в какой-то момент его осенила идея: четвёртую фазу легко можно получить. Достаточно намотать ещё одну обмотку на трансформатор. Но вот куда её мотать — не совсем понятно. Чтобы не потерять идею он тут же решил сгонять в мастерскую и набросать чертёжик.

Пока шёл, устал и присел на лавочку возле какого-то дома. Да тут и уснул. К утру он сильно продрог. Пиджак то жене отдал, когда вечером похолодало.

На плохо гнущихся ногах, он поплёлся к дому Катьки, краем глаза отмечая лежащие на земле столбы уличного освещения. Что-то тут было не правильно. Что за фигня!? Столбы не просто лежали. Их кто-то свернул у самого основания, и остались только маленькие пеньки, с торчащими в разные стороны, щепками.

Тарас почувствовал, как на затылке сами собой зашевелились волосы. Это ж какой гад ему столько работы навалял? Он стал считать сбитые опоры и насчитал пять штук, пока не упёрся в виновника катастрофы. Им оказался «Москвич» Семёна. Сам горе-водила преспокойно дрых на заднем сиденье, разбитой в хлам, машины. На нём не было ни единого синяка или даже царапины. Это было удивительно, так как капот машины был вдавлен вовнутрь до середины, и место водителя занимал, залитый маслом, двигатель. Растолкав Семёна, Тарас погрозил кулаком перед самым носом терминатора и угрюмо спросил:

— Ты что ж, гад, натворил? Мне теперь работы на неделю хватит, а то и на две. Я ж только в прошлом месяце новые провода повесил! Ты куда так спешил, а?

— Да понимаешь, выпивка заканчивалась. А тут свояк пристал: поехали, да поехали к Тимофеевне за самогоном. Это ж на другом конце села! Ну, сам понимаешь: свояк — есть свояк. Как откажешь? Да только я что-то ослаб по пути и не удержал руля. Сам не знаю, как уцелел. Может, в окно выпал? Сваяк-то хитрец, сам не поехал. Ну, может оно и к лучшему. А то ещё и его бы угробил нафиг.

— Мудак ты, Семён, — обиженно махнул рукой Тарас и пошёл разыскивать свою жену.

Семён пожал плечами, но спорить не стал. Прав Тараска, урон нанесён существенный. Могут и в ментовку потащить. Нужно самому председателя первым выловить и как-нибудь загладить это дело.

Тарас зашёл в распахнутую настежь квартиру Катьки и осмотрелся. Ну и барда-а-ак... Он, не глядя, подхватил ту, что была в свадебном платье и поволок на кровать. Брачной ночи не получилось, так хоть поспать рядышком — и то нормально. Танька что-то прохныкала сквозь сон, однако из забытья выныривать не захотела. Тарас уложил «невесту» к стеночке, а сам прикорнул рядом. И сразу провалился в кошмар, в котором Семён на своей лайбе методично сшибал все столбы подряд и при этом злобно посмеивался. А Тарас бегал за ним с топором, но никак не мог догнать и только лихорадочно подсчитывал в уме, сколько провода придётся вешать заново...

Эдик слегка обгорел. Но не на солнце, а самым натуральным пламенем. Он долго крепился, но местный самогон оказался сильнее. Ближе к утру, Гонзалес вместе с тестем Тараса решил намыть Змея. Всё-таки завтра они окажутся на море. Там люди отдыхают, дамы в пляжных нарядах фланируют по берегу и всё такое. Не гоже было показываться на пляже в дорожной пыли. А Горыныч уже мирно спал под большим дубом и видел десятый сон.

Тесть притащил из сарайчика поливочный шланг и потом долго прикручивал его к крану на кухне. Шланг упёрся и не хотел налезать на смеситель. При этом вода из крана хлестала на всю катушку. Пока тесть приторочил шланг на место, на полу было уже полно воды. В результате он конкретно залил соседей на первом этаже. Но, так как соседи в это время гудели за общим столом во дворе, то и не заметили сразу такую поруху.

Эдик терпеливо стоял со шлангом у окна кухни и ждал напора. Как только тот появился, испанец невозмутимо направил струю прямо на спящего Змея и стал поливать его, как заправский дворник. Горыныч спросонок вскочил и, не глядя, выпустил приличный заряд пламени, изжарив шланг и подпалив бок Гонзалесу. Эдик от неожиданности отпрянул от окна, упав в лужу на полу. Пламя погасло, но успело прижечь локоть и правую ягодицу. Скрипнув зубами, Эдик опять высунулся в окно и с укоризной произнёс:

— Ты что же, *canalla*, творишь? *Empanadilla* из меня сделать хочешь?

Змей глухо рычал и явно ещё не проснулся до конца. Наконец, он встряхнул мокрой головой и более осознанно уставился на испанца.

— Я чё-то не понял, или чё?

— Вот именно, *mio querida*! Ты только посмотри на себя: чумазый, как *sochinillo*. Мыться когда будешь?

— Я это, успею ещё. Ты так больше не делай, *machitos*. А то могу ненароком изжарить насовсем. Усёк?

— *Esta bien*, — вздохнул Эдик и поморщился. Всё-таки бок ощутимо пекло. Нужно будет у шамана какой-нибудь мази спросить. И куда он только делся? Как сюда прилетели, так сразу и исчез. Надо бы пойти поискать.

Гаша по-тихому отключился в удобном кресле, которое стояло в доме у Катьки перед телевизором. Сквозь дрему он посмотрел какой-то мутный фильм, а потом во сне долго парил

высоко в небе, разговаривая с двумя оранжевыми птицами. Они выглядели обычными цаплями, но что-то в них было зловещее.

Однако Гаша их совсем не боялся. Напротив, он достал волшебную пуговицу гуру Димы и стал смотреть сквозь дырочки на странных птиц. Те сразу превратились в давних знакомых мужиков – вампиров. Но теперь уже они сторонились Гашу и о чём-то перешёптывались между собой. Пипл с размаху кинул в них сверкающую пуговицу и мужики с воплями умчались вдаль. Теперь уже навсегда. Это Гаша знал наверняка. У него вдруг появилась такая уверенность в себе самом, что казалось: будь тут сотня таких вампиров, он бы легко всех порвал голыми руками. В эдакой эйфории он и проплавал до самого утра, пока его не разбудил Эдик.

— Вставай, пипла! Кончай слипать или дримсать. Как там у вас?

— Спать. Мы есть спать и никак иначе!

— Ладно, amigo, умывай морду лица, а я пойду шамана поищу. Опять где-нибудь отрывается на речке...

Индеец лёгким шагом топал вдоль по бережку и откровенно тащился от приятного и свежего утра. Чуть пошаманив, он быстро задружился с Духом реки и с удовольствием искупался. Блин, как всё-таки здорово летом! Хочешь — купайся вволю, хочешь — загорай до почернения. Не обременённому кучей одежды телу легко и приятно.

Шаман взглянул на восток. Солнце, как золотое яблоко, выскочило из-за горизонта, намереваясь хорошенько прожарить эти южные земли, где всё росло само по себе. Мокасин сплясал короткий танец приветствия и поклонился солнцу, скрестив руки на груди:

— Хау! Приветствую тебя, О Великий Шипе-Тотек!

— И тебе привет, шаман! — ответило солнце.

Затем он свернул с тропинки и направился в село. Навстречу, не торопясь, топал Эдик. Вид у него был довольно помятый. Испанец слегка прихрамывал на правую ногу и при этом морщился и тихо матерился по-мексикански.

— А! Привет Мокасин! Где пропадал?

— Да так, ходил немного.

— Ну да, ну да. Слушай, выручай, amigo. Горыныч спросонок подпалил меня ненароком. Печёт — хоть ты тресни! Есть у тебя чего-нибудь?

Мокасин не стал выяснять, с чего бы это Змею своих жарить, но полагал, что за дело. Он молча кивнул испанцу, требуя скинуть портки. Эдик оглянулся по сторонам. В этот ранний час на улице практически не было ни души. Он сноровисто снял штаны.

— Да-а-а. Придётся ампутировать.

— Да ты что!?

— Шутка. Ничего страшного. Вот, возьми, намажься, — Мокасин протянул Эдику пузырёк с чёрной и весьма вонючей субстанцией.

Испанец, не обращая внимания на запах, сноровисто замазал пострадавшую часть тела и быстро оделся. Боль тут же утихла. Лишь мазь немного пощипывала. По лицу Гонзалеса растеклась довольная улыбка.

— И что бы мы без тебя делали, amigo! Спасибо, друг! — Эдик в порыве чувств кинулся на шею индейцу и от души облобызал. От него свирепо несло самогоном и табаком.

Мокасин невозмутимо отцепил от себя испанца и осторожно поставил на землю.

— Ладно тебе, кончай лизаться. Пора в путь.

— Точно, пошли скорее!

Гаша уже насобирал с уцелевших столов жратвы и натолкал её в пластиковые пакеты, которых надыбал на кухне целый ворох. Народ ещё в большинстве своём дрых беспробудно. Лишь под кусточком дед Петро с какой-то древней старушкой мусолил чашку с самогоном и что-то внушал бабке. Та, как молодая, беззаботно смеялась, сверкая на утреннем солнышке единственным стальным зубом. Дед довольно кряхтел и изредка обводил окружающий мир мутным глазом. Хорошо посидели.

Змей уже стоял возле корзины и виновато смотрел на испанца. Всё-таки нехорошо как-то получилось. Но Эдик только молча обнял его за щетинистую морду и ласково похлопал по шее.

— Ничего, mio amigo! Всё путём!

Змей облегчённо вздохнул и завил хвостом по-собачьи. Все вместе быстро приладили корзину и загрузили провиант. Гаша даже умудрился где-то найти целую бутылку водки. Видимо, кто-то ещё с вечера её припрятал за холодильником. Эдик похвалил друга за находчивость. Они хлопнули по полстакана для поправки здоровья и запрыгнули в корзину. Оставалось пролететь каких-то сотню с небольшим километров и вот оно — море!

Прощаться ни с кем не стали. Это грозило вылиться в очередную пьянку и даже, вполне вероятно, не на один день. К тому же, тесть Тараса обещал на следующий день привезти знакомого репортёра из города, чтобы все узнали, какие гости пожаловали к ним на свадьбу. Это было вовсе ни к чему путешественникам. Не хватало ещё засветиться в местных «Новостях».

Горыныч легко оттолкнулся от земли и резво набрал приличную высоту. Свежий ветер подхватил под крылья, неся в попутном направлении. Три приятеля облокотились о край корзины и стали с нетерпением всматриваться вдаль. Ветер уже доносил до них солёный запах моря, навевая приятные мысли.

Амулеты тоже повыскакивали из сумки Мокалина и пристроились на краешке корзины. Они радостно пихали друг дружку в бока, подпрыгивая от возбуждения и не боясь рухнуть вниз, так как умели летать. Шаман не стал их одёргивать. Пусть парни веселятся. В утреннем воздухе чувствовалось некое праздничное настроение, разгоняя, словно клочки тумана, тяжкие воспоминания о злобных старухах, об уряднике Толике, о сгоревшем самолёте Еремея, о неприветливых параллельных мирах и зловещем генерале...

Впереди намечалось целое лето, а это не просто праздник. Это Grande Fiesta! И никак иначе.

Змей с приятелями постепенно превратился в точку на небе, а дед Петро с древней старушкой тихо махали им вслед и шмыгали носами.

— Да-а-а, хорошие артисты, хорошие!

— Твоя правда, Матвеевна, удалась свадьба.

— Небось, денег содрали — страх!

— А то!

— Счастливой дороги, милья!

* * *

А в пустующем доме приятелей сидели на печке разжиревшие донельзя беспризорные коты и лениво трепались, вертя за хвост по связке мышей:

— Ты как думаешь, долетели они до моря или как?

— Ну, дык ёлы-палы, конечно! Куда ж они денутся?

— Счастливые... Я, вот, никогда моря не видел.

— Да и хрен-то с ним! Чего на него смотреть? Море — оно большое и мокрое, бррр! Ты, ведь, всё равно плавать не умеешь.

— Дурак ты, Васька. Я ж не плавать, я ж для души.

—хлопотно это слишком. Для души можно и к Мурке сходить. Пошли?

— Пошли.

И натужно кряхтя, оба толстяка вразвалочку потопали к соседской кошке, посматривая по сторонам и опасаясь офигевшего от жары и слепней пса Валерку, который иногда, словно дурная комета, проносился по улице с воем, кусая всех подряд.

Кругом звенели кузнечики и пикировали в атаке шмели со слепнями. Лето вступило в свои права и радовало просто тем, что оно есть...

КОНЕЦ.